

МОЙ УРАЛ СГВОЗЬ СТОЛЕТИЯ

М. Г. Муллагулов

Архаичные способы хозяйства у башкир

традиции и новации

МОЙ УРАЛ СКВОЗЬ СТОЛЕТИЯ М. Г. Муллагулов

Архаичные способы хозяйства у башкир *традиции и новации*

КИТАП
Уфа • 2014

УДК 39(470.57)
ББК 63.5(2Рос.Баш)
М 90

Рецензенты

доктор исторических наук, профессор *Р. З. Янгузин*,
доктор географических наук *А. В. Псянчин*

Муллагулов, М. Г.

М 90 Архаичные способы хозяйства у башкир: традиции и новации / М. Г. Муллагулов. – Уфа: Китап, 2014. – 176 с.: ил.

ISBN 978-5-295-05925-4

В книге исследуются присваивающие виды хозяйства башкир как способ жизнеобеспечения в различных ситуациях. В центре внимания автора собирательство и рыболовство. В книге важное место занимают проблемы интродукции и акклиматизации дикорастущих видов растений, а также – разведения ценных и редких видов рыб, делается акцент на востребованность дикорастущих съедобных трав и корней в настоящее время.

Книга рассчитана на широкий круг читателей.

**УДК 39(470.57)
ББК 63.5(2Рос. Баш)**

ТП-088/14

ISBN 978-5-295-05925-4

© ГУП РБ Би «Китап»
имени Зайнаб Бишиевой, 2014

Посвящается светлой памяти родного брата Марата Гизитдиновича Муллагулова, человека крепкой воли и характера, замечательного учителя и талантливого педагога, а также эколога-энтузиаста

ПРЕДИСЛОВИЕ

До сих пор в памяти сохранились те суровые годы Великой Отечественной войны и послевоенный период. Тогда мы, как и все население горной зоны Башкирии, жили, можно сказать, почти без хлеба. Башкиры смогли позволить его себе лишь с 60-х годов прошлого столетия. В эту тяжелую пору в жизнеобеспечении населения большую роль играли собирательство и рыболовство, существенно дополняющие основной рацион.

После холодной и изнурительной зимы наступала долгожданная весна. Как только появлялась первая зелень на горных склонах и степных холмах, многие жители деревни отправлялись по своим точкам за сбором съедобных трав, корнеплодов. Летом они собирали ягоды и плоды, а осенью – ягоды кустарниковых растений и коренья.

Рыболовство также играло немаловажную роль в поддержании жизни населения. Необходимо отметить, что собирательство и рыболовство спасали башкир и в экстремальных случаях.

Традиционный уклад жизни у башкир за последние 50–60 лет почти полностью изменился, сохранившись лишь в памяти узкого круга людей. Основная часть горожан давно не имеет представления о съедобных травах, тем более о корнеплодах. В области собирательства они в какой-то мере знают что-либо о ягодах и плодах кустарниковых растений, и то лишь потому, что это занятие до сих пор еще сохранилось в быту. Как только наступает плодово-ягодная пора, городские жители с большим энтузиазмом отправляются в свои ягодники.

Горожане плохо представляют также традиционное рыболовство: в лучшем случае они могут рассказать лишь о реках или озерах и некоторых рыбах, обитающих в этих водоемах, и мало что знают о технологии рыбной ловли, не говоря уже о местных особенностях этого занятия.

Между тем башкирская поговорка гласит: «*Кабат инер ишегеңде каты ялма!*», что на русском языке примерно означает: «Не плюй в колодец – пригодится воды напиться».

Если мы стремимся сохранить башкирский этнос, его язык, то обязаны беречь самобытную культуру и в области традиционного хозяйства, и в сфере материальной и духовной жизни.

Собирательство и рыболовство, а также другие виды присваивающего хозяйства востребованы и в современных условиях прежде всего потому, что они обеспечивают нас натуральными продуктами.

Мы совершенно не знаем, что будет с нами завтра, через 10–15 лет. Мы плохо представляем свои действия, поступки в случаях новых катаклизмов, например, в условиях новой затяжной засухи, при излишках влаги, когда загнивает растительность, за исключением древесных пород, или же при появлении неизлечимых болезней животных и растительности и т. д. Как показал многовековой опыт народов, раньше в таких ситуациях благодаря собирательству и рыболовству выжили тысячи людей.

Нет гарантии, что мы вдруг не окажемся в экстремальных условиях. Поэтому каждый из нас должен иметь хотя бы общее представление о том, что такое собирательство – какие травы и корнеплоды ели раньше люди, где их собирали, как употребляли в пищу. То же касается и рыболовства: мы должны знать, как прежде добывали ту или иную рыбу и к каким способам прибегали.

И наконец, необходимы знания по народной медицине башкир и других народов, основанные на использовании разного рода трав и корней при лечении тех или иных болезней.

ВВЕДЕНИЕ

Пожалуй, трудно себе представить жизнь далеких предков без присваивающих видов хозяйства, к которым относятся прежде всего собирательство и рыболовство. Первый из них в Большой советской энциклопедии характеризуется следующим образом: «Собирательство – одна из форм хозяйственной деятельности человека, состоящая в собирании для пищи дикорастущих съедобных корней, плодов, ягод, меда, а также моллюсков, насекомых и пр. Как основа хозяйства сохранилось у некоторых индейских племен тропических областей Южной Америки и небольшой части аборигенов Австралии. При первобытно-общинном строе собирательство вместе с охотой, а часто также и рыболовством, составляло единственный комплекс присваивающего хозяйства (присвоения преимущественно готовых продуктов природы), которое исторически предшествовало производящему хозяйству...»¹.

В целом в этой выдержке собирательству дается правильная оценка. По-видимому, здесь следует добавить еще о травах, игравших немаловажную роль в жизнеобеспечении человека в качестве пищи как на первых порах, так и использующихся в питании людей до настоящего времени*.

Собирательство и рыболовство, как и охота и бортничество, играли важную роль в процессе адаптации людей к природной среде. Так, например, собирая съедобные травы или же корнеплоды, а также ягоды и плоды, люди лучше познавали природу. Занимаясь охотой и рыбной ловлей, они знакомились с животным миром.

Если охота и рыболовство обеспечивали население высококалорийным мясным продуктом, составляющим основу питания наших далеких предков, то съедобные травы и корни, ягоды и плоды и мед диких пчел были необходимым и существенно важным дополнением к мясу и рыбе. Не случайно в дореволюционных изданиях особо подчеркивалось² и отмечается до сих пор большое значение этих отраслей хозяйства в развитии человеческого общества³.

¹ *Периц А. И.* Собирательство // Большая советская энциклопедия. 3-е изд. М., 1976. Т. 24. Кн. 1. С. 6.

* Мы остановимся на этом подробнее в 1-й главе первого раздела данной монографии.

² *Тайлор Э. Б.* Антропология (введение к изучению человека и цивилизации) / Пер. с англ. СПб., 1898. С. 203–204; *Крубер А. А.* Хозяйство как эксплуатация естественных богатств (антропогеографический очерк). М., 1917. С. 8–17.

³ *Кларк Г.* Доисторическая Европа: экономический очерк. М., 1953; *Токарев С. А.* Новое о происхождении экзогамии и тотемизма // Проблемы антропологии и исторической этнографии Азии. М., 1968. С. 257, 258; Охотники, собиратели, рыболовы: проблемы социально-экономических отношений в до-

По мере развития общества собирательство и рыболовство претерпевали существенные изменения. Например, на первых порах древнейшие люди, по-видимому, ограничивались сбором таких трав и корнеплодов, добыча которых не требовала особых усилий, а рыбаки легкодоступную рыбу ловили просто руками. Примечательно то, что и теперь иногда человек прибегает к этим приемам.

Уже на ранних этапах своей истории люди начали собирать травы, корнеплоды, ягоды, в том числе труднодоступные, применяя для этого особые орудия труда: в собирательстве – специальные корнекопалки, в рыболовстве – особые петли и т. д. Постепенно сложился целый комплекс предметов материальной культуры. Естественно, они не раз менялись в дальнейшем, одни из них технически совершенствовались, а другие, наоборот, исчезали. Однако некоторые атрибуты традиционного быта, возникнув еще в глубине тысячелетий, продолжают применяться до сих пор, например корнекопалка или петля, с помощью которой ловили рыбу или диких животных наши предки¹. Это связано с консерватизмом человеческого сознания по причине устойчивости традиций в материальной культуре. «*J'ai recu cel usage, cet outil de mes peres, je m'en suis toujours servi; je ne vois pas pourquoi j'en changerais*»².

Эти атрибуты, судя по этнографическим исследованиям, были известны еще в первобытную эпоху³. В исследовании этих истоков заключается научно-познавательное значение изучаемой темы, что позволяет рассматривать собирательство и рыболовство как ценный информативный материал при исследовании этнической истории народов и их этнокультурных контактов.

Собирательство представляет интерес и для истории культуры. Немало времени прошло, пока люди научились разбираться в растениях – какие из них съедобны и какие нельзя употреблять в пищу. Какого бы прогресса ни достигла современная агрокультура, она своим появлением обязана многолетнему опыту наших предков в деле использования в пищу тех или иных трав или же корнеплодов.

Рацион питания зависел от времени года. Ранней весной люди употребляли в пищу первую зелень и рыбу, летом они наряду с рыбой и молочными продуктами питались ягодами, а ближе к осени рацион питания дополнялся еще и вкусными

земледельческом обществе / Отв. ред. А. М. Решетов. Л., 1972. С. 1, 2–7; *Першиц А. И.* Собирательство... С. 6; *Решетов А. М.* Основные хозяйственно-культурные типы ранних земледельцев // *Ранние земледельцы: этнографические очерки.* Л., 1980. С. 34, 35, 37; *Кабо В. Р.* У истоков производящей экономики // Там же. С. 60, 61–64, 68–73, 76–79, 80–83; *Семенов Ю. И.* Производство... // Социально-экономические отношения и социально-нормативная культура / Отв. ред. А. И. Першиц, Д. Трайде. М., 1986. С. 157–159; *Арутюнов С. А.* Система жизнеобеспечения в культуре этноса и в этнической культуре // *Традиционное и новое в культуре народов России: Тез. докл. и выступлений на Всерос. конф.* Саранск, 1992. С. 141.

¹ *Тайлор Э. Б.* Первобытная культура. М., 1969. С. 107–121; *Лунс Ю.* Происхождение вещей: из истории человечества. М., 1954. С. 79–93; *Семенов С. А.* Развитие техники в каменном веке. Л., 1968. С. 298–303, 312–316.

² См. подробнее об этом: *De Mortellet A.* Survivance usuelle de la pierre // *Revue anthropologique.* Paris, 1911. N 3. P. 82–83; *Jacques Mauduit.* La vie quotidienne a l'epoque – des premiers chasseurs (de la prehistoire aux societes pretives d'Afrigue). Paris, 1978. P. 241–289.

³ *Колубовский И. Я.* Первобытное общество. Л., 1925. С. 70–77, 99–103 и др.; *Лунс Ю.* Происхождение вещей... С. 94–98.

плодами растений и съедобными корнями. Важно сказать, что такой режим питания наблюдался также и у башкир. Проблема, затрагивающая собирательство и рыболовство в хозяйственной системе башкир, занимает важное место и в работе известного исследователя А. П. Чулошникова¹. Все это, несомненно, заслуживает внимания и изучения.

В наше время многие элементы традиционной культуры, в том числе и в области собирательства и рыболовства, уходят в прошлое. Все меньше остается людей, хорошо разбирающихся в местной флоре и фауне и имеющих огромный опыт практического использования того или иного растения. Следовательно, важной задачей этнографов является фиксация, систематизация и научная интерпретация собранных данных в этой области.

Сегодня собирательство имеет и прикладное значение. В настоящее время в рационе питания населения произошли крупные изменения и, по нашему мнению, не в лучшую сторону. Резко увеличилась доля продуктов, выработанных из искусственно синтезированных компонентов и генетически модифицированных продуктов. Между тем ресурсы природы еще далеко не исчерпаны². По данным биологов, в мире насчитывается около 80 тыс. видов съедобных растений, в пищу употребляется около 3 тыс. видов, а культивируется – около 150.

То же самое можно сказать и в отношении рыболовства. Так, в Башкортостане протекают около 1 600 рек, и только на шести из них существуют рыбоводство и рыболовство³. Республика в этом отношении располагает большими возможностями. Яркий пример тому – ООО «Кармановский рыбхоз», представляющий собой образцовое предприятие по разведению рыбы. Он снабжает данной продукцией не только свою республику, но и Татарстан, Удмуртию, Пермскую область и Москву. Товарооборот у кармановских рыбоводов ежегодно составляет 25–30 млн руб.⁴

Однако мы не должны забывать об экономической и природоохранительной сторонах проблемы. Широкое использование в пищу дикорастущих трав и корнеплодов, и в равной мере плодов и ягод, так же как и рыбы, оправдано следующими причинами:

1. Собирательство и рыболовство обеспечивают нас натуральными продуктами питания.

¹ Чулошников А. П. Феодальные отношения в Башкирии и башкирские восстания XVII – первой половины XVIII в. // МИБ. М.; Л., 1936. Ч. 1. С. 3–64.

² Никитинский Я. Я. Суррогаты и необычайные в России источники пищевых веществ растительного и животного происхождения. М., 1921; Дикie съедобные растения / Под ред. акад. Б. А. Келлера. М.; Л., 1941; Клубкова-Алисова Е. Н. Дикорастущие полезные и вредные растения. М.; Л., 1958. Т. I. Байков Г. К. Народнохозяйственное значение плодово-ягодных растений флоры Башкирии и задачи по их охране // Состояние и задачи охраны природы в Башкирии: Матер. I научн. конф. по охране природы Башкирии. Уфа, 1960. С. 107–109; Кучеров Е. В.; Байков Р. Г., Гуфранова И. В. Полезные растения Южного Урала. Уфа, 1976 и др.

³ См. подробнее об этом: Тиненева В. Осетрина первой свежести // Республика Башкортостан. 2005. 19 окт.

⁴ Там же.

2. Некоторые дикорастущие корнеплоды по калорийности нисколько не уступают огородным овощным культурам¹. На это указывают исследования биологов² и травников-энтузиастов – Я. Я. Никитинского, Р. Б. Ахмедова и др.

3. Собирая и употребляя в пищу дикорастущие растения и корнеплоды, а также лесные и луговые полезные ягоды, мы не должны забывать об их охране³. О данной проблеме мы неоднократно говорили на заседаниях IV Конгресса этнографов и антропологов России, а также на научно-практических конференциях и совещаниях.

Помимо бережного отношения к флоре, одним из путей в этом направлении является интродукция и акклиматизация дикорастущих видов, на что обратил серьезное внимание академик Н. И. Вавилов⁴.

Такая работа уже начата⁵. В ряде селений в огородах и садах можно увидеть ускун и некоторые другие виды лука⁶, а из корнеплодов – сарану и бубенчик лилиелистный⁷.

4. О пользе употребления в пищу рыбных продуктов имеется масса справочной литературы. Мы хотим обратить внимание читателя лишь на один аспект. В последнее время в республике наблюдается восстановление старых прудов фермерами и частными лицами⁸ и разведение не только местных видов рыбы, но и привозных. Наряду с этим мы не должны забывать и о прежних традиционных способах рыболовства. Лишь возрождение последних даст нам возможность сохранить рыбные ресурсы в водоемах. И наконец, говоря о практическом значении собирательства и рыболовства, не следует забывать и о том, что в последние годы в связи с ухудшением социально-экономического положения села значительно возросла роль этих видов деятельности. В настоящее время для большинства сельчан продукты, произведенные в личном подсобном хозяйстве или добытые путем собирательства и рыболовства, кустарным способом, составляют большое подспорье. На базарах и больших трактах весной жители сел продают дикорастущие растения и рыбу, летом – различные ягоды, а осенью – грибы и рыбу, плоды различных лесных и садовых деревьев и кустарников.

¹ Ахмедов Р. Б. Слово о реках, озерах и травах. Уфа, 1980. С. 305.

² Кучеров Е. В., Байков Г. К., Гуфранова И. В. Полезные растения...; Кучеров Е. В. Дикорастущие пищевые растения и их использование. Уфа, 1990. С. 10–13 и др.

³ Муллагулов М. Г. Природоохранные традиции в этнической культуре башкир // IV Конгресс этнографов и антропологов России. Нальчик, 20–29 сент. 2001. С. 201–202; Он же. Традиционное природопользование башкир в XIX – нач. XX в. // Археография Южного Урала: Матер. IV Межрегион. научно-практ. конф. Уфа, 2004. С. 136–138; Он же. Природосбережение как главный принцип в развитии собирательства, охоты и рыболовства у башкир // Археография Южного Урала. 2013: Матер. 13-й Всероссийск. научн.-практ. конф., посвящ. году охраны окруж. среды. Уфа, 2013. С. 65–67.

⁴ См.: Вавилов Н. И. Пять континентов / Отв. редактор д-р биол. наук Л. К. Родин. Л., 1987. С. 6–13 и др.

⁵ Кучеров Е. В. и др. Указ. соч. С. 12; Хайретдинов С. С. Морфологическая изменчивость *Allium obliquum* // Редкие и исчезающие виды полезных растений Башкирии и пути их охраны. Уфа, 1982. С. 68–74; Ахмедов Р. Б. Указ. соч. С. 306.

⁶ См.: гл. II данного исследования; Кокорева В., Сузан В. Лук косой // Уральские нивы (далее – УН). 1991. № 5. С. 12–13.

⁷ Там же; Полевые записи автора 2004 г. С. 4.

⁸ См.: Гареев Р. Ловись рыбка большая и малая: Туймазинские фермерские хозяйства подводят итоги работы // РБ. 2004. 10 дек.; Тихенева В. Указ. соч. (газ.)

Роль собирательства довольно значительна и для экономики страны. Достаточно сказать, что только с дикорастущих плодовых насаждений в стране ежегодно собирают более 1,5 млн тонн плодов и ягод¹. А сколько даров природы заготавливается в домашних условиях! Использование в пищу лесных ягод и дикорастущей зелени, не говоря уже о таких продуктах, как грибы и лесные орехи, не только разнообразит ассортимент пищевых продуктов, но и значительно экономит наши расходы на питание в условиях дороговизны. Сейчас этот вопрос активно обсуждается в периодической печати². Следует отметить, что в будущем в связи со стремлением населения к употреблению в пищу натуральных продуктов практическое значение собирательства и рыболовства будет возрастать.

Проблемы жизнеобеспечения всегда были объектом внимания этнологов. Их интересовало: где живет этнос, какие у него хозяйственные занятия, чем питается население, что употребляет в пищу из дикорастущих трав, какие рыбы водятся в местных водоемах и как их ловят, употребляется ли рыба в пищу и т. д.

Проблемы интродукции и акклиматизации полезных дикорастущих растений всегда интересовали науку не только за рубежом, но и в России. Проводились эксперименты по выращиванию и акклиматизации данных видов растений в огородных условиях. Результаты такой работы освещались на страницах журнала «Акклиматизация» (выходил под редакцией Яна Калиновского). Интересно и чрезвычайно важно и то, что здесь публиковались также исследования по сбору дикорастущих трав и корнеплодов. В частности, в этом журнале увидела свет уникальная статья А. И. Арсептова «О растениях, употребляемых в пищу в приполярной полосе Якутской области»³. Естественно, подобного рода исследования дали направление будущим изысканиям по разрабатываемой проблеме. Однако, несмотря на заметное оживление этнографических исследований в этот период, работ по собирательству публиковалось ничтожно мало*. Объяснялось это не только слабой изученностью традиционного хозяйства народов по регионам, но и во многом отсутствием общетеоретических исследований по данному направлению этнографии.

В годы советской власти научно-изыскательская работа по изучаемой теме несколько оживилась и особенно усилилась в 70–80-е годы XX века. Появились историко-этнографические исследования общетеоретического характера⁴, активизировался сбор съедобных и лекарственных растений⁵, продолжалась работа по собиранию ценных трав, а также диких ягод и корнеплодов в лечебных целях и их изучению.

¹ Митюков А. Д., Налетко Н. А., Шамрук С. Г. Дикорастущие плоды и их применение. Минск, 1975. С. 3.

² Крапива двудомная // УН. 1990. № 5. С. 9; Кучеров Е. Катран татарский – заменитель хрена // Там же. 1991. № 8–9; Латыпова Ф. Урман кунактары // Аманат. 1998. № 10 и др.; Гареев Р. Указ. соч.; Тигенева В. Указ. соч.

³ См.: Акклиматизация. М., 1882. Т. 3. Вып. 8.

* Имеются в виду исследования, посвященные занятиям населения по сбору съедобных трав и корнеплодов, а также дикорастущих ягод. Последние собирались и с лечебной целью.

⁴ Кларк Г. Доисторическая Европа... С. 95–97, 99–104 и др.; Токарев С. А. Новое о происхождении экзогамии и о тотемизме // Проблемы... С. 257–258; Охотники, собиратели, рыболовы... С. 1–2, 7 и др.; Першиц А. И. Собирательство... С. 6.

⁵ Меновицков Г. А. Дикое растение в рационе коренных жителей Чукотки // СЭ. 1974. № 2. С. 93, 94 и др.; Туголуков В. А. Кто вы, юкагиры? М., 1979. С. 96–97; и др.

Примерно в то же время ведется активная работа по изучению редких и исчезающих растений¹, а также по подготовке и изданию Красных книг по географическим зонам, разного рода справочников по флоре и фауне как в общероссийском масштабе так и по регионам и областям.

В целом проделана немалая работа по разработке самой проблемы. В настоящей работе уместно акцентировать внимание на двух моментах – на степени изученности темы по таким отраслям хозяйства, как собирательство и рыболовство, и на уровне ее разработанности в региональном отношении. В этнографии сравнительно лучше и гораздо полнее изучено рыболовство и значительно меньше – собирательство, особенно сбор полезных трав и корнеплодов, а также других даров природы, используемых преимущественно в пищу², за исключением тех растений, которые собирались местными травниками в лечебных целях³.

В региональном аспекте растительный мир и собирательство сравнительно лучше изучены на Европейском Севере России⁴ и в Поволжье⁵, а также на Дальнем Востоке⁶ и в Западной Сибири⁷ (особенно сами занятия), слабее – на Урале⁸.

Относительно рыболовства можем отметить, что в региональном аспекте оно хорошо изучено на материалах европейской части России и Кавказа, в азиатском

¹ Определитель растений Башкирской АССР. М.; Л., 1966; Редкие и исчезающие виды полезных растений Башкортостана и пути их охраны. Уфа, 1982; и др.

² Клобукова-Алисова Е. Н. Дикорастущие... М.; Л., 1958. С. 8, 10, 13, 15–16 и др.; Байков Г. К. Народнохозяйственное значение дикорастущих плодово-ягодных растений флоры Башкирии... С. 107–109; Кучеров Е. В., Байков Г. К., Гуфранова И. В. Полезные растения...; Кучеров Е. В. Ботанические экскурсии в Башкирии. Уфа, 1987. С. 15–21, 49, 64, 113–132; Он же. Дикорастущие пищевые растения... С. 29–37; и др. работы.

³ Богоявленский Н. А. Медицина у первоселов Русского Севера: Очерки из истории санитарного быта и народного врачевания XV–XVII вв. Л., 1966. С. 90, 107–108 и др.; Кучеров Е. В. Лекарственные растения в поймах больших и малых рек Башкирии // Растительность речных пойм, методы ее изучения и вопросы рационального использования: Тез. докл. I Всесоюзной конф. Уфа, 1972. С. 64; Ахмедов Р. Кладезь. Уфа, 1991. С. 25, 124, 155, 157 и др.; Никонова Л. И. Тайны мордовского целительства. Самара, 1995; и др.

⁴ Съедобные дикорастущие растения северной части России. Петроград, 1918. Вып. 1 и 2; См. лит.: Криничная Н. А. Народные представления русских о свойствах растений // Этнографическое обозрение (далее – ЭО). 2001. № 4. С. 60–61.

⁵ Казакевич Л. И. Дикорастущие лекарственные, питательные и технические растения Калмыцкой автономной области. Астрахань, 1929; Растительный мир Среднего Поволжья и Заволжья (полезные и вредные растения). Куйбышев, 1940.

⁶ Якуты: опыт этнографического исследования В. Я. Серошевского. СПб., 1896. Т. 1; Аргентов А. И. Указ. соч.; Меновицков Г. А. Указ. соч.; Тоголуков В. А. Указ. соч.; и др.

⁷ Пелих Г. И. Указ. соч.; Корovuшкин Д. Г., Леткин И. В., Смирнов Т. В. Приспособление жилища поздних переселенцев Западной Сибири к природно-климатическим условиям как фактор этнокультурной адаптации // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск, 2001. Т. 1; Адаев В. Н., Рахимов Р. Х. Тюрко-угорские параллели в традиционных промыслах // Тюркские народы: Матер. V Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири». Тобольск; Омск, 2002. С. 248–250; Требтау И. Н. Традиционный охотничий промысел у татар Омской области (по матер. полевых исследований) // Там же. С. 488.

⁸ Пермский сборник. М., 1860. Кн. 2; Крылов П. О лекарственных растениях, употребляемых в Пермской губернии // Труды Общества естествоиспытателей при Имп. Казанском ун-те. Казань, 1876. Т. V. Вып. 2. С. 11–81.

регионе – Западной и Восточной Сибири, а также – Саяно-Алтайского нагорья. Соответствующая литература указана в тексте настоящей работы. В Урало-Поволжье рыболовство изучалось у башкир, татар, чувашей, удмуртов, коми и других народов¹. Однако специальные исследования по рыболовству народов региона, за исключением коми, отсутствуют².

В Башкортостане, где в тесном сотрудничестве живут башкиры, татары, чуваш, марийцы, мордва, удмурты, русские, украинцы и представители других народов, тоже велась активная работа по изучению растительности и их классификации³. К сожалению, этим пока занимались только биологи. Изучение этнографами собирательства как отрасли традиционного хозяйства башкир, можно сказать, только начинается⁴.

Целью данного исследования является историко-этнографическое изучение собирательства и рыболовства у башкир в XIX – середине XX в. В частности, мы попытаемся определить место этих занятий в единой хозяйственной системе, выявить общие и особенные черты этих отраслей традиционной экономики в жизни башкир, исследовать промыслово-хозяйственную обрядность населения, предложить рекомендации по использованию элементов традиционного рыболовства и собирательства в современных условиях.

Литература и источники

Самые ранние сведения по собирательству у башкир мы находим в сочинении известного географа и путешественника Идриси, автора книги «Развлечение тоскующего о странствии по областям» (XII в.). В частности, интересны его сведения в отношении сбора башкирами диких ягод и изготовления из них пастилы (*как*). Путешественник сообщает, как высоко ценилась башкирская пастила, приготовленная из плодов калины, в Хорезме⁵.

¹ Руденко С. И. Башкиры. Опыт этнологической монографии. Ч. II: Быт башкир. Л., 1925; Воробьев Н. И. Казанские татары. Казань, 1953. С. 317–336; Воробьев Н. И., Львова А. И. и др. Чуваш: этнографическое исследование. Чебоксары, 1956. Ч. 1. С. 353–354; Удмурты: историко-этнографические очерки. Ижевск, 1993. С. 87–88, 151–152; Конаков Н. Д. Коми-охотники и рыболовы во второй половине XIX – начале XX в. М., 1983.

² Можно указать еще на научно-популярные работы о башкирском рыболовстве: Нафиков Ш. В. Ыгу буйында балыксы. Өфө, 1997; Азбука рыбацкого везения. Уфа, 2003.

³ Об изучении данной темы см. выше.

⁴ Гайнуллина Н. Ф. Прикладное значение этнографического исследования традиционного питания // Современные этнические и культурно-бытовые процессы у народов Урало-Поволжья и Европейского Севера СССР: Тез. докл. и сообщ. Устинов, 1985. С. 120–121; Муллагулов М. Г. Собирательство как отрасль традиционного хозяйства башкир (к вопросу исторической интерпретации) // Евразийство: историко-культурное наследие и перспективы развития. Тез. докл. Международной научной конференции (14–15 сентября 2000 г.). Уфа, 2000. С. 101–102; Он же. Собирательство дикорастущих растений у башкир // Ватандаш. 2001. № 7. Он же. Собирательство и рыболовство у башкир. Уфа, 2007.

⁵ См.: Әхмәтзәки Вәлиди Туган. Башкортостан тарихы. Өфө, 1994. 14–15-се б.

О значении воды и рыбы в жизни башкир первые сведения дает нам арабский миссионер X в. Ибн Фадлан. В своих записях он сообщает о поклонении башкир наряду с другими объектами, воде и рыбам¹. Это, бесспорно, свидетельствует об их большом значении в жизни древних башкир. Кажется, в этой связи небезынтесен материал, содержащийся в литературном источнике XVII в. Так, например, голландский путешественник Н. Витсен, описывая башкир, сообщает об их занятиях рыболовством и почитании ими сушеного судака (*һыла*) как идола². Кстати, рыбная ловля играла немалую роль и в хозяйстве мадьяр³, которых в эпоху средневековья часто отождествляли с башкирами. Ценный этнографический материал содержится в родословных записях (*шежере*) самих башкир. Например, в шежере башкир-юрматинцев читаем: «От множества скота рыба в Сухайле (приток р. Ашкадар. – М. М.) аж задыхалась, и мы брали ее руками»⁴. В шежере иреклинских башкир повествуется не только о ловле ими рыбы, но и о ее разведении в искусственных водоемах. «Один наш заботливый дядя, – вспоминает их потомок, – устроил на Зиримзи (приток р. Буй. – М. М.) мельничную запруду. Наш дядя купил живую рыбу, привез ее издалека и выпустил в запруду... и все аулы по Зиримзи стали запасать ее как провизию в клетях»⁵.

Чрезвычайно богато этнографическими фактами шежере башкир рода мамбет⁶. Наряду со сведениями о флоре и фауне бассейнов рек Сакмара, Таналык и Макан, в памятнике говорится о роде занятий жителей, в частности, о рыбной ловле и охоте⁷. Порой сообщаются редкие и ценные сведения, например, о девочках-рыбачках⁸, удочках с крючком, сделанным из обыкновенной иголки⁹, а также об обрядности, связанной с рыболовством¹⁰. Судя по данным шежере, раньше в этих реках наблюдалось обилие разнообразной рыбы. С появлением русского и украинского населения популяции рыбных особей сократились вследствие хищнического истребления лесов в поймах рек и массового вылова рыбы переселенцами¹¹.

¹ Путешествие Ибн Фадлана на Волгу / Под ред. акад. И. Ю. Крачковского. М.; Л., 1939. С. 66.

² Окончание примечаний о киргиз-кайсаках и башкирах // Примечания на ведомости. 1734. Ч. 31. сиф 18 апр. С. 125–126; Киргиз-кайсаки и башкирцы были в императорской кунсткамере // Примечания на ведомости. 1734. Ч. 28. 8 апр.

³ «Рыболовством венгры (мадьяры. – М. М.) начали заниматься очень давно, еще до прихода на Дунай», – читаем в книге «Народы зарубежной Европы» (М., 1964. Т. 1. С. 689). В этой связи уместно сослаться на другой источник. «Средством пропитания их (мадьяр. – М. М.) на пути были, разумеется, все те же охота и рыболовство, т. е. занятия, которыми они существовали и на родине» (см.: О пути мадьяр с Урала в Лебедию: Заметки Н. В. Данилевского и К. Я. Грота // Изв. Русского географического общества (далее – РГО). 1883. Т. XIX. Вып. 3. С. 320–345).

⁴ Башкирские родословные / Сост., предисл., пояснения к переводу, пер. на рус. яз. Р. М. Булгакова и М. Х. Надыргулова. Уфа, 2002. Вып. 1. С. 97.

⁵ Там же. С. 386–387.

⁶ Мәмбәт шәжәрәһе / Инеш һүз, төзөү, анлатм. – К. Аралбаев. Өфө, 1994.

⁷ Там же. С. 23, 27 и др.

⁸ Там же. С. 16.

⁹ Там же. С. 50.

¹⁰ Там же. С. 23.

¹¹ Там же. С. 50.

Существенно дополняют сведения о народах нашего края этнографические материалы, извлеченные из трудов местного историка П. И. Рычкова¹. Его интересовали природно-географические условия, флора и фауна, а также население Оренбургской губернии. Исследователь дает ценные сведения о традиционных занятиях башкир, в том числе о собирательстве и рыбной ловле. В частности, он сообщает об изготовлении сетей из крапивных волокон².

При изучении народов края трудно переоценить значение материалов, содержащихся в путевых записях участников академических экспедиций 70–80-х годов XVIII века. Первую экспедицию возглавил П. С. Паллас, вторую – И. И. Лепехин. Обе экспедиции работали в Башкирии. В их работе принял участие также И. И. Георги. Если П. С. Паллас и И. И. Лепехин работали в центральном и южном районах края, то И. И. Георги собирал материал в северо-западных волостях Уфимской губернии. Исследователи досконально изучали природу края и его население. В их трудах также содержится интересный материал по собирательству и рыболовству. Кстати, П. С. Паллас впервые сообщил сведения об употреблении башкирами в пищу сверби, кислицы, борщевика и др.³

Гораздо полнее и разнообразнее характеризует хозяйственную жизнь башкир И. И. Лепехин⁴. Чрезвычайно интересен его материал в отношении сбора смолы лиственницы и использования ее жителями края. «Вырастающая на лиственницах губка служит башкирцам для множества содержащейся в ней серы проносным. Ею лечат они и свой скот, присыпая порошок губки в наружные раны, от чего рана не только скорее заволакивает, но и удерживает насекомых класть в раны свои яйца и размножать червей. Лиственную серу башкирки, подражая восточным народам, жуют и, пережевывая, выбрасывают. Сим средством стараются они в белизне содержать свои зубы...»⁵. Он сообщает о видах рыб, обитающих в водоемах Южного Урала, а также о способах их ловли. Ценно то, что свои описания рыб исследователь сопровождает прекрасными рисунками.

Интересные сведения он дает об изготовлении рыбьего клея, которые зафиксировал среди населения Нижнего Поволжья⁶. Эта информация дала нам возмож-

¹ Речь идет о таких трудах ученого, как «История Оренбургская по учреждении Оренбургской губернии» (1759 г.) и «Ответы на экономические вопросы, касающиеся до земледелия... Оренбургской губернии» // Тр. Всероссийского экономического общества (далее – ВЭО). СПб., 1767. Ч. VII. С. 111–212.

² Рычков П. И. О крапивной кудели и употреблении в пряжу и в другие экономические надобности // Тр. ВЭО. 1770. Ч. 15. С. 71–72.

³ Паллас П. С. Путешествие по разным провинциям Российского государства 1770 г. СПб., 1786. Ч. 2, кн. первая.

⁴ Дневные записки путешествия доктора и Академии наук адъюнкта Ив. Лепехина по разным провинциям Российского государства в 1768 и 1769 гг. СПб., 1795. Ч. 1. С. 59–61, 143 и др.; Продолжение дневных записок путешествия акад. и медицины доктора Ивана Лепехина по разным провинциям Российского государства в 1770 г. СПб., 1802. Ч. 2. С. 2–3, 4–6, 24, 36–40, 45–56 и др.

⁵ Продолжение дневных записок путешествия акад. и медицины доктора Ивана Лепехина по разным провинциям Российского государства в 1770 г. СПб., 1802. Ч. 2. С. 95.

⁶ Дневные записки путешествия доктора и Академии наук адъюнкта Ив. Лепехина по разным провинциям Российского государства в 1768 и 1769 гг. СПб., 1795. Ч. 1. С. 247–249.

ность уточнить и конкретизировать аналогичный материал по башкирам, у которых раньше подобный клей изготовлялся тоже самобытным способом, только несколько иначе¹. Н. Г. Фрадкин, тщательно изучавший «Дневные записки...», отмечает, что по «богатству собранных материалов и точности наблюдений этнографические описания И. И. Лепехина могут служить образцом для позднейших ученых»². Не случайно в отечественной и зарубежной литературе обращается большое внимание на «Дневные записки...»³.

В 1813 г. увидел свет фундаментальный труд Н. С. Попова «Хозяйственное описание Пермской губернии...»⁴. В нем содержатся оригинальные материалы об орудиях рыболовства у башкир.

Немало ярких страниц о крае и хозяйственной деятельности населения оставил писатель С. Т. Аксаков, посвятивший башкирскому краю свои «Записки об ужении рыбы»⁵. К сожалению, в своих исследованиях он дает материал в общем плане, там почти нет национального колорита.

Середина и вторая половина XIX в. ознаменовались появлением двух фундаментальных исследований: второй части географического очерка Э. А. Эверсмана «Естественная история млекопитающих Оренбургского края»^{*} и монографии В. М. Черемшанского «Описание Оренбургской губернии в хозяйственно-статистическом, этнографическом и промышленном отношениях» (1859). На основе личных наблюдений Э. А. Эверсман дает подробную характеристику растительного и животного мира Оренбургской губернии, в состав которой входила значительная часть современной территории Башкирии. Частично им затрагивались вопросы, касающиеся собирательства и рыболовства.

Традиционным хозяйственным занятиям башкир Оренбургской губернии уделено важное место и в монографии В. М. Черемшанского: например, состоянию развития рыбной ловли в середине XIX в., – в которой мы находим интересный материал также о собирательской деятельности башкир, в частности, о том, как они работали на плантациях русских дворян⁶.

Исследуя традиционные занятия башкир, вряд ли можно оставить без внимания работу А. Пекера «Очерки г. Уфы»⁷. Автор останавливается на характери-

¹ См.: Башкорт халык ижады. Өфө, 1959. Т. 2. 77-се б.

² Фрадкин Н. Г. Академик И. И. Лепехин и его путешествия по России в 1768–1773 гг. 2-е изд. М., 1953. С. 169.

³ См.: Озерецковский Н. Я., Зуев В. Ф. Путешествие Ив. Лепехина. М., 1948; Его путешествия... С. 59–66; Фрадкин Н. Г. Академик И. И. Лепехин. С. 169.

⁴ Попов Н. С. Хозяйственное описание Пермской губернии... СПб., 1813. Ч. 3. С. 57, 59 и др.

⁵ См.: Башкирия в русской литературе (далее – БРЛ). Уфа, 1961. Т. 1. С. 26–28, 32–33, 44–46 и др.

^{*} Первая часть очерка, посвященная местной растительности, была издана в 1840 г., вторая книга называлась «Естественная история млекопитающих Оренбургского края» (1850 г.). Третья часть очерка, посвященная местным птицам Оренбургской губернии, была подготовлена к печати к началу второй половины XIX в., однако эта книга увидела свет лишь в 1886 г.

⁶ Черемшанский В. М. Описание... С. 331.

⁷ См.: Вестник Императорского Русского географического общества (далее – Вестн. ИРГО). 1860. № 11. С. 177–200.

ке природно-географических условий местности, где стоит город. Его интересует этнический и социальный состав горожан, их занятия, а также реки, остающиеся важными путями сообщения в условиях бездорожья. Он обращает внимание на торговые связи горожан с сельскими жителями – башкирами, татарами и др. Последние доставляют в город различные продукты – дичь и ягоды, а также хлеб и рыбу. В очерках приводятся статистические сведения по тем или иным товарам с указанием цен на каждый предмет. Например, представляют большой интерес цены на рыбу в зависимости от их вида и размеров.

Среди исследований, появившихся в 1860–1870-е годы, заслуживают внимания статьи Н. Казанцева и А. Игнатовича, которые значительно дополняют новым материалом сведения предыдущих авторов. В частности, Н. Казанцев в работах, опубликованных под общим названием «Описание башкирцев» (они увидели свет в виде книги в 1866 г.), касаясь животного мира водоемов Оренбургской губернии, констатирует: «Озера, реки и даже ручьи в Башкирии изобильны рыбой. Главная порода ее: в озерах – сомы, щуки, лещи, язи, окуни, караси, лини; в реках – превосходного вкуса белая и красная рыба, стерлядь, харюз, а в ручьях – кутема, форель»¹. Интересно заметить, что автор хариуса и кутему принимает за разные рыбы. Судя по исследованию, башкиры сами мало занимались рыболовством, они предпочитали отдавать свои рыболовные угодья в оброк рыбакам из среды пришлого населения. Нередки были случаи, когда угодья продавались русским рыбопромышленникам.

Статья А. Игнатовича «Башкирская Бурзянская волость» – ценное этнографическое исследование. Автор счел необходимым предпослать своей статье краткую административно-территориальную и орографическую справку. В исследовании описываются р. Сакмара и ее притоки. Все же внимание автора привлекают озера. В их числе упоминаются в первую очередь Колтубан, Ялтыркуль, Толкач, Улянлекуль, Султанское, Оскуль. В р. Сакмаре, отмечает автор, встречаются «сомы, достигающие до 16 четвертей». Согласно наблюдениям А. Игнатовича, рыб было много особенно в таких озерах, как Толкач и Колтубан, где часто встречались «щуки длиной в 2 аршина и окуни до 17 фунтов». В отличие от предыдущих авторов он дает интересные сведения о приметах башкир, а также их занятиях по собирательству. Указывает на такие лесные и луговые плодово-ягодные растения, как малина, вишня, черная и красная смородина, особенно много встречающиеся по поймам горных рек и речек².

Большую помощь оказали при написании данного исследования работы Л. П. Сабанеева «Очерки Зауралья и степного хозяйства на башкирских землях»³ и «Рыбы России»*.

¹ См.: Казанцев Н. Описание башкирцев // Оренбургские губернские ведомости (далее – ОГВ). 1860. № 10. С. 15–17, 18–20.

² Игнатович А. Башкирская Бурзянская волость // ОГВ. 1862. № 7. С. 32.

³ Сабанеев Л. П. Очерки Зауралья и степное хозяйство на башкирских землях. М., 1873.

* Первое издание вышло в 1875 г., второе – в 1892 г., третье – в 1911 г., затем книга неоднократно переиздавалась и переиздается до сих пор. Мы будем использовать как издание 1911 г., так и это: Сабанеев Л. П. Серебряные зеркала. Жизнь (уженье) пресноводных рыб. Уфа, 1988. Т. I.

Весьма полезными с научной точки зрения являются некоторые издания Уфимского статистического комитета и губернаторского земского управления («Памятные книжки», «Адрес-календари» и др.), в которых наряду со статистическими материалами по хозяйству имеются краткие описания традиционных занятий башкир и оценка экономического развития губернии в тот или иной период. Например, в «Памятной книжке с статистикой и картой Уфимской губернии»¹ вкратце характеризуется состояние рыболовства к 80-м годам XIX века. Это был период, когда большая часть рыболовных угодий башкир уже оказалась в чужих руках, с одной стороны, у рыбопромышленников, с другой – у русской казны². К этому времени, естественно, рыболовство у самих башкир пришло в упадок. Не случайно в источнике отмечается, что башкиры сами мало занимаются рыбной ловлей³. Причина этого явления заключалась также и в других факторах. На них мы остановимся в главах. Здесь хотим отметить, что сведения Уфимского статистического комитета и губернского земского управления, касающиеся развития традиционных занятий башкир, служили для данного исследования наиболее надежным источником, по крайней мере таким, что дают нам исторические документы из «Материалов по истории Башкирской АССР».

Возвращаясь к изданиям, вышедшим в 90-е годы XIX века, мы хотим обратить внимание прежде всего на очерк В. В. Крубера⁴. В исследовании попутно описываются славные реки и обращается внимание на их обитателей, в том числе на таких рыб, как форель, таймень и хариус.

По степени достоверности этнографических фактов значимы исследования Д. П. Никольского, широко известного по своим научным изысканиям и близко знавшего традиционную жизнь башкир. Работая врачом и живя в г. Кыштыме, он многократно бывал в башкирских деревнях и прекрасно знал традиционный быт не только башкир северной группы, но и башкирского населения Уфимской губернии. В своей статье «Из поездок к лесным башкирам»⁵, появившейся в печати в 1895 г., он останавливается на их хозяйственной деятельности, в том числе и на рыболовстве. «Ловят рыбу, – пишет он, – «мордами», сетями, бьют острогою... хотя с острогою чаще всего производится удар на хариуса, красулю, щуку и т. п., партиями, человека два-три, которые идут по берегу, высматривая, где стоит рыба, а третий – верхом едет по воде, и на его обязанности лежит бить рыбу. Вечером с огнем такого рода охота представляет много поэтического и своеобразного»⁶. Кстати сказать, благодаря его инициативе и стараниям в 1887 г. некоторые предметы из башкирской коллек-

¹ Памятная книжка с статистикой и картой Уфимской губернии / Под ред. Н. А. Гурвича. Уфа, 1873. Ч. 1.

² См.: гл. I данного исследования.

³ Памятная книжка... С. 136.

⁴ Крубер В. В. Оренбургская Башкирия в лесохозяйственном и лесопромышленном отношении. СПб., 1887. С. 32.

⁵ Статья появилась на страницах журнала «Землеведение» (см.: Т. 2. Кн. 4. С. 47–66).

⁶ Там же.

ции демонстрировались на Сибирско-Уральской научно-промышленной выставке в Екатеринбурге. Здесь же экспонировалась башкирская зимняя удочка¹.

По его сведениям, удочкой рыбу ловили как мужчины, так и женщины. Автор особо выделяет большую увлеченность башкир данным занятием. В своей фундаментальной монографии «Башкиры...» Д. П. Никольский также обращает внимание на собирательство, указывает на сбор башкирами ягод и плодов. Достаточно подробно, даже с некоторой любовью, он описывает технологию изготовления башкирами пастилы. «В числе лакомств, – пишет увлеченный исследователь, – в большом употреблении среди башкир особого рода пастила (*как*), приготовляемая из разного сорта ягод – клубники, земляники, смородины и т. п. Приготавливается она так: свежесобранные ягоды сначала протираются через сито или решето и полученное таким образом пюре намазывается тонким слоем на железные листы или просто на доски, смазанные предварительно маслом, а затем эти доски или листы выставляются на солнце. Сушка продолжается дня два и более, после чего тонкие пластинки пастилы снимаются, свертываются в трубки и хранятся в ящике у хозяйки»².

В отношении грибов Д. П. Никольский отмечает, что у башкир они не употреблялись в пищу. Только в некоторых семьях горно-лесной зоны, как он сообщает, грибы иногда собирались отдельной частью башкир для продажи, и то лишь под влиянием горно-заводского населения.

Из других исследований в плане нашей темы интерес представляют работы П. С. Назарова³, Л. Бергхольца об инзер-катайцах⁴ и Н. П. Газова⁵. В их работах можно найти описание интересных традиций, уже давно утративших реальное значение в быту: ловля рыбы с помощью лука и стрелы, использование лошади при ловле рыбы острогой, вязание сети и изготовление рыболовной снасти старинных типов и т. д. Н. П. Газов дает сведения по собирательству, например, по сбору ягод и их продаже на рынке.

Традиционную жизнь коренного населения западных районов Башкирии лучше всех знал писатель П. И. Добровольский, работавший мировым посредником Уфимской губернии почти 20 лет. В своих рассказах он обращает внимание на хозяйственную жизнь башкир, а также на их способы жизнеобеспечения⁶.

В конце XIX в. согласно указанию Уфимского губернского начальства и решению местного кустарного комитета в Уфимской губернии проводится оценочное обследование ведущих отраслей экономики и других видов производств. Собранный материал был опубликован в специальных сборниках, в которых в разделе «Описание

¹ См.: Каталог музея Уральского общества любителей естествознания в г. Екатеринбурге / Сост. хранитель музея Д. И. Лобанов. Екатеринбург, 1898. кол. № 9268–383.

² См.: Никольский Д. П. Башкиры: этнографическое, санитарно-антропологическое исследование. СПб., 1899. С. 64–65.

³ Назаров П. С. К этнографии башкир // ЭО. М. № 1. С. 3.

⁴ Бергхольц Л. Горные башкиры-катайцы // ЭО. 1893. Кн. VIII. Вып. 3. С. 80–81.

⁵ Газов Н. П. Кустарное дело в Уфимской губернии. Уфа, 1900. С. 20, 21, 33–34, 55–56, 71, 90–91 и др.

⁶ Добровольский П. И. В глуши Башкирии. Рассказы. Воспоминания. Уфа, 1989. С. 21–59.

волостей и селений» давалась характеристика встречающимся здесь занятиям по обработке разного рода материалов, в том числе и по вязанию сетей и изготовлению другой рыболовной снасти¹.

Сбор материала о быте и хозяйственных занятиях башкир по обширной программе был начат С. И. Руденко в 1906–1907 гг. и продолжен в 1912–1914 гг. и послереволюционный период. Собранные в эти годы полевые и вещественные материалы были обобщены исследователем в известной монографии². В отдельных главах книги впервые дается обобщенное описание традиционных занятий башкир, в том числе собирательства и рыболовства. Это было единственное цельное, наиболее полное сообщение по затронутой теме, где нашли отражение все виды хозяйственной деятельности башкир. Этнографическое описание сбора яиц диких птиц или же ловли рыбы с помощью волосяной петли и некоторых других архаичных способов рыболовства находим только в монографии С. И. Руденко. К сожалению, собирательство как отрасль башкирского традиционного хозяйства исследователем рассматривается лишь в качестве вынужденного шага при определенных ситуациях, например, при падеже скота во время голода, настигшего внезапно в результате войн и восстаний и т. д. Конечно, в экстремальных условиях значение собирательства как никогда возрастало. Все же функционирование этих видов деятельности в хозяйственной системе определялось целью жизнеобеспечения в любое время и не в одних только экстремальных случаях. Первой задачей собирательства для башкир являлось обеспечение населения теми продуктами питания, которых не давали ни охота, ни скотоводство, ни другие занятия.

Во втором издании книги «Башкиры» (1955) глава о традиционных занятиях башкир обогатилась этнографическими данными. Кроме того, в исследовании проводилась большая работа над терминами, относящимися к таким занятиям, как собирательство, охота и рыболовство.

Анализ источников и литературы дореволюционного периода показывает, что тема, касающаяся хозяйственной деятельности башкир, особенно таких занятий, как собирательство и рыболовство, остается еще малоизученной. Причиной тому была недооценка значения и роли собирательства и рыболовства в жизнеобеспечении населения. Исследователи обычно их считали объектами второстепенного значения и обращали основное внимание на скотоводство и земледелие. Впрочем подобное отношение к ним проявлялось также и со стороны отдельных жителей сельской местности, где нередко приходилось слышать поговорку: «*Алабута аш түгел, алабуга ит түгел*» (букв. «Лебеда – не хлеб, а окунь – не мясо»). Действительно, состоятельные башкиры, располагая множеством скота, тем более земледельцы, не имея времени, не могли заниматься ни рыбной ловлей, ни собирательством³. На первый взгляд кажется, что они не нуждались в продуктах, добытых этим способом. В действительности

¹ Сборник статистических сведений по Уфимской губернии. Т. 2. Стерлитамакский уезд. Самара, 1899. С. 94; Т. 5. Бирский уезд. Уфа, 1900. С. 188–189, 202, 245, 250.

² Руденко С. И. Башкиры... 1925. С. 77, 83, 92.

³ К этому вопросу мы еще вернемся, только несколько позже.

мы видим иную картину. Оказывается, не могли обходиться без продуктов собирательства и рыболовства ни скотоводы, располагавшие множеством скота, ни земледельцы, хорошо обеспеченные своим хлебом. Все они нуждались в таких съедобных травах, какими являлись зелень и корнеплоды, а также ягоды диких растений (они заменяли башкирам овощи), не говоря уже о рыбе, используемой в качестве необходимой пищи. Раньше не у всех башкир летние кочевья располагались возле рек, где водилась рыба. Поэтому осенью, возвращаясь с летовки, некоторые башкиры охотно рыбачили. От них можно было услышать фразу *«балыкһыраным»*, что дословно означает: «очень хочется есть рыбу». Зелень и корнеплоды, а также дикие ягоды собирались членами семьи в огородах. При отсутствии такой возможности односельчане собирали дикие ягоды для местных богачей, которые давали им за это хлеб, мясо и другие продукты. Что касается рыболовства, то мы здесь можем привести конкретные факты из полевых материалов*.

В 30-е годы XIX века началась работа по выявлению и систематизации документального материала по истории Башкирии: появилась первая часть свода «Материалы по истории Башкирской АССР» (1936). Этот фундаментальный труд ценен не только редкими этнографическими фактами из жизни населения края, но и вводной статьей известного историка А. П. Чулошникова «Феодальные отношения в Башкирии и башкирские восстания XVII и первой половины XVIII в.»². Исследование посвящено узловым проблемам социально-экономического развития Башкирии в условиях позднего средневековья. В источнике впервые ставится вопрос об эволюции башкирского кочевого хозяйства в полукочевое. По мнению А. П. Чулошникова, при кочевом образе жизни у башкир сосуществовали скотоводство и охота как единый хозяйственный комплекс, в условиях же полукочевой жизни возрастало экономическое значение бортничества и рыболовства.

Во второй половине XX в. возобновилось изучение традиционной культуры башкир и началась экспедиционная работа среди коренного населения. Этнологи Р. Г. Кузеев, Р. З. Янгузин и С. Н. Шитова затрагивают вопросы, касающиеся нашей темы. По мнению Р. Г. Кузеева, вхождение башкир в состав Русского государства спо-

* Например, по словам информатора Шакирьяна Закировича Абдуллина (1927 г. р., д. Азналино, Сафакулевский р-н, Курганская область), его прабабушка по линии отца имела крепкое хозяйство, состоящее из двух косяков лошадей, 40 дойных коров и из нескольких десятков овец. Семья была хорошо обеспечена всем необходимым для жизни. Тем не менее охотно ловили рыбу сетью своими силами. В хозяйстве имелось 4 сети. Ели рыбу не только сами, но и односельчане (см.: Полевые записи автора 1997 г. Тетр. № 5. С. 28–30). Другой пример. У башкира карагай-кипчакского рода Хусаина Зулькарнаевича Сулейманова (1893 г. р., д. Абдулмамбетово, Бурзянский р-н, Башкортостан) в хозяйстве имелось два косяка лошадей, 7 дойных коров и более 30 овец. Можно сказать, экономически семья была хорошо обеспечена. Все же Хусаин-бабай часто ловил рыбу с помощью петли, чем он чаще всего занимался на летовке. Рассказывала об этом его дочь – моя мать – Бибикамал Муллагулова, 1913 г. р., уроженка д. Старомунасиново того же района (Полевые записи автора 1982 г.).

¹ Чулошников А. П. Феодальные отношения в Башкирии и башкирские восстания XVII – первой половины XVIII в. // МИБ. М.; Л., 1936. Ч. 1. С. 3–64.

собствовало постепенному переходу их от кочевого хозяйства к полукочевому¹. Автор указывает на разницу в развитии хозяйственных отраслей в зависимости от географических зон и исторических традиций. В работе нашли отражение, наряду с другими занятиями, рыболовство, а также технология рыбной ловли. Интересные сведения по традиционным занятиям башкир содержатся в исследованиях Р. З. Янгузина. По мнению автора, рыболовство у башкир, «как и у других кочевых народов, никогда не играло значительной роли в хозяйстве»².

Среди работ, вышедших во второй половине XX в., выделяется статья С. Н. Шитовой³. В центре внимания автора – хозяйство и материальная культура в плане аналогий с народами Сибири. Она отмечает, что постоянным занятием они были у незначительной части населения, причем охотниками и рыболовами редко бывали одни и те же лица. Однако, судя по полевым материалам, охота и рыболовство как занятия передавались по традиции от деда к отцу, от отца к сыновьям. В статье историко-этнографическому анализу подвергаются орудия охоты и рыболовства. В их устройстве исследователь обнаруживает общие таежные черты и некоторые местные особенности. Опираясь на данные С. И. Руденко по этнографии башкир и полевые материалы экспедиций Института истории, языка и литературы Уфимского научного центра РАН⁴, а также этнографические сведения по отдельным народам Евразии, она подтверждает сказанную ранее С. И. Руденко мысль об этнокультурных связях башкир с некоторыми народами Урало-Поволжья, с населением Западной и Южной Сибири, Саяно-Алтайского нагорья, Средней Азии и Казахстана⁵.

В исследовании в качестве источника были использованы также книги зоогеографа С. В. Кирикова⁶, тесно общавшегося с восточными башкирами при изучении фауны и флоры Башкирии и Южного Урала еще в 40–50-е годы прошлого столетия. В своих сочинениях автор касается и съедобных трав, и корнеплодов, и ягод, и плодов, обращает внимание на технологию их обработки перед употреблением в пищу. Исследователя интересуют также рыбы, обитающие в горных речках, в особенности редкие виды. Он подробно описывает некоторые способы ловли рыбы, в частности, такие как лов рыбы руками, с помощью петли, ужение рыбы и некоторые другие. Его сведения ценны тем, что исследователь сам наблюдал за процессом⁷.

¹ См.: Кузеев Р. Г. Развитие хозяйства башкир в X–XIX вв. (К истории перехода башкир от кочевого скотоводства к земледелию) // Археология и этнография Башкирии (далее – АЭБ). Уфа, 1968. Т. III. С. 261–321.

² Янгузин Р. З. Хозяйство башкир дореволюционной России. Уфа, 1987. С. 6, 18, 24, 28 и др.

³ См.: Шитова С. Н. Сибирские таежные черты в материальной культуре и хозяйстве башкир // Этнография Башкирии. Уфа, 1976. С. 70–87.

⁴ Руденко С. И. Башкиры... 1925. С. 25; Кузеев Р. Г., Бикбулатов Н. В., Шитова С. Н. Зауральские башкиры // АЭБ. Уфа, 1962. Т. I. С. 201, 218, 222–223; Шитова С. Н. Женская одежда северных башкир // Там же. С. 292–298.

⁵ Шитова С. Н. Сибирские таежные черты... С. 70–87.

⁶ См.: Кириков С. В. В лесах и степях Южного Урала. М., 1953; Он же. По Южному Уралу и Башкирии. М., 1989.

⁷ Кириков С. В. В лесах и степях... С. 6, 18, 66, 67–68, 77, 82–84, 86–87, 120, 121–122 и др.; Он же. По Южному Уралу... С. 26, 31, 45, 75, 82, 88, 101 и др.

Мы не раз обращались также к публикациям писателя Р. Б. Ахмедова¹, в которых содержится любопытная информация как по собирательству башкир², так и по их промысловой деятельности в сфере рыболовства. Автор досконально изучал животный мир местных водоемов – рек и озер. В ряде случаев в его исследованиях мы находим редкие сведения по видам рыб и их размерам³.

И, наконец, нельзя не указать на книгу известного натуралиста Е. В. Кучерова «По Южному Уралу...». Исследователем описана фауна и флора Башкортостана в целом, а также особенности географических зон в отношении животного и растительного мира. Важно то, что особое внимание автор обращает на редкие виды растений, а также рыб. Красочно описывая, например, ту или иную рыбу, он помещает их рисунки. Ценны его сведения об обитании форели в таких реках, как Сурень и Миньяк (притоки р. Инзер), Айбузы и Кургашлы (притоки р. Белой)⁴.

Подводя итог историографическому обзору, можно сделать следующие выводы. Во-первых, на сегодняшний день накоплен определенный фактический материал по теме. Во-вторых, проделана значительная работа по его научному осмыслению. Однако заявленная нами тема изучена крайне неравномерно. Так, например, рыболовство исследовано лучше, чем собирательство, но лишь на территории нижнего и среднего течения Белой и Уфы, а также в Зауралье. В этнографической литературе эта тема еще не была предметом отдельного рассмотрения, а если и затрагивалась, то без учета локальных различий. Поэтому изучение данной проблемы нельзя считать завершенным.

Говоря о традиционных занятиях башкир, мы должны учесть одно существенное обстоятельство: как уже отмечалось выше, часть населения до сих пор занимается собирательством, хотя и в меньшей степени, чем рыбной ловлей. Исчезли многие традиционные орудия лова, изменилось отношение людей к природе. Поэтому этнографу приходится часто обращаться к архивным источникам.

В качестве архивных документов были привлечены «Собрание описаний Оренбургской губернии» А. Тимофеева⁵, статья В. Лоссиевского «Озеро Аккул в Стерлитамакском уезде Уфимской губернии»⁶, анонимное «Краткое описание Оренбургской губернии в 1817 году», где приведены ценные сведения о рыболовстве у башкир⁷. При написании работы мы использовали также исследования Р. Игнатьева «Описание Троицкого уезда Оренбургской губернии»⁸, В. В. Богданова «Башкиры»⁹ и Ф. И. Лобысевича «Башкиры и Башкирия»¹⁰, а также сведения из фон-

¹ См.: Ахмедов Р. Слово о реках... Он же. Кладезь...

² Ахмедов Р. Слово о реках... С. 61, 121, 124, 305, 306 и др.

³ Там же. С. 31, 59, 123, 109, 127, 136, 171–173, 197, 242, 264 и др.

⁴ Кучеров Е. В. По Южному Уралу: путевые заметки биолога-натуралиста. Уфа, 1998. С. 30–32, 38, 165–193, 202, 204–213 и др.

⁵ АРГО. Ф. 26. Ед. хр. 19. С. 57–81.

⁶ Там же. Ф. Разр. 43, Оп. 1. № 10. С. 2.

⁷ Там же. Ф. 26. Оп. 1. Ед. хр. 15. С. 2.

⁸ Там же. Ед. хр. 18. С. 11.

⁹ Архив Российской академии наук (Ленинград. отд-е). Ф. 849. Оп. 6. Ед. хр. 42. С. 20–22.

¹⁰ Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (далее – ОР РНБ) // Ф. 1000. Собр. ед. пост. Лобысевич. С. 1–28.

дов Центрального исторического архива Республики Башкортостан¹, материалы комплексной экспедиции ИИЯЛ Башкирского филиала АН СССР 1958 г.² и диалектологической экспедиции этого же учреждения 1954 г.³

Привлекались и документы XVII–XVIII вв., опубликованные в «Материалах по истории Башкирской АССР». В них содержатся богатые сведения по собирательству (сбор различных съедобных трав и корнеплодов, ягод и плодов)⁴ и о рыболовных угодьях⁵. В архивных документах особенно часто упоминается рыбная ловля. В ряде случаев здесь перечисляются местные способы ловли рыбы и даже виды обитавших в крае рыб⁶.

В замечательных памятниках устного народного творчества башкир иногда встречаются ценные сведения о рыбной ловле и собирательстве⁷.

При изучении традиционных занятий башкир немалую помощь оказывает также иллюстративный материал, содержащийся в некоторых изданиях. Так, например, по рисункам из книг участников академических экспедиций 1760–1770-х годов мы уточняли традиционные приемы рыбной ловли. Уникальные рисунки старинных способов рыболовства, а в ряде случаев отдельных орудий и приспособлений башкир имеются в трудах П. С. Палласа и И. И. Лепехина⁸. В ходе работы над текстом своего сочинения нам приходилось не раз обращаться к иллюстративному материалу монографий С. И. Руденко по башкирам⁹. Достаточно интересные и содержательные иллюстрации – рисунки и фотографии – имеются в архивном фонде отдела этнографии и антропологии ИИЯЛ УНЦ РАН¹⁰. Источниковое значение этих материалов усиливается тем, что они паспортизированы: указаны не только названия изображенных объектов на башкирском языке и места их происхождения, но и приведены сведения, связанные с их бытованием и пр.

В своей работе мы использовали также музейные коллекции. К сожалению, в фондах Российского этнографического музея рыболовство представлено бедно. Среди коллекций можно увидеть лишь поднимающий снаряд – удочку и некоторые другие предметы¹¹. Отдельные коллекции, связанные с занятиями башкир – рыболовством и собирательством, хранятся в Венгерском этнографическом музее (далее – ВЭМ)

¹ См., например, «Прошение башкир Балакчинской волости Бирского уезда уфимскому губернатору» от 15 марта 1912 г. (ЦИА РБ. Ф. И-2. Оп. 1. Д. 1312).

² Хранится в Научном архиве отдела этнографии и антропологии ИИЯЛ УНЦ РАН.

³ Хранится в Научном архиве отдела языка и диалектологии ИИЯЛ УНЦ РАН.

⁴ См.: МИБ. Ч. 1. С. 69, 79, 89, 101, 125, 197; Т. IV. Ч. 1. С. 133, 136 и др.; Т. IV. Ч. 2. С. 87, 88, 107 и др.

⁵ Там же. Ч. 1. С. 69, 71, 75, 82 и др.; Т. IV. Ч. 2. С. 44, 56, 63 и др.

⁶ Там же. Ч. 1. С. 64, 74, 77–79 и др.; Т. IV. Ч. 1. С. 51, 57, 64 и др.; Т. IV. Ч. 2. С. 107, 115 и др.

⁷ См.: Урал-батыр. Башкирский народный эпос. Уфа, 1981. С. 17–29 и др.; Башкорт халык ижады. Йола фольклоры. Өфө, 1995. Т. I. 240–251-се б. һ. б.

⁸ Паллас П. С. Указ. соч. СПб., 1786. Ч. 2, кн. 1. С. 23; Лепехин И. И. Продолжение дневных записок... С. 10–17. Рис. 7, 8, 14.

⁹ Руденко С. И. Башкиры... 1925.

¹⁰ Шитова С. Н., Бикбулатов Н. В. Этнографический архивный фонд сектора археологии и этнографии ИИЯЛ БФАН СССР // Южноуральский археографический сборник. Уфа, 1976. Вып. 2. С. 119–126.

¹¹ РЭМ. Колл. № 1002-79, 2881-542.

в г. Будапеште¹. Из предметов рыболовства можно указать на сети, наверхия, петли для ловли шук и др., имеется фотография долбленной лодки оригинальной конструкции. Среди экспонатов музея привлекает внимание также корнекопалка, используемая для выкапывания корней дикорастущих растений. Немало предметов по данной теме хранится в Башкирском национальном музее, Музее археологии и этнографии УНЦ РАН и в городских и сельских музеях Башкортостана и соседних республик. В целом изучаемые отрасли хозяйства башкир наиболее полно представлены в РЭМ и ВЭМ².

К сожалению, некоторых традиционных орудий и приспособлений, широко применявшихся в прошлом во время промысла, теперь уже нет. О многих из них уже не помнят и люди старшего поколения. Музейные коллекции и этнографические сведения остаются важными источниками для изучения традиционных отраслей хозяйства башкир.

Литература и источники в совокупности позволяют воссоздать довольно солидный корпус сведений по исследуемой теме. В то же время в этих источниках и исследованиях имеются существенные пробелы, которые не дают возможности восстановить цельную картину по рыболовству и собирательству. Если ряд вопросов остается недостаточно изученным, то другие – нерешенными и даже нетронутыми. Так, например, в литературе по этнографии в отношении роли и значения рыболовства в хозяйственной жизни башкир до сих пор нет единого мнения: одни исследователи относят его к числу важных занятий в жизнеобеспечении башкир в средневековый период, а другие, наоборот, слишком умаляют экономическое значение рыболовства в быту башкирского населения.

За пределами внимания исследователей остались не только отдельные орудия и приспособления, но даже широко распространенные у башкир способы и приемы ловли рыбы. То же самое относится к объектам и предметам собирательства. В литературе и источниках также недостаточно сведений о способах и технике изготовления орудий и приспособлений, особенно о локальных различиях в их производстве, в зависимости от места расселения башкир, а также от местных природных условий, рода занятий или же культурно-бытовых традиций народа.

В основе настоящего исследования лежат полевые материалы. В 1961 и 1963 гг. во время этнографических экспедиций ИИЯЛ БФАН СССР Г. Ш. Муратшина попутно собрала некоторые сведения по собирательству и рыболовству в Альшеевском, Архангельском, Белебеевском, Гафурийском, Иглинском, Нуримановском и Чишминском районах Башкирии, Новосергиевском и Сорочинском районах Оренбургской и Глушицком районе Куйбышевской (Самарской) областей. В 1971–1972 гг. материалы по традиционным занятиям башкир в горной и предгорной зонах края, а также в башкирских селениях Курганской области собирал Ф. Ф. Илимбетов.

¹ Мандоки Ласло, Кузеев Р. Г. Предметы народного искусства в башкирской коллекции ВЭМ // АЭБ. Уфа, 1962. Т. I. С. 304–311.

² См.: Авижанская С. А., Кузеев Р. Г. Этнографические коллекции по башкирам из ГМЭ народов СССР // АЭБ. Уфа, 1962. Т. I. С. 344–347; Мандоки Ласло, Кузеев Р. Г. Указ. соч.

С 1965 г. начал свои полевые работы и автор данной книги. Основная часть материала была собрана в этнографических поездках по районам Башкортостана в 1990–2005 гг., а также во время комплексной экспедиции в Курганскую область, работавшей осенью 1997 г. При написании этой книги нами использованы также материалы этнографической экспедиции 1982 г., собранные М. Г. Ахметьяновым в Белорецком, Бурзянском, Гафурийском, Иглинском, Ишимбайском и Нуримановском районах Башкирии, и сведения, содержащиеся в материалах других экспедиций, осуществленных в разные годы, в большинстве случаев с участием автора данного исследования. Естественно, без включения материала, собранного в последние годы преимущественно в восточной части республики и выборочно в западных районах Башкортостана, мы не могли написать данное исследование*.

Благодаря помощи многих сельских жителей, среди которых было немало людей старшего возраста, все еще хорошо помнящих занятия и жизнь своих предков, удалось зафиксировать и собрать ценные сведения о собирательской и промысловой деятельности башкир в начале этого столетия. За время работы в многочисленных экспедициях и индивидуальных поездках постепенно были накоплены фотографии и рисунки уже исчезающих из быта башкир орудий и приспособлений для охоты и рыбной ловли, а также собирательства**.

На основе этих источников мы попытались показать практическое значение традиционных занятий башкир, а также подробно описать наиболее распространенные у башкир способы и приемы рыбной ловли, обращая особое внимание на местные особенности. Не в меньшей мере нас интересовало также снаряжение башкирского рыболова, а особенно обряды и приметы, совершенно не исследованные до сих пор в башкирской этнографии. Исследование существенно расширяет этнографические знания о материальной и духовной культуре башкир, вводит в научный оборот новый источниковый материал.

Автор выражает искреннюю благодарность руководителям Уфимского научно-го центра РАН и его институтов, сотрудникам архивов, библиотек и музеев, главам администраций районов Башкортостана и всем коллегам, которые помогали в проведении исследований, организации экспедиций, а также коллективу издательства «Китап» имени Зайнаб Биишевой за подготовку данной книги к изданию.

* Речь идет о полевых материалах, собранных автором в 1990–2005 гг.

** В настоящее время хранятся в научном архиве ИИЯЛ УНЦ РАН.

РАЗДЕЛ I

СОБИРАТЕЛЬСТВО КАК ОТРАСЛЬ ТРАДИЦИОННОГО ХОЗЯЙСТВА У БАШКИР И ЕГО ЗНАЧЕНИЕ В ЖИЗНЕОБЕСПЕЧЕНИИ НАСЕЛЕНИЯ

Глава I

СБОР СЪЕДОБНЫХ ТРАВ И КОРНЕПЛОДОВ

При изучении собирательства как традиционной отрасли хозяйства у башкир представляется целесообразным рассмотрение его в нескольких аспектах. Прежде всего в том направлении, в котором добытые населением в процессе собирательской деятельности съедобные травы, корни, ягоды и плоды, наряду с основными продуктами питания, играли важную роль в жизнеобеспечении этноса. Это подтверждается конкретными фактами. Башкиры, например, не выращивали овощей и не занимались садоводством: первых им заменяли съедобные травы или корни, а вторых – дикие ягоды и плоды. В то же время следует сказать, что практическое значение собирательства для народа не ограничивалось только этой стороной. Такая важная для этнографии область, как народная медицина, не смогла существовать без собирательской деятельности населения. В частности, у башкир лечебные травы, их цветы и семена, корни отдельных растений, используемые в качестве лечебных средств, ягоды и плоды кустарников, нередко и само дерево – все это становилось достоянием народных целителей благодаря собирательству. Башкиры работали в этой области веками, имели свой календарь, специальные районы и зоны, где собирались лечебные травы и корни. Словом, у них была годами сложившаяся система хозяйства. Все это требует самостоятельного рассмотрения данной области.

При исследовании собирательства у башкир эту работу мы назовем вторым направлением. Так что совершенно правильно поступали те исследователи, которые выбирали объектом изучения именно эту область. Должен сказать, что работали они достаточно плодотворно, их исследования привлекают большое внимание¹. Есть еще третье направление, не менее важное по своему практическому значению, – это роль

¹ *Ахмедов Р.* Слово о реках, озерах и травах. Уфа, 1980. С. 190–193; *Он же.* Одолень-трава. Уфа, 1998; *Он же.* Растения – твои друзья и недруги. Уфа, 2006; *Гумаров В. З.* Башкирская народная медицина. Уфа, 1985; *Гумаров В.* Башкорт халык медицинаһы // Ватандаш. 1972. № 2; № 3. С. 184–187; *Минибаева З. И.* Народная медицина башкир Курганской области (конец XIX – начало XXI в.). Рукопись дис. ... канд. ист. наук. Уфа, 2011. С. 76–89.

собиранья в качестве спасителя населения от голодной смерти при экстремальных условиях. Мы в своем исследовании обращаем внимание на первое и третье направления данной проблемы.

Касаясь первого направления (о третьем направлении речь пойдет ниже), желательно было бы отметить, что среди традиционных занятий башкир, пожалуй, самое скромное место занимает собиранье, хотя оно играло большую роль в жизни населения. Наряду с основными продуктами питания в качестве пищи у башкир нередко использовались различные травы и корнеплоды, а также дикие ягоды и плоды. Об этом мы находим этнографические сведения в литературе начала XVIII – конца XX в. Так, например, руководитель и участник академической экспедиции России П. С. Паллас в своих путевых записях наряду с другими лесными травами и корнеплодами упоминает сибирскую скерду (*Strepis Sibirica*), которую сопровождавшие его «башкирцы великою охотою» ели при нем, именуя оную «*хаке*», и большого козельца или болдыряна, называемого у башкирцев «айляр» или «тутгонак, коего корень они к излечению лихорадки похваляют», также простого кокорыша (*Fumoria*), «которого круглые коренья выкопав, ели они от жажды»¹. В «Путешествии...» упоминается также кислица, которую башкирцы ели с большим желанием².

Другой участник этой же экспедиции, в частности И. И. Лепехин, сообщает об употреблении башкирцами в пищу плодов черемухи, к которым они тогда особого интереса не проявляли³... К числу редких этнографических источников относятся его сведения о сборе смолы лиственницы и использовании ее для ухода за своими зубами и лечения домашних животных от разного рода ран⁴ и болезней. Важно заметить, что большинство названий дикорастущих трав и корнеплодов, описываемых П. С. Палласом и И. И. Лепехиным, находит отражение на страницах «Русско-башкирского словаря», составленного В. В. Катаринским в конце XIX в.⁵

Активная деятельность башкир в области собиранья с целью добычи продуктов растительного происхождения находит яркое отражение и в исследованиях П. И. Добротворского⁶.

На существенную роль собиранья в жизни башкир в конце XIX в. и начала XX в. указывает и известный этнограф С. И. Руденко. В своей монографии «Башкиры. Историко-этнографические очерки» (М.; Л., 1955) он обращает внимание на дикие травы и корнеплоды, а также ягоды и плоды в качестве дополнительной пищи башкир, особо останавливается на *саране*. «При нормальных условиях жизни сарана

¹ Паллас П. С. Путешествие по разным местам Российского государства 1770 г. СПб., 1786. Ч. 2. Кн. 1-я. С. 26–27.

² Там же. С. 31–32.

³ Продолжение дневных записок путешествия академика и медицины доктора Ив. Лепехина по разным провинциям Российского государства в 1770 г. СПб., 1802. Ч. 2. С. 165.

⁴ Продолжение дневных записок... Ч. 2. С. 95.

⁵ Катаринский В. В. Башкирско-русский словарь. Оренбург, 1899. С. 140, 142, 144, 148, 153, 159 и др.

⁶ Добротворский П. И. В глуши Башкирии. Уфа, 1989. С. 24, 161–163 и др.

была побочным продуктом, – отмечает он в своей книге, – в случае голода и тревожное военное время она являлась существенным подспорьем в питании населения»¹.

Многие полезные травы и корни так же, как и ягоды, и плоды кустарниковых растений, находят отражение в качестве объекта собирательства у башкир в фундаментальном коллективном труде «Определитель растений Башкирской АССР» (М.: Л., 1966). Впрочем, говоря о собирательстве башкир, нельзя оставлять без внимания и замечательные книги Е. Н. Клобуковой-Алисовой и Е. В. Кучерова, а также исследования, появившиеся в последние годы, на которые мы будем ссылаться еще не один раз.

Наконец, в научно-популярной литературе достаточно красочно и многосторонне определено значение собирательства в жизни коренных жителей края. «Башкиры прежде почти не занимались хлебопашеством, а огородничеством тем более, – отмечает, например, писатель Р. Ахмедов. – Раннею весною вместо овощей в пищу шли первоцвет, сурепка, борщевик, свербига, листья бедренца, камнеломки, богатые сахаром молодые побеги тростника. Горец горный до сих пор имеет второе научное название башкирская капуста... С давних времен в еду шли лук косой, лук прямой и еще 14 видов дикого лука, в том числе и черемша. В печеном виде еду разнообразили корневища рогоза, зопника клубненосного, стрелолиста обыкновенного...

Башкиры всегда дорожили мукой, ее и в зажиточных семьях не всегда хватало до весны, и потому при выпечке хлеба в муку добавляли измолотые в порошок сухие корни лопуха, ... а также корневища бубенчика лилиелистного»².

Несомненно, вышеприведенные материалы свидетельствуют о достаточно популярной роли собирательства в жизнедеятельности башкир как в далеком прошлом, так и позже. Ясно, что в связи с той ролью, какую играло оно в жизнеобеспечении башкир в XVII и XVIII вв. и позднее, вполне понятно то значение, которое они придавали традиционным местам собирательства. Во всяком случае, при припуске в свои вотчины пришлого населения башкиры особо оговаривали свои права на пользование традиционными угодьями. В дальнейшем, когда русские и другие крестьяне, а также заводские люди стали нарушать условия договора, коренные жители не раз обращались с жалобой к Белому царю. Например, об этом ярко свидетельствуют две грамоты Табынской волости, относящиеся к 1695 и 1700 гг. В обеих они жаловались на жителей Соловарного городка. «Выезжают в старинные их вотчины, – говорится в документах, – и пашню папсут., бортные деревья рубят, пчелы берут и хмель, и калину щеплют, и зверей бьют, и все насилия и разорения щинят»³.

Бесспорно, как собирательство, так и рыболовство своими корнями уходят в глубь истории. К сказанному можно лишь добавить, что древние тюрки достаточно хорошо разбирались в окружающей их растительности и имели большой опыт в употреблении в пищу как самих трав и их корней, так и диких ягод и плодов. Ярким свидетельством тому являются материалы, содержащиеся в исторических памятниках VI–XII вв. В частности, в «Древнетюркском словаре», составленном в основном по

¹ Руденко С. И. Башкиры. Историко-этнографические очерки. М.; Л., 1955. С. 126.

² Ахмедов Р. Слово о реках... С. 305.

³ ЦИА РБ. Ф. И-2. Оп. 1. Д. 5696. Л. 75–76.

материалам орхоно-енисейских надписей, довольно часто упоминаются травы и корнеплоды, хотя и несколько реже, также дикорастущие ягоды и плоды. В одном случае они выступают в качестве продукта питания, в другом – как средство для лечения людей от разных болезней. Для убедительности можем привести несколько примеров: например, дикий чеснок (*basar*), дикий лук (*jafa*), дикие огурцы (*aba baši*), козлиная борода (*šütük saqal*), съедобный корень приятного пахучего растения (*uljan*), название растения со съедобным корнем (*siñlä*), девясил (*añduz*), растение, используемое как лечебное средство (*šravani*)¹. В этом же источнике мы читаем: «Пусть пищей для меня будут корни трав, достаточно (мне) и дождевой воды...», «виночерпий держит (наготове) различные (целебные) травы, он приготовляет либо снадобье, способствующее пищеварению..., либо слабительное»².

Что же касается башкир, то собирательство в качестве привычного занятия неоднократно упоминается и в шежере, и в других памятниках устного народного творчества³. Например, в одном из кубаиров башкирского героического эпоса «Идукай и Мурадым» читаем: «*Балдырганы беләктәй, һарынаһы курай еләктәй*»⁴. Оно в числе традиционного вида хозяйства башкир фигурирует также в архивных материалах XVII и XVIII вв. Здесь мы находим, например, сведения о собирании населением хмеля⁵ и сараны⁶, плодов и ягод⁷, даже меда диких пчел⁸.

Богатая флора Южного Урала и разнообразная растительность Башкортостана способствовали развитию собирательства. Достаточно сказать, что даже в настоящее время среди флоры края встречается 30 видов плодово-ягодных и более 70 видов пищевых растений⁹. Уникальность нашей республики в этом отношении доказывается и таким фактом, что из 22 видов дикого лука, зафиксированных на территории России и соседних республик¹⁰, 17 видов приходится на Башкортостан¹¹. Из них 7 видов лука произрастает на стерлитамакских шиханах, т. е. на горах Тратау, Юрактау и Куштау¹². Или же в растительном мире республики встречается 14 видов¹³ шавеля из 20¹⁴, произрастающих на территории России.

¹ Древнетюркский словарь. Л., 1969. С. 1, 85, 233, 525 и др.

² Там же. С. 339, 526–527.

³ См.: Буранангол М. Батырзар тураһында эпос. Өфө, 1943. 3-се б.; Башкорт халык ижады. Өфө, 1972. 145-се б.; Башкорт халык ижады. Өфө, 1995. 1-се т. 180, 186, 194, 224, 245, 246, 268-се б.

⁴ Речь идет о съедобной траве и корнеплоде. См.: Изеүкәй менән Моразым. Башкорт халык эпосы // Ватандаш. 1997. № 1. 97-се б.

⁵ В «Материалах по истории Башкирской АССР» хмель часто упоминается в качестве полезного растения, что, несомненно, объясняется его практическим значением в традиционном питании башкир.

⁶ См.: МИБ. М.; Л., 1936. С. 69, 197.

⁷ Там же. Т. V. С. 87, 89, 107, 111, 129, 172, 238 и др.

⁸ Там же. Т. IV. Ч. 1. С. 159, 167; Т. V. С. 293.

⁹ Кучеров Е. В. Ботанические экскурсии в Башкирии. Уфа, 1987. С. 129.

¹⁰ См.: Красная книга. Дикорастущие виды флоры СССР, нуждающиеся в охране. Л., 1975. С. 183.

¹¹ Определитель растений Башкирской АССР. М.; Л., 1966. С. 135–442.

¹² Миннибаев Р. Г., Назирова З. М. К изучению редких и исчезающих растений в Башкирии // Редкие и исчезающие виды полезных растений Башкирии и пути их охраны. Уфа, 1982. С. 25.

¹³ Кучеров Е. В. Указ. соч. С. 136.

¹⁴ Энциклопедический словарь / Изд. Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона. СПб., 1904. Т. 79. С. 44.

Для собирательской деятельности башкир был характерен определенный календарь: сразу после таяния снегов и высыхания почвы производился сбор лука; с конца мая до середины июля собирали и ели такие травы, как щавель, кислица, борщевик и т. д.; июль считался периодом ягод (*емеш-еләк айы*); примерно в это же время производилась выкопка съедобных корней дикорастущих растений; осенью башкиры выходили на сбор плодов дикорастущих деревьев и кустарников и поздних ягод.

Первой травой, которую собирали и ели башкиры ранней весной, был дикий лук – *Allium* (*талгыр йыуа*)*, растущий на прибрежных крутых скалах р. Белой (верхнее течение). Они ходили за этим луком группами, взяв с собой холщовый мешок и длинный аркан с узелками (*төйөнлө аркан*). Отыскав место с диким луком на камнях между глыбами, башкиры с завидной ловкостью взбирались до ближайшей площадки скалы и осторожно собирали лук за луком, который, к сожалению, не всегда был доступен для человека. Как правило, хорошие кусты лука находились в глубине скалы, куда можно было добраться лишь с помощью аркана. Мне посчастливилось наблюдать за этим процессом в д. Старомунасиново (Бурзянский р-н) еще в 1950-е годы. Однажды ранней весной мы с отцом отправились за диким луком и спустя полчаса оказались на верхней части крутой скалы высотой в 150 м. Под нами протекала р. Белая. Сначала отец привязал аркан к дереву, растущему почти на краю скалы, и далее, обвязавшись им, стал обзирать находящуюся ниже каменную площадь, осторожно карабкаясь по ее верхнему склону. Через некоторое время он обнаружил хорошие кусты лука. К ним он добирался с помощью аркана. Собирал он лук с большой сноровкой и ловкостью. Вообще отец передвигался по скале легко и довольно хладнокровно, хотя ему в любую секунду угрожала неминуемая гибель – ведь аркан мог порваться или развязаться. Мне оставалось только подивиться отчаянной смелости и бесстрашию горного башкира, сына замечательного сказителя народных легенд и преданий Гильмитдина Хисматулловича Муллагулова. В том же районе жители д. Тимирова до сих пор вспоминают об отважном Аллабирдине Ибрагиме – бесстрашном собирателе дикого лука на обрывистой скале Карагул¹.

Во время лазанья по скалам нередко происходили несчастные случаи. Те, кто случайно срывался со скалы, падали в бурное течение реки или разбивались насмерть о камни. Скалы, как правило, носят имена трагически погибших на них «скалолазов»: например, «Камень Халита» (*Халит ташы*) или «Скала Магизаты» (*Маһизата каяһы*), «Скала Калима» (*Кәлим оскан кая*)**, «Камень Кулгизара»

* В указанный «Определитель растений Башкирской АССР» не попал дикий лук, произрастающий на труднодоступных скалах по верхнему течению р. Белой. Местные жители его называют *талгыр йыуа* (об этом мы еще скажем, только позже).

¹ Полевые записи автора 2004 г. С. 52.

** Скала находится недалеко от д. Макарово (Ишимбайский р-н) по бывшему коммерческому тракту из Стерлитамака на Верхнеуральск. Она получила новое название в честь башкирского джигита Калима, отправившегося со своей возлюбленной вместе с деревенской молодежью к этой скале перед свадьбой за диким луком и ранними цветами. Далее легенда гласит о том, что этому отважному парню-красавцу не только удалось забраться до хороших кустов лука и красивых цветов, но и сорвать их. Однако нечаянно наступив на полы своего свадебного чекменя, он полетел вниз. Существуют и другие версии легенды. Но часто приходится слышать первый вариант (Полевые записи автора 2000 г. С. 4, 12).

(*Колгизар таиы*)* на р. Нугуш у д. Бикташ Бурзянского района (в настоящее время не существует) и т. д. Рассказы о трагической гибели людей во время сбора дикого лука до сих пор бытуют у жителей прибрежных селений верхнего течения р. Белой и ее притоков.

Талгыр йыуа – сильно пахучее растение. Поэтому с возвращением домой собирателей лука запах травы распространялся на всю деревню.

Судя по полевым материалам, *талгыр йыуа* пользовался особой популярностью у местных жителей. Он содержит много элементов, необходимых организму человека. С другой стороны, данная трава, как и всякий другой лук, способствовала пищеварению и особенно укреплению десен, зубов. Так что, если башкиры имели крепкие зубы², то в этом немалую роль играл дикий лук.

После цветения *талгыр йыуа* был непригоден для употребления в пищу, тогда уже созревали другие виды лука. В частности, среди них заслуживает внимания особенно лук линейный (*A. lineare*), встречающийся почти повсеместно на горной местности и в ряде случаев даже на невысоких холмах. В зависимости от места обитания башкир, он известен под различными названиями. Так, например, горные бурзяне и кипчаки этот лук называют по сей день *һарык йыуаһы* (букв. овечий лук), тогда как у большинства жителей южной и юго-восточной зоны республики он известен под названием *әтмәкәй* или *әтмәкәс*. В то же время, если мы окажемся среди катайцев северных районов Башкирии, на месте обитания которых также растет данный вид лука, ни один из этих терминов мы не обнаружим, ибо здесь его называют просто *тау йыуаһы* или *сөсө йыуа* (соотв. горный или пресный лук).

В отличие от вышеописанного вида лука *әтмәкәй* имеет несколько сладковатый вкус. Башкиры ели его много и достаточно часто и не только до цветения, но и после.

Примерно в это же время производился сбор лука прямого (*A. stretum*), которого башкиры бассейна реки Белой называют *йүкә йыуаһы* (досл. лук липы), катайцы северной зоны – *йылкы йыуаһы* (лук лошади), башкиры же западных районов – *селек йыуаһы*, т. е. лук, растущий вместе с ичигой. В первом случае он получил свое название из-за своей кожуры в прикорневой части, напоминающей своим видом мочало, во втором – по той причине, что его охотно едят лошади**.

Лук прямой по вкусовым качествам мало отличался от лука полевого (*ялан йыуаһы*), встречавшегося преимущественно в лесостепной зоне. Оба вида растения башкиры собирали до их цветения и ели в большинстве случаев в сыром виде. Однако нередко заправляли им также и мясные блюда.

* С указанного камня (скалы) сорвалась красивая башкирская девушка по имени *Колгизар*, пришедшая сюда за диким луком.

¹ *Лепехин И. И.* Дневные записки путешествия по разным провинциям Российского государства // Полное собрание ученых путешествий по России. СПб., 1822. Ч. 2. С. 95; *Никольский Д. П.* Башкиры. Этнографическое и санитарно-антропологическое исследование. СПб., 1899. С. 60.

** В книге зоогеографа С. В. Кирикова данный вид лука называется «*апасык*». Судя по словам его помощника Мухитдина, башкиры весной мешками таскали *апасык* с гор (см.: *Кириков С. В.* По Южному Уралу и Башкирии. М., 1989. С. 98).

Из видов дикого лука заслуживают внимания особенно реликтовые растения, в частности лук косой (*A. obliquum*), который башкиры называют *оҫкон йыуаһы*. Он известен также под названием *кыр һарымһағы* (дикий чеснок). У него действительно листья плоские, как у чеснока. Ускун растет на лесных опушках и по склонам гор. Основными районами его обитания являлись западные склоны Южного Урала, Кырктот и Ирендыкских гор, а также северо-восточная часть республики и Уфимское плато¹. Он неоднократно был обнаружен также на территории Башкирского заповедника (Прибельский филиал)². Исследованиями С. С. Хайретдинова³ доказано, что на территории Башкортостана имеется несколько видов ускуна, отличающихся по продуктивности. Башкиры охотно собирали его ранней весной и широко использовали в пищу. Они предпочитали особенно мощные листья и стебли. По сведениям Е. В. Кучерова, высота растения местами достигала 140 см⁴.

Касаясь сбора данного вида дикого лука, следует особо заметить, что ускун является древнейшим растением, дошедшим до нас из глубин тысячелетий. В настоящее время запасы его невелики, поэтому при сборании лука косого не нужно срезать все листья. Такое растение во время перезимовки обычно погибает. Чтобы сохранить это уникальное растение, нужно вводить его в культуру. Впрочем, в огородах некоторых башкир это уже практикуется. Во время нашей работы нам удалось увидеть ускун рядом с другими огородными растениями в таких деревнях, как Азналкино, Ассы и Бришево Белорецкого, Гадельгареево и Миндигулово Бурзянского районов Башкортостана.

Представляет интерес и тот факт, что лук косой был известен и древним тюркам, у которых он назывался *изгит*, т. е. точно так же, как и у башкир. Они тоже знали это растение прежде всего как чеснок⁵.

Таким образом, этнографический материал по башкирам подтверждает азиатское происхождение лука косого, идею, выдвинутую биологами республики на основе изучения местной флоры⁶.

Из растений, являвшихся объектами собирательства, представляет интерес также лук победный (*A. victorialis*) – черемша, называемый башкирами *һаҫыҡ йыуа* или *айыу йыуаһы*⁷. По сведениям С. И. Руденко, в дореволюционный период в питании башкир черемша занимала значительное место⁸. Причем в пищу использовались

¹ Кучеров Е. В. Лук косой – ценное пищевое и витаминное растение. Возможности его интродукции на Южном Урале // Растительные ресурсы Южного Урала и Среднего Поволжья и вопросы их рационального использования: Тез. докл. и сообщ. Уфа, 1974. С. 36.

² Кучеров Е. В. Об охране полезных растений в поймах рек Башкирии // Растительность речных пойм, методы ее изучения и вопросы рационального использования: Тез. докл. I Всесоюзной конференции. Уфа, 1972. С. 68.

³ Хайретдинов С. С. Морфологическая изменчивость *Allium obliquum* L. // Редкие и исчезающие виды полезных растений Башкирии и пути их охраны. Уфа, 1982. С. 68–71.

⁴ Кучеров Е. В. Ботанические экскурсии... С. 137.

⁵ Древнетюркский словарь... С. 617.

⁶ Кучеров Е. В. Лук косой... С. 36–37.

⁷ Полевые материалы автора 1993 г. С. 35, 36.

⁸ Руденко С. И. Башкиры... 1955. С. 126.

мясистые стебли лука, а корни же растения оставались нетронутыми. Любопытно заметить, что к черемше так же бережно относились некоторые народы Азии, в частности сибирские крестьяне, у которых это растение имело исключительно большое значение в питании. Правда, сибиряки, в отличие от башкир, ели его не только летом, но и зимой, засаливая, как капусту¹.

Башкиры употребляли в пищу и другие виды лука. Однако сведения об этом уже утрачены, а кроме того, мы сосредоточили внимание на наиболее распространенных видах дикого лука, представленных в пищевом рационе башкир. Тут мы хотим обратить внимание читателей на один важный момент, малопривлекательный для исследователей в истории культуры. В частности, дикий лук, как и чеснок, часто упоминается в «Древнетюркском словаре»: в одном случае – в качестве растительной пищи², в другом – как средство для лечения людей от разного рода болезней³. Для убедительности приведу лишь два примера. Так, например, в «Древнетюркском словаре» термин «*inliç*» определяется как горное растение, похожее на чеснок и употребляемое в пищу⁴, а слово «*kekätrün*» – в качестве растения, золой которого наши предки лечили больные зубы⁵. Как было упомянуто, теми же качествами обладали в прошлом дикий лук и чеснок и у башкир. Кстати, совпадают даже термины, обозначающие эти травы. Так, например, по-древнетюркски дикий лук – *jafa*, *java* или *uksin*, чеснок – *sarmusaq*, а башкиры их называют *йыуа*, *оҫкон* и *һарымһак*. Все это, бесспорно, свидетельствует о близких родственных связях башкир с древним тюркоязычным населением Восточной Сибири и Саяно-Алтайского нагорья.

Естественно, собирательская деятельность башкир не ограничивалась сбором одного дикого лука. В весенне-летний период в питании башкир большую роль играл особенно щавель (*Rumex*) – *кузгалак*, встречающийся в нашем крае в нескольких видах (см.: выше). Самым популярным считался щавель обыкновенный (*R. acetosa*), который собирали многие местные жители. В пищу шли листья и стебли щавеля до его цветения. Ели траву, как в сыром, так и вареном виде. Кроме того, щавель использовался в качестве начинки для пирожков и пирога⁶.

Из группы щавелевых растений достойны внимания также щавель водяной (*R. aquaticus*) – *һыу кузгалагы* и щавель воробьиный (*A. acetosella*) – *тургай кузгалагы*. Первое растение население собирало у берегов рек и озер, на пойменных, болотистых и лесных лугах, второй – чаще всего на залежах, в посевах.

Листья и молодые стебли как щавеля водяного, так и щавеля воробьиного использовались в свежем виде, а также для супа, пирожков и пирога. Особенно щавель воробьиный. Впрочем традиция употребления щавеля в пищу сохраняется и в настоящее время. «Листья, молодые стебли щавеля в нашей республике являются наиболее ши-

¹ Никитинский Я. Я. Суррогаты и необычайные в России источники пищевых веществ растительного и животного происхождения. М., 1921. С. 113.

² См.: Древнетюркский словарь... С. 83, 211, 223, 248, 259, 284, 326, 510, 525–526, 529, 610.

³ Там же. С. 195, 215, 220, 231, 295, 327, 426, 478, 527 и др.

⁴ Там же. С. 211.

⁵ Там же. С. 295.

⁶ Полевые записи автора 1994 г. С. 12.

роко используемыми, – отмечает Е. В. Кучеров. – Весною на рынках они пользуются большим спросом. Они служат источником витаминов в весеннее время»¹.

О щавеле конском – *R. confertus* (*ат кузгалагы*) нам информаторы говорили мало. По сведениям Е. Н. Клобуковой-Алисовой, собиравшей материал среди местного населения еще в 40-е годы прошлого столетия, жители нашего края из его корней добывали краски желтого и черного цветов, которыми красили шерсть². Судя же по материалам Е. В. Кучерова, в ряде районов население республики до сих пор употребляет зрелые плоды щавеля конского в качестве корма гусям, собирая их мешками и даже заготавливая на зиму³.

По своим вкусовым качествам мало уступал щавелю горец альпийский (*Polygonum alpinum*) – *кымызлык*. Местные жители обычно называют «кислицей». Башкиры собирали эту вкусную траву преимущественно в тенистых местах в зоне елово-пихтовых и смешанных лесов. Особенно излюбленным местом, где охотно произрастала кислица, являлись опушки леса. Зимой здесь скапливается много снега. Он медленно тает и снабжает почву значительным количеством влаги. Стены леса также оказывают влияние на освещение прилегающей части поляны, что положительно сказывается в росте травяной растительности. Кислица, растущая здесь, как правило, давала хороший урожай и имела толстые и сочные стебли. Такие места известны были башкирам давно. Почти у каждой деревни были свои точки, куда жители ходили за кислицей и практически всегда возвращались домой со съедобной травой. Однако эти места находились далеко от деревни, а в условиях бездорожья добираться до них было нелегко. Тем не менее как только наступало время сбора, многие местные жители отправлялись за кислицей, одни – на лошадях, а другие – пешком с мешками на спине (*токсай*)⁴. В поисках такой травы некоторые доходили даже до Зильмердяка, Алатау, Мясима и других хребтов⁴. Потому что эту траву башкиры боготворили.

Кислица употреблялась в пищу чаще всего в сыром виде. Но нередко были случаи, когда делали травяной суп с кислицей.

Из других видов трав, ставших объектом собирательства башкир, следует отметить крапиву двудомную (*Urtica dioica*)** и особенно борщевик (*Heracleum*). Сбор крапивы (*кесерткан*) не представлял особой сложности, ее можно было найти во дворе и огородах. Что же касается борщевика (*балтырган, бэпкэ*), то за ним, как и за кислицей, приходилось отправляться в места, находящиеся в нескольких километрах от жилья.

У крапивы в пищу употребляли молодые весенние побеги и листья, богатые витаминами и солями, необходимыми нашему организму. Например, из крапивы варили

¹ Кучеров Е. В. Дикорастущие пищевые растения и их использование. С. 29.

² Клобукова-Алисова Е. Н. Дикорастущие полезные и вредные растения Башкирии. М.; Л., 1960. Т. 1. С. 161.

³ Кучеров Е. В. Дикорастущие пищевые растения... С. 27.

* Заросли кислицы также встречались в сенокосных угодьях.

⁴ Полевые записи автора 1975 г. С. 34; 1993 г. С. 36; 1998 г. С. 10.

** У башкир употреблялись в пищу также и другие виды этого растения, в частности, крапива жгучая (*U. urens*) и коноплевидная (*U. cannabina*), только в значительно меньшей степени.

суп (*кесерткан ашы*), который ели, заправляя диким луком. «Молодые листья, — отмечает профессор Е. В. Кучеров, имея в виду пищевое значение крапивы, — с давних времен используются человеком. Они идут на приготовление супов, салатов, борщей, рассольников. В годы Великой Отечественной войны население Башкирии даже в столовых использовало листья в весенний период для приготовления супов»¹. Однако ее значение заключалось не только в этом. Крапиву, как и коноплю, население широко применяло при изготовлении ткани самодельным способом. Об этом сообщают многие исследователи и путешественники, изучавшие этнографию башкир².

Особенно охотно собирали жители края борщевик (*балтырган*), который нравился им тем, что его, как и некоторые другие растения, можно было есть в сыром виде. Правда, для этого сначала приходилось очистить стебель от кожицы. Однако следует отметить, что борщевик больше шел в пищу в вареном виде. Из крупных и сочных листьев башкиры варили вкусную похлебку (*балтырган ашы*). Только их сначала ошпаривали кипятком, чтобы сбить едкую остроту.

Среди трав, собираемых башкирами, мы увидим еще дудник лесной (*Anglica silvestris* — *келән көпшә*). В «Определителе растений Башкирской АССР» (1966 г.) в качестве основного места его обитания указаны леса, заросли кустарников, уремы и сырые луга³. Биолог Е. В. Кучеров в своей книге «Дикорастущие пищевые растения...» уточняет: «Нами дудник лесной в массе отмечен в дубовых, липовых, березовых, осиновых лесах в районе западных предгорий Южного Урала. Значительное обилие его зафиксировано в поймах рек Бетера, Кухтур, Б. Нугуш в Бурзянском и Белорецком районах»⁴.

У дудника лесного башкиры использовали в пищу молодые стебли и еще не распустившиеся цветочные бутоны. Достаточно подробные сведения об этом растении можно получить в имеющейся литературе.

Особенно широко употреблялся в пищу горец альпийский. «Его нежные, чуть выросшие стебли и листья, немного кисловатые и очень приятные на вкус, были у башкир излюбленной пищей после долгой зимы»⁵, — отмечает Р. Ахмедов, касаясь роли башкирской капусты в питании населения.

Мы уже отмечали, что многие растения башкиры собирали на залежах, на лугах. К ним относится и свербига (*Bunias* — *какы*). У нее в пищу использовали молодые стебли, предварительно очистив от кожицы. Ели свербигу преимущественно в сыром виде.

Среди трав, собираемых местными жителями края, мы встречаем также сныть обыкновенную (*Aegorodium podagraria* — *еҫле балтырган*). За этим растением башкиры ходили в широколиственные леса и собирали его столько, сколько могли унести.

¹ Кучеров Е. В. Дикорастущие пищевые растения и их использование... С. 29.

² Георги И. Г. Описание всех обитающих в Российском государстве народов. СПб., 1799. Ч. 1. С. 102; Лепехин И. И. Дневные записки путешествия по разным провинциям Российского государства в 1770 г. СПб., 1802. Ч. 2. С. 24.

³ Определитель растений Башкирской АССР... С. 329.

⁴ Кучеров Е. В. Дикорастущие пищевые растения... С. 18–19.

⁵ Ахмедов Р. Слово о реках... С. 305.

В отличие от многих других трав у данного растения молодые листья и черешки в пищу шли в течение всего лета. В экстремальных условиях сныть не раз выручала лесорубов, охотников, рыбаков, испытывавших жажду и голод из-за отсутствия воды и достаточного количества дорожной провизии.

Если верить сведениям специальной литературы, то в свежих листьях сныти содержится около 65 мг витамина С и разные микроэлементы¹.

У ряда растений в качестве пищи использовались корневища, богатые крахмалом. Из них нам хочется остановиться более подробнее на саране, или лилии кудреватой (*Lilium martagon*) – *һарына*. Судя по этнографическим сведениям С. И. Руденко, башкиры называли ее *янтрак*, что в буквальном переводе означает «ян» (*йән*) – душа, «трак» (*терәк*) – опора, т. е. съедобный корень, спасающий человека от голодной смерти. Действительно, в тяжелые годы сарана не раз поддерживала жизнь башкир. Не случайно она часто упоминается в архивных документах XVII–XVIII вв.² Важное значение сараны в питании местного населения подчеркивает и ряд исследователей, в частности С. И. Руденко и С. В. Кириков. «Особенно много местами употребляют в пищу *янтрак* (сарана)», – отмечал, например, первый, касаясь ассортимента продуктов питания национальной кухни в конце XIX в.³ «Оба старые и больные, – подчеркивает второй, имея в виду одну из башкирских семей. – Хлеба теперь у всех мало. А у них и картошки сейчас нет. Ходят с женой в лес, копают саранку, кашу варят из нее»⁴.

Сарана встречается в лесах Башкирии, соседних областей и республик и теперь. Излюбленным местом ее обитания являются опушки леса и лесные поляны, т. е. прежние сенокосные угодья башкир.

Сарану выкапывали специальной лопаткой – *салыр*. В настоящее время его можно увидеть среди коллекций многих музеев. *Салыр* – орудие несложного устройства. «Железный наконечник ее (корнекопалки. – М. М.) насажен на деревянную рукоятку длиной около 50 см, – отмечают венгерский ученый Л. Мандоки и известный этнограф Р. Г. Кузеев, касаясь устройства экспоната, хранящегося в Будапеште, – к которой крестом прикреплена небольшая поперечная деревянная планка»⁵. Зафиксированные нами в различных музеях корнекопалки однотипны. Среди них встречаются экземпляры более архаичной формы, т. е. на некоторых из них функцию поперечной планки выполняет обыкновенный сучок, оставленный еще при изготовлении ручки *салыра*. У башкир чаще всего встречаются корнекопалки с железным наконечником кузнечной работы. В целом корнекопалки были местного изготовления, лишь в некоторых случаях их наконечники были литой формы. Пример тому корнекопалка, хранящаяся в краеведческом музее г. Баймака⁶.

¹ Кучеров Е. В. Ботанические экскурсии... С. 138.

² См.: МИБ. 1936. С. 69, 197 и др.

³ Руденко С. И. Башкиры... 1925. С. 74.

⁴ Кириков С. В. По Южному Уралу и Башкирии... С. 80.

⁵ См.: Мандоки Ласло, Кузеев Р. Г. Предметы народного искусства башкирской коллекции Венгерского этнографического музея // АЭБ. Уфа, 1962. Т. 1. С. 304.

⁶ Полевые записи автора 1997 г. Тетр. № 2. С. 6.

Необходимо отметить, что наконечник башкирской корнекопалки был узким. Делалось это для того, чтобы при выкапывании корнеплода как можно меньше ранить Землю-Мать.

Следует отметить, что ведущий научный сотрудник Института этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая (Кунсткамера) А. М. Решетов, несколько лет поработавший в Китае и хорошо знакомый с этнографией китайцев, башкирскую корнекопалку находил почти идентичной с подобным орудием в Китае, чем пользуются китайцы до сих пор при выкапывании корней трав¹.

Вообще корнекопалка относится к числу древнейших орудий человека². У башкир она получила достаточно широкое распространение. Это бесспорно свидетельствует о большом значении корнеплодов в качестве продукта питания и активной собирательской деятельности населения в прошлом.

В пищу шла луковица сараны, которую ели сырой или испеченной в золе. Из нее варили кашу в молоке (*һарына буткаһы*). Сушеные луковицы являлись ценным продуктом питания в зимний период.

Сарану башкиры выкапывают и употребляют в пищу и в настоящее время. Впрочем, местами она культивируется наряду с другими овощными и плодово-ягодными культурами. Например, в одном из хозяйств д. Абдульмамбетово Бурзянского и с. Темясово Баймакского районов сарана растет вместе с плодовыми деревьями.

Из других корнеплодов, ставших объектом собирательства башкир, заслуживают быть отмеченными здесь бубенчик лилиелистный (*Adenophora liliifolia*), уже упомянутый нами выше зопник клубненосный (*Phlomis tuberosa*), рогаз узколистный (*Tupha angustifolia*) и широколистный (*T. latifolia*) и стрелолист обыкновенный (*Sagittaria sagittifolia*).

За бубенчиками лилиелистными (*этлек, эттек*) башкиры ходили в лиственные или смешанные леса, удаленные порой от местожительства на несколько километров. Их корневища выкапывались с помощью вышеупомянутого орудия, т. е. *салыр*. Обычно собирали корень двухлетних растений, корневища старых бубенчиков не были пригодны в пищу.

В тяжелые послевоенные годы автору данной книги самому приходилось выкапывать и собирать бубенчик лилиелистный. Корневища этого растения сначала счищались сверху ножом, а затем они отваривались. Сушка корня производилась лишь после этой операции. Зимой заготовленные куски ценного продукта перемалывались, и из полученного порошка пекли хлеб, добавляя в него немного муки.

Касаюсь зопника клубненосного (*майсыбык, кейәү камсыһы*), необходимо отметить, что это растение тоже пользовалось у населения популярностью. Излюбленными местами его обитания являлись, как и для других корнеплодов, опушки лесов и особенно заросли кустарников. Корни этого растения длинные, утолщенные шаровидные клубни, стебель прямостоячий, длиной в 50–150 см. Цветки зопника грязно-ро-

¹ Материал взят из письма А. М. Решетова (2007 г.), адресованного автору.

² Липс Ю. Происхождение вещей. Из истории культуры человечества / Пер. с нем. В. М. Бахта. Ред., предисл. и исправл. С. А. Токарева. М., 1954. С. 97, 110, 123.

зовые, так что его нетрудно было найти в местах произрастания. Судя по собранным материалам, в пищу использовались клубни в вареном и печеном виде. Их также сушили на зиму.

Остальные растения вышеупомянутой группы составляют травы, растущие непосредственно в воде или в болотистой местности. Башкиры особенно охотно собирали рогоз широколистный (*екән, екәнле камыш*). Его легко узнать по некоторым внешним признакам: во-первых, по высоте стебля, достигающей местами 3 м; во-вторых, по початкам буровато-коричневого цвета, имеющим цилиндрическую форму. У рогоза широколистного в пищу употреблялись не только корневище, но и молодые ростки, богатые сахаром. По сведениям, полученным от информаторов, корневище хорошо высушивалось и перемалывалось в муку¹. Из полученного продукта пекли хлеб, добавив немного муки. По данным геоботаника флоры Башкирии Е. Н. Клобуковой-Алисовой, корневище рогоза широколистного обычно собиралось осенью или весной, когда в них накапливалось много крахмала².

Для башкирского населения Курганской и Челябинской областей ценной пищей являлось корневище рогоза узколистного, растущего больше всего в данной зоне. Из этого продукта, содержащего крахмал, башкиры получали муку точно таким же способом, как это делали при обработке рогоза широколистного. В отличие от жителей Башкортостана башкиры Курганской и Челябинской областей стебли рогоза широколистного использовали для изготовления циновок, корзин и веревок. Кстати, такую циновку нам удалось увидеть в школьном музее краеведения в д. Алгазино Сафакулевского района Курганской области во время комплексной экспедиции 1997 г.³

Здесь же башкиры использовали в пищу и сусак зонтичный (*Butomus umbellatus* L., *сәскәле камыш*)⁴. Данное растение было характерно и для территории Башкортостана. По сведениям Е. Н. Клобуковой-Алисовой, его хорошо знали, например, жители Абзелиловского, Аургазинского, Баймакского, Бирского, Бузовьязовского, Давлекановского, Иглинского, Кушнаренковского, Мишкинского, Покровского, Уфимского и Чишминского районов республики⁵. По наблюдениям ботаников, сусак цветет и плодоносит с июня по июль. Как свидетельствуют о том наши полевые материалы⁶, у сусака зонтичного полезны все части: ранней весной башкиры охотно ели листья и стебли растения, а осенью – сладкое корневище. Корневище сусака население употребляло в пищу в печеном и жареном виде со сметаной или же с маслом. Важно заметить, что башкиры делали даже муку из сусака, для чего, естественно, сначала хорошо просушивали корень. Хлеб, испеченный из его корневища, выручал башкир в тяжелые годы жизни, о чем мы скажем в специальном разделе. По сведениям, полу-

¹ Полевые записи автора 1972 г. С. 38; 1997 г. С. 38.

² Клобукова-Алисова Е. Н. Указ. соч. С. 18.

³ Полевые записи автора 1997 г. С. 24, 25.

⁴ Янтурин С., Хисамов Г. Русско-башкирский, башкирско-русский словарь по ботанике. Уфа, 1981. С. 64.

⁵ Клобукова-Алисова Е. Н. Дикорастущие полезные и вредные растения Башкирии. Т. 1. М.; Л., 1958. С. 17.

⁶ См.: Полевые записки автора. 1990, 1997, 2000 гг.

ченным нами из исследований ботаников, обстоятельно изучавших растительность Башкортостана еще в 60-е и 70-е годы, сусак содержит 60% углеводов и 14% белка¹.

Интересно заметить, что это растение было популярным в жизнеобеспечении населения у многих народов Сибири. Достаточно указать на этнографические материалы, из книги «Тюрки таежного Причулымья», где приводятся интересные факты о многих жителях Западной Сибири².

Наконец, несколько слов о стрелолисте обыкновенном (*ук япрак*). Это растение сравнительно мало привлекало внимание башкир, хотя по содержанию крахмала и белка оно превосходит остальные. Р. Ахмедов указывает, что «в корневище стрелолиста крахмала в полтора раза больше, чем в картошке, и он в пять раз богаче по содержанию белка»³. В Башкирии стрелолист растет повсеместно и вполне мог бы употребляться в пищу и в настоящее время. Сбор корневищ производился обыкновенно в конце лета или ранней осенью.

Вполне естественно, что объекты собирательства у башкир не ограничивались только этими видами растений. Они собирали немало других трав и корнеплодов, некоторые из них уже забыты. Из тех, о которых все еще помнят многие местные жители, хочется упомянуть в первую очередь о хмеле (*Humulus*). Это растение в народе называют *комалак*. О том, насколько важна была роль хмеля в питании башкир раньше, ярко свидетельствуют архивные источники, относящиеся еще к XVI–XVIII вв. В частности, почти в каждой купчей бумаге хмель упоминается в качестве полезного растения⁴. По-видимому, в крае он играл важную роль и как продукт питания, и как товар для обмена. Во всяком случае среди тех товаров, которыми торговали башкиры, довольно часто встречается также хмель. Показательна в этом отношении «Грамота из Приказа Большой казны соликамскому воеводе С. Т. Кондареву об освобождении от таможенных пошлин башкир, торгующих продуктами собственного хозяйства». В частности, здесь говорится: «... ездят де они к Соликамской и в иные города и возят с собою продавать хмель, воск, хлеб и всякую животину, а пошлин с них прежде чего с товару не имывано, а ныне де в тех городех пошлины со всякаго товару с них [им]ут; а тот хмель и мед, и воск они не покупают, собирают де в вотчинном своем лесу...»⁵.

Шишки хмеля собирали осенью, когда они имели зеленовато-желтый цвет. Из шишек местные жители готовили закваску (*асетке*), которая широко использовалась в заготовке кумыса и медовухи (*асе бал*), а также при хлебопечении.

Судя по полевым материалам, в пищу шли также молодые корни. К сожалению, башкиры уже не помнят о технологии обработки корней этого ценного продукта питания и об изготовлении из него какого-либо национального блюда.

¹ Клобукова-Алисова Е. Н. Указ. соч. С. 17; Определитель растений Башкирской АССР. М.; Л., 1966. С. 64.

² См.: Тюрки таежного Причулымья. Популяция и этнос / Под ред. акад. В. П. Алексеева. Томск, 1991. С. 51–57.

³ Ахмедов Р. Слово о реках... С. 305.

⁴ См.: МИБ. 1936. С. 71–74.

⁵ Там же. С. 75.

Из группы растений, употреблявшихся в пищу у башкир и ставших одним из объектов собирательства, следует упомянуть также о лещине обыкновенной (*Corylus*) – *сәтләүек* и водяном орехе (*Trapa natans*) – *һыу сәтләүеге*. Первое растение нам хорошо известно, его заросли можно встретить в Башкортостане и сегодня. По подсчетам лесоводов, в республике встречается более 100 тыс. га орешника¹. Раньше в нашем крае было гораздо больше зарослей этого ценного дерева. Беспощадное истребление лесных массивов привело к их резкому сокращению.

Касаясь же водяного ореха, можно сказать, что в настоящее время он встречается редко и является исчезающим растением. Судя по полевым материалам, водяной орех зафиксирован нами всего лишь в одном месте, в частности, в Нуримановском районе, в озере Упканны-куль. Согласно мнению ученых-биологов, в древности он был широко распространен на территории нашего края, а сейчас водяной орех стал реликтовым растением. Тогда как плоды орешника собирались населением на обширной зоне по всей Западной Башкирии и в ряде центральных районов республики, то водяной орех был доступен лишь узкому кругу жителей. В частности, его собирала лишь незначительная часть башкир и татар, живущая, главным образом, вокруг указанного выше озера. По сведениям, полученным нами от старожилов, раньше, по крайней мере в конце XIX в., водяной орех встречался не только в озере Упканны-куль, но и в других соседних озерах. По сведениям А. А. Чебелева, заросли водяного ореха раньше встречались по Уралу и Сакмару².

Плоды орешника собирались населением из-за вкусного жира. Занятия, связанные с заготовкой этого ценного продукта питания на зиму, в урожайные годы превращались даже в самостоятельный промысел. Среди местных жителей было немало лиц, которые занимались продажей плодов лещины. «Урожайные годы, – читаем о жителях населенных пунктов башкирской вотчины Калмыковой (Бирский уезд), – набирают орехов до 1 000 пудов и продают по 80 коп. за пуд»³.

Водяной же орех завоевал широкую известность у жителей северной части края из-за вкусного и высококалорийного крахмала. «Плоды чилима (водяного ореха. – М. М.), очищенные от твердой кожуры, по вкусу напоминают каштаны, – отмечает А. А. Чебелев, касаясь вопроса о его практическом значении. – Местные жители употребляют их в пищу сырыми, вареными и жареными. Известны опыты изготовления из водяных орехов крупы и муки... Орехи чилима содержат крахмала более 50 %, белковых веществ – 20 %, сахара около 3 % и жира – 0,7 %»⁴. По его же сведениям, в 50–60-х годах в нашей стране изучались вопросы культивирования чилима на озерах и прудах. Подсчитано, что с одного гектара водоема можно снять около 50 ц спелых орехов.

Мы в своем исследовании не касались тех трав и корнеплодов, которые применялись в народной медицине башкир. Об этом достаточно подробно говорится в тру-

¹ Кучеров Е. В. Ботанические экскурсии...

² Чебелев А. А. Река Урал. Историко-географические и экологические очерки о бассейне реки Урала. Л., 1987. С. 58–61.

³ Сборник статистических сведений по Уфимской губернии. Т. 5. Бирский уезд. Уфа, 1900. С. 250.

⁴ Там же. С. 60.

дах Е. Н. Клобуковой-Алисовой, Е. В. Кучерова, Р. Б. Ахмедова*, В. З. Гумарова¹, З. И. Минибаевой и некоторых других исследователей. У ряда трав в одном случае широко использовались листья и стебли, а в другом – их корни и корневища для получения красок. В то же время в быту башкир имели место случаи использования корней и корневищ некоторых растений в качестве отравляющих веществ. Например, для истребления мышей башкиры нередко использовали чемерицу. В настоящее время технология получения яда из этого растения уже забыта.

В собирательской деятельности населения горной зоны важное место занимал также **сбор дикого меда**, т. е. собранного дикими пчелами (*кыр корто*) и являющегося особым лакомством для башкир. Обнаруживали их в большинстве случаев в дуплах деревьев (*кыр агас*). Находили такие пчелиные гнезда также в расщелинах скал, но сравнительно реже. Съём меда из дупла дерева для башкир не представлял особой сложности. Они, постоянно занимаясь бортничеством, имели большой практический опыт и сноровку в этом деле. «Башкорт тоже ходит в лес на поиски (гнезда диких пчел. – М. М.), как мы бывало хаживали на поиски золота в тайгах Сибири»², – отмечал П. Небольсин, касаясь занятий башкир по примитивному пчеловодству. На обнаруженное дерево с гнездом пчел тут же башкиром ставилась метка-тамга, и оно превращалось в его собственность. Дупло подобного дерева в большинстве случаев обдывалось и подгонялось в «бортъ» (*солок*). Дерево с гнездом пчел сваливалось лишь тогда, когда оно обнаруживалось случайным лицом, далеким от пчеловодства.

В отличие от первого способа, съём меда из расщелины скалы был сопряжен не только с большими трудностями, но и опасностью. После обнаружения гнезда пчел в расщелине скалы башкиры готовились к этой операции специально: во-первых, подготавливали длинные волосяные или лыковые арканы с узлами; во-вторых, деревянное сиденье (*табалдерек*); в-третьих, гнилушку для окулирования пчел (*сөрөк*). Добирались до пчелиного гнезда с помощью указанных атрибутов. К сожалению, как выполнялась эта операция практически, наши информаторы затруднялись ответить. Лишь один из них сказал, что снимали мед из расщелины скалы точно таким же образом, как это делалось при съеме птенцов из соколиного гнезда, устроенного тоже на скале, где-нибудь на утесе. А выемка соколят из гнезда производилась следующим образом: «...три или четыре башкирца на вершине горы, против гнезда соколинова, вбивают два толстых, но не высоких кола, а за один привязывают оную, оставляя конец, на которой приделана простая сиделка: один башкирец, покрывши лицо и плечи толстой кожей, садится, привязавшись к веревке и взяв с собою корзину; товарищи его развешивают веревку и спускают вниз до тех пор, пока тот, придерживаясь, где можно, за выдававшиеся камни и ущелины и поравнявшись с гнездом, дает им знать, тогда оставшиеся на горе башкирцы, дав время спущенному вниз взять молодых соколят и положить в корзину, опять наверх вытаскивают веревку и поднимают его наверх»³. С учетом специфики операции, свя-

* Упоминались выше.

¹ Гумаров В. З. Башкирская народная медицина. Уфа, 1985; Минибаева З. И. Указ. соч. С. 76–89.

² Небольсин П. Башкиры // Отечественные записки. СПб., 1850. Т. LXXII. № 11–12. С. 9.

³ Тимофеев А. Собрание описаний Оренбургской губернии // Архив РГО. Разр. 26. Оп. 1. № 19. Л. 79 об. – 80.

занной с добычей дикого меда, мы можем добавить к сказанному следующее: башкир, добравшийся до пчелиного гнезда, надевал на голову специальную сетку, иначе его ужалили бы злые пчелы; он в обязательном порядке окуривал пчел, чтобы обеспечить себе доступ к сотам; вместо корзины он имел специальный долбленный сосуд (*батман*) для меда. Мы полагаем, что батман с медом башкиры поднимали отдельно с помощью дополнительной веревки. Судя по словам некоторых информаторов, в скальных гнездах пчел меду обычно бывало больше, чем в душе. Так что башкирам, участвующим в этой операции, приходилось работать немало...

Теперь почему-то пчелиные гнезда в расщелинах скал встречаются очень редко. Зато *кыр агас* лесные башкиры поныне находят как по восточному, так и западному склонам Южного Урала. Об этой особенности лесной зоны Башкортостана писали также зарубежные исследователи, приезжавшие в Бурзянский район, в частности из Франции¹.

Поверья и обряды. У башкир существовали различные поверья и обряды, связанные с собирательством. К сожалению, теперь жители деревень помнят лишь о некоторых из них. Из сохранившихся в памяти народа обрядов представляет интерес такой. Например, у большинства местных жителей нами был зафиксирован следующий обряд. Прежде чем пробовать ту или иную траву, только что сорванную в поле, обычно башкир проговаривает: «*Иске ауызга яңы аш, яман ауырыу минән кас!*»² («Здравствуй, трава свежая, изыди вон хвора всякая»). Так говорили все перед употреблением в пищу и других съедобных трав. Башкиры, как и многие другие народы, травам приписывали способность отогнать болезни, придавать силу организму, сохранять здоровье. В зависимости от родового происхождения башкир в функционировании данного обряда были местные особенности. Например, башкиры-бурзяне Бельского бассейна, карагай-кипчаки, отчасти тамьянцы перед тем как сказать вышеуказанную фразу, ржали, как лошадь, произнося громко «*и-га-га, и-га-га*». У башкир и татар западной части Башкортостана данное выражение звучало несколько иначе: «*Мәңге үс йәш үлән, зәңге ауырыуы кит бынан*» или «*Зәңгеләр кас, изел кис, иске корһак, яңы аш*» (в том же значении, о котором говорилось выше).

При изучении обрядовых традиций башкир интерес представляет также детская игра при сборе дикого лука. Ранней весной, сразу же после таяния снегов, на горных склонах появлялись разные виды первой зелени. В это время дети ходили за диким луком, взяв с собой небольшую палку-копалку (*беләу*) прямоугольной формы, заостренную в виде лопатки. Добравшись до того места, где предполагалось наличие кустов дикого лука, каждый из ребят бросал свою корнекопалку под ноги, приговаривая при этом следующие слова:

*Йыуа, йыуа, йыуа тап,
Йыуа тап та ялтырап ят!*

*Найди, найди дикий лук,
А найдя его, дай знать!*

¹ Joukov B. Chasseurs de miel, une espècemenacèc // Courrier international. Paris, 2000. Octobre. № 519. С. 54–55.

² Полевые записи автора 1990 г. С. 154; 2001 г. С. 7–17.

Игра проходила весело. Во всяком случае ребята редко возвращались домой без лука. Кстати, эта игра достаточно интересно описана в книге «*Башкорт халык ижады*»¹.

Вообще из съедобных трав дикий лук, щавель и кислицу башкиры собирали охотно. О собирании и употреблении в пищу данных трав существовали различные поверья, в том числе и весенние праздники. О некоторых из них до сих пор помнят старожилы. К примеру, праздник щавеля (*кузгалак байрамы*) проводился ранней весной, т. е. когда на лесных полянах и лугах появлялся щавель. В празднике участвовали жители нескольких деревень, чаще всего это были люди одного рода или племени². Участники игры водили хоровод и пели песни, посвященные щавелю и другой траве. Независимо от пола и возраста все веселились и плясали («Это был праздник всеобщий, где принимали участие все люди от мала до велика, от бая до бедняка», – вспоминал известный кузнец долгожитель из д. Сикияз (Балтачевский р-н) Хабрислам Мифтахетдинович Мифтахов (1906 г. р.)³. Судя по словам ряда башкир, раньше во время данного праздника резали даже кобылу или быка и варили мясо, которого ели все без исключения. Кости животного аккуратно закапывали в землю. Жертвоприношение в процессе праздника – древнее явление, переходящее из одного поколения людей в другое. По мнению многих исследователей, оно возникло еще в первобытном обществе и занимало в идеологии древних людей важное место («Кто на что был способен, то и показывал на праздничной церемонии – одни делились своими познаниями о травах и об их практическом значении, другие радовали своих односельчан песней, третьи – пляской», – рассказывала Вазифа Аглиулловна Мамбетова (1913 г. р.), старшая дочь известного охотника-волчатника Аглиуллы Халиулловича Юламанова (1880 г. р., Хайбуллинский р-н, Башкортостан, полевые записи автора 1997 г.).

По поводу собранной кислицы проводили праздник *кымызлык байрамы*. Он отмечался после возвращения собирателей этой травы с горы Зильмердяк, расположенной в 25–30 км от деревни. Судя по словам старожилов д. Уметбаево (Белорецкий р-н), в нем участвовали не только они, но и жители д. Старосаитово (Ишимбайский р-н). На празднике резали скот, варили кисличный суп с мясом, пили чай, веселились, желали друг другу благополучия и здоровья⁴.

Говоря об этих праздниках, надо отметить, что в них отразились древние взгляды башкир на природу и попытка влиять на нее, а также постоянная забота скотовода о траве, являющейся основным кормом для домашних животных, от которой зависело благополучие семьи. Путем совершения жертвоприношения башкиры надеялись, что природа будет благоприятствовать успеху в их хозяйственной деятельности⁵.

¹ См.: Башкорт халык ижады. Өфө, 1995. Т. I. 245-се б.

² Башкорт халык ижады. Өфө, 1995. Т. I. 205-се б.

³ Полевые записи автора 1990 г. С. 137.

⁴ Полевые записи автора 2000 г. С. 39–40; 2004 г. С. 37.

⁵ Рикман Э. А. Место даров и жертв в календарной обрядности // Календарные обычаи и обряды в странах зарубежной Европы. Исторические корни и развитие обычаев. М., 1983. С. 175–181.

В журнале «Ватандаш» была опубликована статья. В сочинении важное место занимает легенда, бытовавшая в недавнем прошлом у башкир. В памятнике народного творчества повествуется о взаимной любви башкирского джигита из д. Кубагушево (рядом с пос. Миндяк) и девушки-красавицы из д. Баимово (совр. Абзелиловский р-н). Свадьба должна была состояться на кочевке башкир деревни, откуда была родом невеста. Тогда поляна Майташ, где проходили свадебные торжества, гремела от веселья. Поскольку свадьба шла у подножия горы Курташ, то, естественно, у молодоженов появилось желание подняться на гору. Сваты и сватья удовлетворили их просьбу. Поднявшись на гору, жених и невеста, отмечали это радостное событие, пили целебный кумыс кубиялк-телевцев¹. Вдруг жених на скале увидел одинокую кислицу, растущую, как ни удивительно, на мшистом камне. Смелый и самоотверженный жених решил достать эту необычную траву и преподнести ее в качестве подарка своей невесте. Он благополучно спустился со скалы, хватаясь за торчащие камни, с радостью сорвал эту волшебную траву. Когда поднимался вверх, схватившись не за тот камень, он сорвался со скалы. Невеста долго ждала своего возлюбленного, пролила немало слез. Убедившись в том, что ее любимый человек погиб из-за этой роковой травы, она сочинила стихотворение, посвященное самоотверженному поступку своего возлюбленного. В стихотворении глубокая печаль, безысходная тоска от потери любимого. Текст дается в оригинале, т. к. искажается смысл стихотворения, а также этнический колорит уникального по технике стихосложения и редкого по форме ритма сочинения.

*Курташ асты сук муйыл,
Түгелен бөткөһөз күп муйыл.
Инде килмәм Курташ кашыңа,
Кымызлыгың етте яныйым башыңа.
Күк күкрәй, Курташ, ай башыңда,
Ишетелә Майташ астыңда.
Һагынырмын, йәрәм, һаргайырмын,
Һин булмагас минең кашымда.
Ап-ак кына, ап-ак ак уканы
Һуҙнаң ине Курташ юлына.
Йәштән генә һөйгән йәрәң менән
Йәшәһең ине ғүмерең буйына².*

В предании говорится о кислице, растущей на необычном месте. Как видно по полевым материалам, у башкир эта трава пользовалась большой популярностью. Ее употребляли в пищу, также использовали в качестве обрядового растения. Например, у башкир раньше весной проводились молодежные гулянья, посвященные кислице³.

¹ См.: Мустафин З. Ярбаш-Казаккол // Ватандаш. 1998. № 6. С. 193–196.

² Там же. С. 194

³ Муллагулов М. Г. Собираательство и рыболовство у башкир. Уфа, 2007. С. 41.

Данный бытовой обряд находит отражение и в «Академическом словаре башкирского языка»¹. Оказывается, помимо этого, растение обладало и другим качеством. Вот что говорила вышеупомянутая нами бабушка Бибиниса, известная травница: «Кымызлык – ябай ғына үлән түгел. Ул сихри көскә эйә», что по-русски означает, что данная трава – не простое растение, а волшебное, имеющее чудодейственную силу. Хотя кислица встречалась на лугах и полянах, недалеко от деревни, тем не менее односельчане и соседи отправлялись за этим растением куда-то вдаль, на что мы уже указали выше². Это разве не проявление особого отношения к данному растению? Возможно, все это хорошо знал и герой вышеупомянутой легенды. Во всяком случае, он не случайно выбрал в качестве подарка именно кислицу. Кругом было много полевых цветов, а жених остановился на кислице...

Можно предположить, что башкирский национальный напиток кумыс не случайно так назван. Как бы то ни было *кымызлык* и кумыс не только взаимосвязаны, но и взаимообъяснимы. *Кымызлык* (кислица) как трава таит в себе еще немало скрытого и сокровенного.

Глава 2

СБОР ДИКИХ ЯГОД И ПЛОДОВ

Важный объект собирательства составляли ягоды (*еләк*), которые созревали уже в первых числах июля, а в иные годы – еще раньше.

Особенно охотно собирали башкиры ягоды земляники и клубники. Как свидетельствуют о том полевые материалы, лесная земляника (*Fragaria vesca*) – одно из наиболее распространенных в Башкирии растений, встречается повсеместно в лесной и лесостепной зонах. Действительно, по сведениям «Определителя растений Башкирской АССР» (М.; Л., 1966), основными местами, где произрастала и растет теперь эта ягода, являются леса, кустарники, горные склоны и луга³. Ягоды земляники ярко-красной окраски, очень сладкие и ароматные. Не случайно они широко используются в настоящее время при производстве душистого мыла. Ягоды собирали в берестяной короб (*каяз*) или деревянный сосуд (*күнасек*)⁴. По словам информаторов, в такой посуде они сохранялись лучше и дольше.

¹ Академический словарь башкирского языка. Т. V. «К» / Под. ред. Ф. Г. Хисамитдиновой. Уфа, 2013. С. 736.

² Муллагулов М. Г. Указ. соч. С. 33, 41.

³ Определитель растений Башкирской АССР... С. 250.

⁴ Об этих сосудах подробнее см.: Шитова С. Н. Башкирская деревянная утварь (опыт классификации и типологической характеристики) // Хозяйство и материальная культура башкир в XIX – начале XX в. М., 1979. С. 187–200; Муллагулов М. Г. Лесные промыслы башкир. XIX – начало XX в. Уфа, 1994. С. 145–147.

Сбор ягод клубники (*F. viridis*) начинался несколько позже, и ареал распространения данного растения был гораздо шире. Например, клубника встречалась довольно часто даже в степной зоне. «В этом году уродилось так много степной клубники, — читаем в книге С. В. Кирикова «По Южному Уралу и Башкирии», касаясь территориального распространения данной ягоды, — что на этом участке целинной степи площадью около 10 га сакмагушские женщины собирали по 50 килограммов клубники в день»¹. Ягоды ее гораздо крупнее, и они по вкусовым качествам почти не уступают ягодам земляники. Башкиры собирали их на открытых местах по опушкам лесов, на лугах, в поймах рек и среди кустарников. Как и всегда, собирателями ягод являлись преимущественно женщины и дети². В этом можно увидеть пережиток архаичного разделения труда. У каждой деревни были свои ягодники (*еләклек*), лучшие из которых находились вдали от деревни. Поэтому люди отправлялись за ягодами как можно раньше, захватив с собой большие туеса (*тырыз*) и деревянную посуду. При этом каждый брал с собой питьевую воду и хлеб. Тропы к ягодникам шли по пересеченной местности, и встречались разного рода преграды (горные склоны, речки, болотистые места и др.). Нелегко было собирателям и в самом ягоднике, ведь нередко им приходилось работать под палящими лучами летнего солнца. Как и в любом деле, здесь были свои мастера, которые имели большую сноровку и практические навыки. Об этом мы скажем несколько позже при характеристике работы собирателей плодов кустарников и поздних ягод.

Ягоды клубники, как и земляники, употреблялись в пищу в различных видах: в одном случае — свежими, а в другом — ими начиняли пирожки и пироги. Неповторимый вкус имели ягоды, когда их ели вместе со свежей сметаной. В ряде семей ягоды и листья сушили на зиму. Для этого лучше шли ягоды клубники. В этой связи нам хочется привести отрывок из только что упомянутой книги. «Что вы приготовляете из клубники? — спросила она [жена С. В. Кирикова] у Сабиры [местная башкирка]. — Сушим и зимой пьем вместо чая, если заболит кто», — ответила Сабира³. Излишки ягод продавали. Основными местами реализации ягод являлись торговые точки русских сел и поселков. Кстати сказать, в статье А. Пекера «Очерки города Уфы», написанной им в 1860 г., среди товаров и продуктов, которые привозили башкиры для продажи в город, упоминаются и ягоды⁴.

Клубника, как и ягоды земляники, также богата витаминами. Из нее готовят пастилу (*как*). Впрочем, об этом подробно писал еще в XIX в. Д. П. Никольский, автор, хорошо знакомый с жизнью башкир. Среди этнографических экспонатов, высланных для участия на Сибирско-Уральской научно-промышленной выставке в 1887 г. (организовывалась в г. Екатеринбурге), были образцы плодово-ягодной пастилы, которую действительный член Уральского общества любителей естествознания врач Д. П. Никольский в своем сопроводительном письме охарактеризовал так: «При сем

¹ Кириков С. В. По Южному Уралу и Башкирии... С. 132.

² См.: Полевые записи автора 1986–2005 гг.

³ Кириков С. В. По Южному Уралу и Башкирии... С. 132.

⁴ См.: Вестник Императорского русского географического общества (далее — ИРГО или РГО). СПб., 1860. Вып. 60. С. 177–200.

имею честь препроводить в музей Общества одно из национальных башкирских лакомств (вроде нашей пастилы), собственного их приготовления и употреблявшегося в настоящее время только у более состоятельных башкир.

Из прилагаемых образцов видно, что она приготовлена из клубники (называется жилик), вторая – из земляники... Приготавливается летом следующим образом. Ягоды протираются на сите или решете, получается густая масса, которая раскладывается или на доске, или на железном листе и потом раскатывается или круглой палкой, или руками до тонкости нашего сочня и затем высушивается на солнце.

В пищу употребляется или за чаем, или после обеда; отрывается кусочками, иногда смазывается медом или же обмакивается в чашку с ним. Продается на фунт, который стоит 60 коп. (Как в Сарах, где я купил)»¹.

Практическое значение домашней пастилы у башкир не ограничивалось только этой функцией. В ряде волостей Западной Башкирии *как* использовался в качестве обрядовой пищи. Башкиры, например, бассейна р. Ик для свадьбы готовили особую пастилу, отличающуюся от обычной размерами и технологией приготовления. Во-первых, здесь *как* делался сравнительно тонким и в больших размерах. Во-вторых, жидкая масса, служащая материалом для заготовки пастилы, обрабатывалась более качественно. Свадебный *как* подавался на стол вместе с *баурсаком** или чак-чаком при угощении гостей в доме отца невесты и считался обязательным атрибутом каждой свадьбы. Если мать невесты на свадебный стол ставила баурсак или чак-чак без пастилы, то говорили: «*Какһыз кыз – һакһыз*» (букв. «Девушка без домашней пастилы – не невеста»). Поэтому в семьях, где ожидалась свадьба, родители девушки заранее готовили обрядовую пастилу. Если не было заготовлено в летне-осенний период, то старались найти такую пастилу у соседей³.

Технология заготовки свадебной пастилы довольно сложна и трудоемка. Прежде всего аккуратно разминали только что собранные ягоды до тех пор, пока не получалась ровная кашеобразная масса. После этого ее протирали через решето с мелкими ячейками. В дальнейшем полученное пюре намазывалось на широкую доску с ровной и гладкой поверхностью. Чтобы не допустить прилипания жидкой ягодной массы к доске, последняя обильно смазывалась сливочным маслом. Дальнейшая операция по приготовлению свадебной пастилы заключалась в приглаживании кашеобразной массы на доске. Для этого сначала обрызгивали всю поверхность пюре ягодным соком, а затем разравнивали ее или ладонью, или деревянной дощечкой (*йөзләү, шымартыу*) до тех пор, пока кашеобразная масса не ложилась на доску ровным слоем и не получался тонкий полупрозрачный слой из пюре. Как видим, работа была не легкая. Тем не менее имелись мастера по приготовлению свадебной пастилы. Например, судя по нашим полевым материалам, в Бакалинском районе по технологии изготовления пастилы широкую известность получили Ихсанова Назиба

¹ Протокол собрания Уральского Общества любителей естествознания от 12 марта 1888 г. // Зап. УОЛЕ. Т. X. Вып. I. С. 315. (Письмо действительного члена Д. П. Никольского от 9 марта).

* Мучное изделие из пшеничной муки, сваренное в масле.

² Полевые записи автора 2001 г. С. 80–83.

(д. Куруч-Караново) и Жувайра Губайдуллина (с. Новокатаево). К ним за свадебной пастилой приезжали жители соседних деревень Куручева, Килькабызова и др. Когда бабушка Назиба умерла, то в ее избе обнаружили 2 сундука с пастилами, от которых все еще пахло ароматом ягод¹.

Башкирская пастила высоко ценилась на окрестных базарах. Особенно охотно покупали ее купцы из Средней Азии и Казахстана². По сведениям Ахмет-заки Валиди Тугана, особо предпочиталась здесь, в частности в Хорезме, пастила из каины (*балан кагы*)³.

Впрочем, для заготовки пастилы служили ягоды также других плодовых растений. В частности, башкирская пастила, хранящаяся в Российском этнографическом музее, была заготовлена из ягод костяники (см. колл. № 78).

Охотно заготавливали пастилу (*как*) также башкиры Курганской и Челябинской областей. Здесь ее делали чаще всего из ягод клубники.

Для обозначения ягоды земляники, так же как и ягоды клубники, башкиры употребляли и употребляют по сей день различные названия. Так, например, в том случае, если основным местом произрастания земляники являются березовые леса, то их ягоды называют *кайын еләге* или *саул еләге* (букв. «ягоды березы»). Последний термин встречается, например, у курганских башкир⁴. Однако земляника немало встречается также в сосновых лесах и по каменистым горным склонам, поэтому ягоды, собираемые здесь, обозначаются соответственно *карагай еләге* или же *таш еләге* (букв. «ягоды растения, произрастающего на камне»). В то же время ягоды земляники местами называют *тургай еләге*⁵, что в переводе на русский язык означает «ягоды воробья». Последнее название ягоды земляники, по-видимому, получили на том основании, что их охотно едят воробьи.

Наряду с ними встречаются весьма редкие названия, употребляемые для обозначения ягод земляники, такие, например, как *осло еләк* (букв. «ягодка с острой головкой») и *яңғыз аяк* («одинокая ягода»). Первое название больше всего распространено среди населения бассейна р. Ай, второе же – у башкир-катайцев Инзерского бассейна. Точно так же по-разному называют башкиры ягоды клубники. В частности, в большинстве районов с башкирским населением мы встречаем термин *ер еләге*⁶, что дословно по-русски означает «ягода земли». Однако наряду с ними в качестве названий ягод клубники существуют такие термины, как *шартый* или *шартлама*⁷. Основанием для появления таких терминов, по-видимому, послужило физическое

¹ Полевые записи автора 2001 г. С. 80–83.

² Байков Г. К. Народно-хозяйственное значение дикорастущих плодовых растений флоры Башкирии и задачи по их охране // Состояние и задачи охраны природы Башкирии. Уфа, 1960. С. 107.

³ Әхмәтзәки Вәлиди Туган. Башкортостан тарихы. Өфө. 1994. 14–15-се бб.

⁴ Полевые записи автора 1997 г. С. 6.

⁵ Йәнәтурин С., Хисамов Г. Русса-башкортса, башкортса-русса ботаника терминдәре һүзлегә. Өфө, 1981. 25, 94-се бб.

⁶ Полевые записи Г. Ш. Муратшиной 1961 г. С. 45.

⁷ Башкирско-русский словарь: В 2 т. М., 1985. Т. II. С. 181; Башкорт теленә һүзлегә: Ике томда. М., 1993. Т. II. 318, 326–328-се бб.

свойство самого растения. Так, например, ягода клубники трудно отделяется от чашечки. В большинстве случаев она отрывается от стебля, издавая при этом легкий треск. Последние два термина мы повсеместно встречаем у башкир бурзянского, карагай-кипчакского и ряда других родов.

Широкое использование самих ягод в пищу и бытование у башкир множества различных терминов для их обозначения, несомненно, свидетельствуют, с одной стороны, о глубокой традиционности собирательства как хозяйственного занятия населения, с другой – о сложности процесса этногенеза у башкир.

Пользуясь случаем, необходимо отметить, что именно в ягодную пору башкиры сильно страдали от укуса ядовитых змей, которых раньше особенно много было в горной и горно-лесной части края. Здесь во время сбора ягод часто кто-нибудь страдал от укуса змей. Ясно, что пострадавший испытывал страшную боль и адское мучение. Кстати, об этом вынужден был писать в своих «Дневных записках...» известный путешественник XVIII в. И. И. Лепехин, очевидец этого несчастного случая в одной из летонок башкир*.

В подобных несчастных случаях пострадавшему крепко перевязывали руку или ногу выше укушенного места. Затем кто-нибудь из товарищей, это был чаще всего человек, имеющий здоровые зубы и десны, приложив влажную чистую повязку на рану, силой высасывал змеинный яд из пораженного участка тела и тут же освобождал полость рта от отравленной слюны. Данная процедура повторялась несколько раз, после этого пострадавшего как можно быстрее доставляли до местожительства в распоряжение народного лекаря. Тем не менее больного удавалось спасти очень редко. Вообще вред, который причиняли змеи башкирам, был немалый. Страдали от них как сами, так и домашний скот. Отсюда понятна причина, почему башкиры беспощадно истребляли их. «Убийство змеи почитают они неотменно нужным для их пакостей, – подчеркивал И. И. Лепехин, – какие они им самим и скоту наносят, а голову притыкают к земле для особенного мнения»¹.

За ягодами поспевали смородина, черника, малина и вишня. В отношении кустарниковых у башкир были свои вкусовые пристрастия. Больше всего они любили смородину, за которой отправлялись за десятки километров. Ягоды и листья использовались для лечения от разного рода болезней. Поэтому башкиры собирали охотно смородину (*Ribes*), которая встречается в нашем крае двух видов: черная

* В частности, когда он находился на летовке местного бая Шакура, внезапно сына укусила черная змея. «Не прошло получаса, – отмечает молодой исследователь, – как ногу у него чрезмерно раздуло, и в укушенном месте чувствовал малый великую боль, так что без крику ногу поворотить у него не можно было. Бледность, покрывающая лицо, пасмурные глаза и прерывочное дыхание живо изображали ту опасность, в какой он находился. Тут принужден я был вмешаться в врачебную должность...». Разумеется, это был единственный случай, когда пострадавшему была оказана медицинская помощь.

¹ Продолжение дневных записок путешествия академика и медицинского доктора Ив. Лепехина по разным провинциям Российского государства ... в 1770 г. (СПб., 1802. Т. 2. С. 172–174). Так что утверждение Н. Казанцева о том, что змеи не представляют опасности для башкир, является ошибочным (Казанцев Н. Описание башкирцев // ОГВ. 1850. № 20).

Лук косой
(оҫкон йыуаһы)

Свербига
(какы)

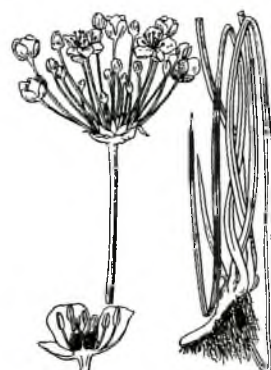
Сныть обыкновенная
(еҫле балдырған)

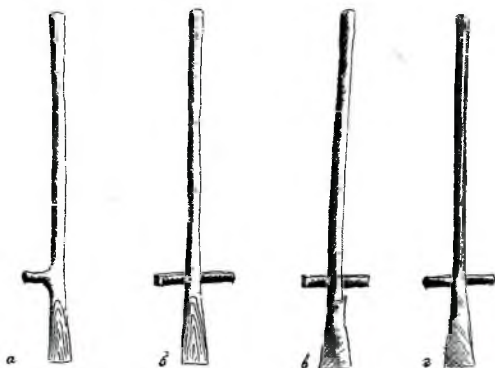
Борщевик
(балдырған, бәткә үләне)

Дудник лесной
(келән көпшә)

Сусак зонтичный
(сатырлы сәскәғамыш)

Формы корнекопалки: а, б – архаичные виды,
в – с железным наконечником кузнечной работы,
г – заводского изготовления

Корнекопалка, типичная
форма. Рис. А. Хусаинова
по эскизу автора

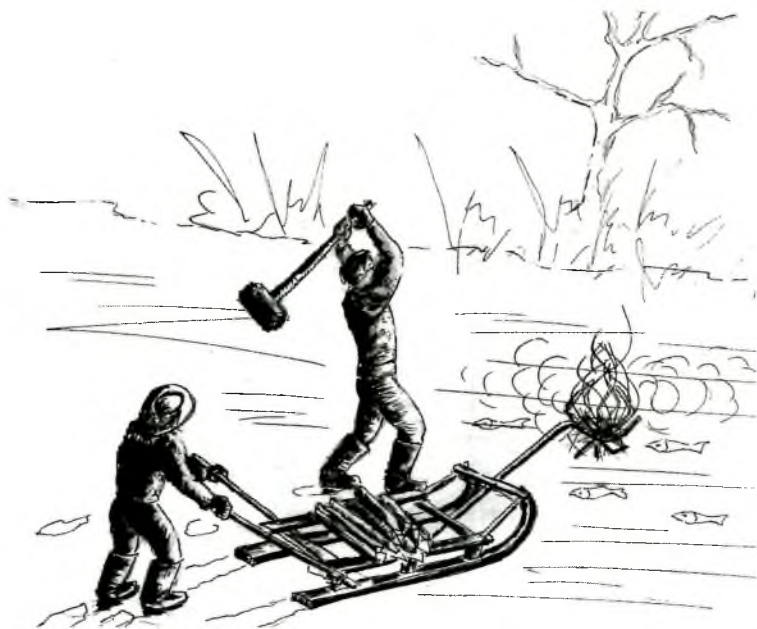
Волосная
петля в рабочем
положении.
По С. И. Руденко

Светец или «коза»
(сырак, утлык) для
ночного лова рыбы.
Рис. М. Кузнецова

Ловля рыбы с помощью
петли (маскэу).
Рис. А. Хусаинова
по эскизу автора

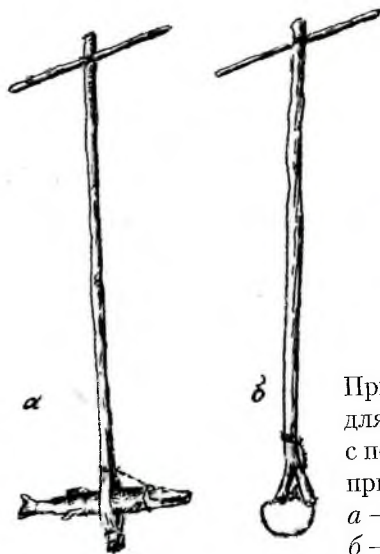
Глушение рыбы
кляшкой (сакан)
поздней осенью
по прозрачному льду.
Рис. А. Хусаинова
по эскизу автора

Ловля рыбы ночью. *Рис. А. Хусаинова* по эскизу автора

Жерлица (суртанлык).
Рис. автора

Приспособление
для ловли щуки
с помощью живой
приманки:
а – приманка,
б – палка с петлей.
Рис. автора

Ловля рыбы ручной сетью самобытным способом (кур ултырыу).
Рис. А. Хусаинова по эскизу автора

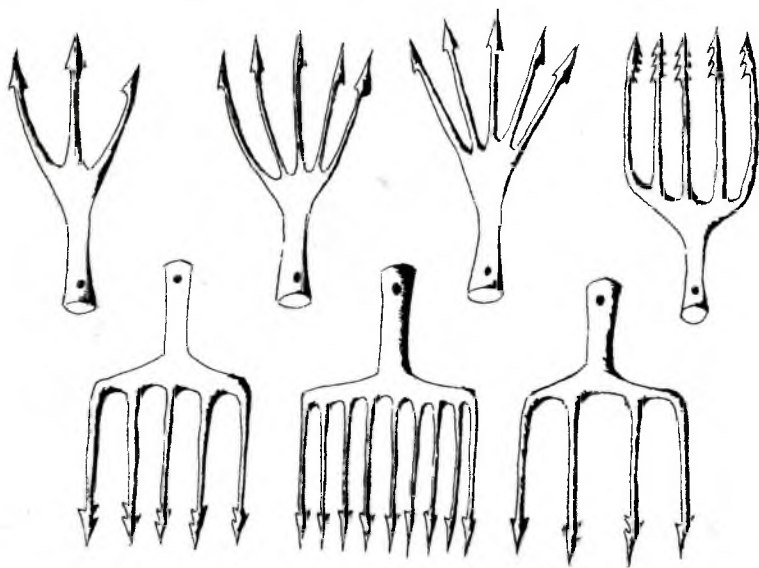
Наиболее распространенные
типы пешни (*һөймән*).
Рис. автора

Башкирская зимняя
удочка
(*кышкы-кармак*).
По Л. П. Сабанееву

Острога с зубцами
в форме
гусиной лапки.
Фото автора

Острога (*һалдау, сәнске*) и ее разновидности

(*R. nigrum*) – кара карагат и красная (*R. hispidulum*) – кызыл карагат¹. Местами башкирское население смородину называет карлыган.

Черную смородину башкиры и другие жители нашего края находили на сырых лугах, по берегам рек, стариц и озер. Красная же, наоборот, встречалась редко, и то лишь в некоторых местах. Согласно сведениям «Определителя растений Башкирской АССР», излюбленными местами красной смородины являлись хвойные леса, берега рек и ручьев, заросли кустарников и окраины болот. В частности, здесь по Белорецкому району указаны горы Ямантау, Зигалга, Машак, а в восточной части края – Ирендык².

Так же как и за ягодами клубники, за смородиной женщины отправлялись рано утром в места, где имелись хорошие заросли смородины.

В качестве посуды для сбора ягод служили деревянные сосуды (*күнәк*, *күнәсек*), большие туеса и кузовки. Металлические же ведра стали использоваться лишь в 30–40-е годы прошлого столетия.

Ягоды смородины употреблялись в пищу как в свежем, так и в переработанном виде. Из ее плодов получалась вкусная пастила (*карагат кагы*), которую башкиры охотно ели как зимой, так и весной. Ягоды употреблялись в пищу и в сушеном виде.

Плоды красной смородины по внешнему виду и окраске схожи с сильно ядовитыми ягодами волчьего лыка (*Daphne*) – *буре емеше*, представляющего собой тоже кустарниковое растение³. Поэтому имели место случаи отравления и гибели детей, которые, оказавшись одни в лесу, ели сильно ядовитые плоды, принимая их за ягоды смородины.

Почти в это же время, когда производился сбор плодов смородины, поспевала малина (*Rubus idaeus*) (*агас еләге*, *курай еләге*), за плодами которой жители края отправлялись в лесные ущелья и речные поймы, а также на старые делянки. «Видели мы ее и в гольцовом поясе на высоких горах Южного Урала в горной тундре», – отмечает Е. В. Кучеров в одной из своих книг, касаясь вопроса области распространения данного растения.

Малина – популярный полукустарник, который известен человеку давно. Плоды его охотно едят не только люди, но и птицы, особенно любят их медведи. Последние не раз помогали человеку найти малинники, ибо с наступлением августа оба они бродили по ягодникам. Временами бывало так, что в малиннике оказывались вместе люди и звери, и каждый занимался своим делом – женщины и дети увлеченно собирали ягоды, медведи охотно ели ее⁴. Кстати, подобная картина наблюдалась и в жизни других народов⁵.

Плоды малины, в отличие от ягод смородины, собирали предпочтительно в берестяные кузовки или туеса, где они сохранялись лучше и дольше. Употребляли ягоды

¹ См.: Определитель растений... С. 9, 243.

² Там же. С. 244.

³ Определитель растений... С. 310–311.

⁴ Полевые записи автора 1984 г.

⁵ Бюффон В. У. Всеобщая и частная естественная история. СПб., 1906. Ч. IX. С. 45.

преимущественно в свежем виде. Чай с малиной считался любимым напитком башкир.

По сведениям Е. В. Кучерова, в ее плодах содержатся органические кислоты (лимонная, яблочная), сахар (около 10%), эфирное масло, красящее вещество, витамины и др.

Малина – целебное растение. Плоды используют как жаропонижающее при высокой температуре и как потогонное, листья заваривают и отвар пьют как вяжущее средство при поносах. Также нередко были случаи, когда башкиры продавали ее. Например, подобные сведения имеются в официальных источниках, в частности в книге Н. П. Газова¹. «Жители д. Актау и Ошья-Тау малину сушат, – сообщает он здесь, касаясь собирательского дела жителей Байгузинской волости Бирского уезда Уфимской губернии, – которую потом продают за 4–6 р. пуд».

Примерно в конце июля и начале августа производился сбор ягод черники обыкновенной (*Vaccinium myrtillus*) – *кара көртмале*. Раньше заросли этого ценного растения встречались почти во всей таежной зоне Южного Урала. В настоящее время они сохранились лишь местами. Так, например, мы их находим в Белорецком, Бурзянском, Зилаирском, Караидельском, Салаватском и некоторых других районах северной зоны края². Заросли черники встречаются, главным образом, в хвойных лесах. Но бывают и исключения от этого общего природного явления. В частности, в Салаватском районе заросли черники имеются в березовых лесах³.

Плоды черники мелкие, собирать их не так-то легко. Если учесть большую удаленность зарослей черники* от населенных пунктов, то можно представить, какого труда стоил сбор этой весьма редкой ягоды. Важно заметить, что затрата труда и дорожные мучения оправдывались незаменными вкусовыми качествами и редкими лечебными свойствами самой ягоды. Башкиры их ели чаще всего в сыром виде, и лишь в последние годы плоды черники стали использоваться для заготовки варенья и разного рода напитков.

Плоды черники обладают вяжущим действием. С глубокой древности они применялись для лечения желудка. «Сушеные ягоды, – читаем в одном из литературных источников, – применялись в медицине при поносах, особенно у детей»⁴. У ягод черники есть еще одно ценное свойство: при их частом употреблении в пищу в свежем виде повышается давление⁵. Таким образом, многие качества выдвинули чернику на одно из первых мест среди лечебных растений народной медицины.

¹ Газов Н. П. Кустарное дело в Уфимской губернии. Уфа, 1900. С. 78.

² Полевые записи автора 2000 г. С. 9, 10; 2002 г. С. 16.

³ Там же.

* Их заросли обычно находились в диких местах.

⁴ См.: Определитель растений... С. 337.

⁵ Из-за этого в последние годы некоторые сельские жители, а в ряде случаев отдельные горожане, стали собирать даже листья и стебли этого ценного растения. Однако следует сказать, что во время экспедиционной работы, проводившейся в течение более чем 40 лет на обширной территории, нам не приходилось получить каких-либо сведений по этому вопросу ни от самих травников, ни тем более от местных охотников, отлично разбирающихся в южноуральской флоре и фауне.

К сожалению, в крае заросли черники из года в год сокращаются. Причин для этого много: во-первых, пастьба скота среди зарослей черники, что неминуемо приводит к исчезновению этого редкого растения; во-вторых, мы сами немало ломаем их во время ягодного сезона; в-третьих, что, на наш взгляд, самое губительное, это сплошная рубка леса в делянках. В результате на участке погибает всякая тенелюбивая растительность, в первую очередь черника и брусника. Наглядный пример этому приводит плодовод Г. К. Байков¹. По его данным, на «Брусничной горе» (Салаватский район) после вырубки леса погибла вся черника.

В собирательской деятельности башкир особое место занимала черемуха (*Padus racemosa*) (*муйыл, шоморт*), вернее ее плоды. По сведениям И. И. Лепехина, «раньше ее было много особенно по небольшим уральским речкам» и «что в короткое время можно было набрать целые возы»². Плоды черемухи с большой охотой собирали чаще всего крестьяне, которые беспощадно уничтожали деревья, «подрубая черемуху под корень». «В сем бедном состоянии, – отмечал исследователь далее, – šťastливо дерево еще и тем, что оно имеет плоды, вяжущие рот: иначе давно бы оно должно было проститься с Уралом, а это особенно, если бы башкирцы до него были охотники»³. Судя по этим словам, в XVIII в. плоды черемухи как продукт питания у башкир особой популярностью не пользовались. Однако следует заметить, что в дальнейшем их отношение к черемухе уже менялось, и плоды ее стали играть существенную роль в качестве пищи. Не случайно особо выделяет черемуху С. И. Руденко среди других плодовых деревьев в системе жизнеобеспечения башкир⁴. О большой популярности плодов черемухи в собирательской деятельности у башкир южной группы сообщает зоогеограф С. В. Кириков, работавший среди них в 40–50-е годы XIX века. В частности, в одной из своих книг он отмечает: «...черемухи уродилось так много, что плоские крыши башкирских дворов чернели под слоем черемуховых ягод, рассыпанных для просушки»⁵.

Заслуживает внимания информация замечательной рассказчицы Галимы Багаевой (72 г., д. Уметбаево, Белорецкий р-н). «Собирание плодов черемухи являлось для меня настоящим праздником, потому что это было любимым занятием. Я собирала их, – продолжала она свой рассказ, – с большим увлечением и гораздо проворнее, чем другие женщины»⁶. «Охотно и невероятно много собирали мы особенно черемуху, – вспоминала жительница с. Новокатаево (Бакалинский р-н) вышеупомянутая нами Жувайра Губайдуллина (более 90 лет)»⁷.

Более полно обрисовала картину собирательства у башкир ветеран труда д. Бекишево (Кутарчинский р-н), уроженка д. Бустубаево Салихова Гульбика (80 л.). «В годы войны и в послевоенное время, – рассказывала она, – чтобы собирать плоды черему-

¹ Байков Г. К. Народнохозяйственное значение... С. 107.

² Продолжение Дневных записок.... С. 165.

³ Там же.

⁴ Руденко С. И. Башкиры... 1925. С. 74.

⁵ Кириков С. В. В лесах и степях Южного Урала: путевые записки зоогеографа. М., 1953. С. 112.

⁶ Полевые записки автора... 1983. С. 16–20.

⁷ Там же. 1987 г.

хи, мы ходили пешком в сторону соседней д. Терменево (2-е Тукатово), где собирали их не только днем, но и ночью при свете костра. Плоды везли домой на ручных тележках»¹.

Сбором съедобных трав и корнеплодов, особенно диких плодов, активно занимается также и Мухаррама Ишмурзина (77 л., д. Бакеево, Белорецкий р-н), безгранично любящая свою малую родину, свой народ и национальную культуру*. «Собирание плодов черемухи не представляло для меня работу. Это было скорее соревнованием. Нас интересовало лишь одно дело – кто больше соберет».

Гульбика Салихова, жительница д. Бекешево (Кугарчинский р-н) рассказала о том, с каким трудом люди получали для пропитания муку из дубовых желудей: «Во время войны, когда муж был на фронте, тетя Сабира из д. Бустубаево Кугарчинского района, дочь старика Бадретдина ходила в д. Каратеке (теперь Суинчи-Сулпан), чтобы обменять одежду на муку из дубовых желудей. Узнав про это, моя мама тоже решила сходить для обмена. Она стала вытаскивать из сундука вещи и советоваться с тетей Сархап, живущей недалеко. Мама показала ей черную шаль, полосатый шерстяной палас, сотканный бабушкой, и другие вещи. Однако тетя Сархап сказала: «Говорят, что по пути в Каратеке нужно семь раз перейти вброд ледяную воду реки Иньяк. Сабира сходилa, а теперь лежит тяжелобольная». Так она отговорила маму от этого замысла. Вскоре тетя Сабира, сходившая за мукой из дубовых желудей, умерла, а ее детей отдали в детские дома: Клару и Амира в Саиткуловский детдом, Ахмета в Максютковский детдом, а Розу и Анвара (они сейчас живут в деревне) воспитала бабушка со стороны отца. А тот полосатый шерстяной палас мама отдала старшей сестре Сылыгубике после замужества»³.

Плоды черемухи особенно активно собирали в годы восстаний и стихийных бедствий. Башкиры собирали его много на зиму. Например, колхозница д. Бекешево (Кугарчинский р-н) рассказывала о том, как они собирали этот плод ночами при свете костра в эти тяжелые годы, затем транспортировали в ручных тележках на другой день⁴.

Плоды черемухи использовались в пищу свежими (во время сбора, в течение недели), далее их сушили для долговременного хранения. Осенью и зимой сухие плоды размалывали** и полученной мукой начиняли пирожки и другие мучные изделия. Иногда излишки такой «муки» башкиры вывозили на продажу. Любопытен и такой факт, что в настоящее время в Башкортостане около 80 % от всех заготавливаемых

¹ Полевые записи ст. науч. сотрудника отд. литературоведения ИИЯЛ УНЦ РАН А. Салихова. 2014 г.

* Она имеет личный музей по краеведению и бережно относится к каждому предмету быта. Об этом ярко свидетельствуют коллекция и экспонаты. Там есть все, даже конский волос разных цветов, что редко встречается в других музеях. Из них башкирские женщины вили прочные арканы и веревки. (Полевые записи автора. 2004. С. 70–72).

² Полевые записи ст. науч. сотрудника отдела литературоведения ИИЯЛ УНЦ РАН А. Г. Салихова. 2014 г.

³ Там же. С. 30.

** Плоды черемухи мололи на ручных мельницах, в большинстве случаев на деревянных, реже – на каменных. При отсутствии последних использовали ступу (полевые записи Г. Муратшиной 1963 г. С. 10).

плодов приходится на черемуху¹. Кстати, позволю себе отметить, что в статье итальянского путешественника С. Соммье (1880) находим довольно интересные сведения в отношении использования черемухи в пищу. «Эрман говорит, – подчеркивает исследователь, – что башкиры пьют еще сок, выжатый из черемухи, и делают из остатков лепешки, которые они едят; это еще одно из доказательств, приводимых в пользу того мнения, что башкиры – Аргиппеи Геродота, которые имели подобный обычай»².

Как и черемуху, охотно собирали башкиры также и плоды вишни (*Cerasus*) – *сейя*. В Башкортостане они встречались и встречаются до сих пор в двух видах: (*C. Fruticosa*) – *ялан сейяһе* и обыкновенная горная (*C. Vulgaris*)³ – *тау сейяһе*. В отношении вишни первого вида Е. В. Кучеров отмечает следующее: «В начале месяца (августа. – М. М.) наливаются соком красные плоды степной или кустарниковой вишни. В республике они почти ежегодно дают хорошие урожаи, в то время как наши культурные сорта вишни в садах часто подмерзают. Степную вишню следует вводить в культуру»⁴. Мнение указанного автора об урожайности кустарниковой вишни вызывает сомнение. Согласно фактам, собранным нами в полевых условиях⁵, она дает урожай не каждый год, а через 4 года. Что же касается ее морозостойкости, то здесь прав ученый-биолог. Действительно, имеется необходимость во введении кустарниковой вишни в культуру. Большие заросли ее располагались на холмистых местах степной и лесостепной зон края, а также по южным и восточным склонам гор. Раньше (XIX в.) лучшие вишенники (*сейялек*) находились в земельных угодьях местных помещиков, у таких, например, крупных землевладельцев, как Глазов, Ляхов, Тевкелев⁶. Автор книги «Описание Оренбургской губернии...» (1859) В. М. Черемшанский характеризует один из них следующим образом: «Вишенник, произрастающий в садах, ростом и ветвистостью мало похож на садовые вишневые деревья. Это просто деревца, с высокую траву, кудрявые, усеянные плодом и едва-едва выказывающиеся из травы их окружающей; они ростом поларшина или аршин, редко 1½ и еще реже в два аршина... Замечательно, что если сломить вишневое деревце, то в изобильный год на нем больше плодов, чем листьев, и оно похоже как бы на искусственную вербу, какую делают в монастырях»⁷. Эти сведения мы привели здесь не случайно. В большинстве случаев в качестве собирателей плодов в помещичьих угодьях выступали башкиры и татары, которые нанимались к хозяевам вишенников на определенных условиях. Работали они за деньги или же за плоды. Скажем, столько-то корзин рабочие собирали для помещика и по ведру для себя.

¹ Кучеров Е. В. Ботанические экскурсии... С. 30.

² Соммье С. О башкирах // Записки Уральского о-ва любителей естествознания. Екатеринбург, 1891. Т. 13. Вып. 1. С. 30.

³ Определитель... С. 268–269; Кучеров Е. В. Календарь природы Башкирии. Уфа, 1984. С. 110.

⁴ Кучеров Е. В. Календарь природы Башкирии. Уфа, 1979.

⁵ Полевые записи автора 1990 г. С. 22; 2005 г. С. 64.

⁶ Черемшанский В. М. Описание Оренбургской губернии в хозяйственно-статистическом, этнографическом и промышленном отношениях. Уфа, 1859. С. 331.

⁷ Там же.

Основная часть башкирского населения собирала вишню в своих зарослях. Плоды вишни шли в пищу в свежем виде. Заготавливали их также на зиму, для чего плоды сушили, так же как и черемуху, на солнце. Заслуживает внимания и тот факт, что башкиры знали оригинальный способ хранения плодов вишни на зиму. Например, топленое сливочное масло они перетапливали вместе с плодами вишни, отчего плоды по вкусу становились лучше, чем даже свежие¹. Зимой сушеную вишню, как и черемуху, мололи в ручных мельницах с жерновами и полученный порошок использовали в качестве начинки для пирога.

Излишки собранных плодов шли на продажу. Так, в отношении башкир д. Табулды-Кутлуолово (Карагушевская волость, Стерлитамакский уезд) в книге «Сборник статистических сведений по Уфимской губернии» говорится: «В степи есть до 720 вишенников. В годы средней урожайности по каждой деревне домохозяин продает вишни в среднем рублей на 58»².

Из съедобных плодов, собираемых башкирами, заслуживают быть отмеченными также боярышник (*Crataegus*) и калина (*Viburnum*). Однако прежде чем приступить к их этнографическому описанию, позволю себе отметить, что в книге профессора Е. В. Кучерова «Ботанические экскурсии в Башкирии» в отношении боярышника допущена такая неточность. В частности, здесь автор сообщает, что плоды боярышника можно использовать в пищу, они мучнистые³. По нашим материалам, собранным среди населения республики, плоды боярышника издавна использовались в пищу как у башкир, так и у других народов края. Совершенно не случайно местами у ряда групп башкир и татар ягоды боярышника называются *камыр ашы* или *камырлык*, букв. «пища из теста». По-видимому, не без основания дается этот термин в качестве башкирского названия боярышника в «Русско-башкирском словаре сельскохозяйственных терминов» (1987)⁴.

Заметим, однако, что это не единственное слово, которым обозначается боярышник. У башкир бассейна р. Белой (верхнее течение) он называется *энлек*. Данное название получило из-за толстых колючек (*эна*) по всему дереву. У ряда групп населения в качестве названия боярышника встречаются такие слова, как *энте*, *езэй* и т. д.

Напротив, для обозначения калины у башкир существует лишь один термин – *балан*, которым они называют как дерево, так и его ягоды. В отличие от боярышника, калина пользовалась исключительно большой популярностью у местных жителей края. Ягоды ее, как и у боярышника, широко использовались в пищу в качестве начинки для пирога. Плоды обоих растений парили в печке и охотно ели с хлебом. Есть сведения об использовании плодов калины для вкуса при заготовке красного творога (*эжекэй*)⁵.

¹ Гайнуллина Н. Ф. Прикладное значение этнографического исследования традиционного питания... С. 120–121.

² Сборник статистических сведений по Уфимской губернии. Т. II: Стерлитамакский уезд. Самара, 1899. Отд. V. Приложения. «Краткая характеристика волостей и селений». С. 94.

³ Кучеров Е. В. Ботанические экскурсии... С. 114.

⁴ Русско-башкирский словарь сельскохозяйственных терминов / Сост. Ф. С. Мурзакаев. Уфа, 1987. С. 19.

⁵ Гумаров В. З. Указ. соч. С. 97.

Сок, полученный из плодов калины поздней осенью, являлся любимым напитком башкир. Он популярен и теперь. Некоторые горожане едут за калиной за десятки и более километров.

Заслуживает внимания и пастила, заготовленная на основе плодов калины. Башкиры даже торговали этим продуктом, выходя за пределы своего края, оказавшись на территории Востока (см.: Введение. С. 13).

Заросли калины башкиры очень берегли, например, продавая участки своей земли, всегда оставляли за собой право собирать плоды калины и других кустарников¹.

Естественно, собирательская деятельность башкир не ограничивалась сбором указанных видов ягод. Осенью поспевала костяника (*Rubus saxatilis*) – *бөлдөргән, бөрлөгән* и ежевика (*R. caesius*) – *кара бөрлөгән* или *тал бөрлөгәне*. В отличие от смородины и других кустарниковых костянику искали в хвойных и смешанных лесах, а также по склонам гор, тогда как ежевика чаще всего встречалась по берегам рек и речек. Любимыми местами для ежевики являлись сырые места. Плоды этой ягоды в большинстве случаев ели в свежем виде. В практику вошло, что особенно наблюдается и в последнее время, изготовление из костяники и ежевики сока и варенья. Из них делают также разного рода напитки. Сами жители предпочитают варенье, изготовленное из плодов костяники. В целом башкиры не так уж охотно собирали как костянику, так и ежевику. Объяснялось это тем, что в плодах первого мякоти меньше, чем косточек. Что же касается ежевики, то в побегах ее много колючих шипов, мешающих при сборе ягод. Все же до сих пор башкиры предпочитают ежевику и считают ее плоды более сладкими. По сведениям Е. В. Кучерова, в плодах ежевики обнаружено сахаров до 10%². По его же подсчетам, с гектара зарослей ежевики можно собрать не менее 10 тонн ягод³. «К сожалению, – отмечает Е. В. Кучеров, – почти все остается в уреме».

Касаясь собирательства у башкир, необходимо остановиться и на шиповнике. На территории Башкортостана произрастает несколько видов. В частности, привлекают внимание, в первую очередь, шиповник красный* (*Rosa cinnamomea*) – *кызыл гөлйемеш, алморон* и шиповник коричневый (*R. majolis*) – *кара гөлйемеш*. Из них повсеместно встречается первый вид, отличающийся от второго своими плодами, формой стебля и листьев.

Всем известно, что плоды шиповника – кладезь витаминов. По данным биологов, в них содержатся витамины С, Р, В2, К и провитамин А. Кстати сказать, по содержанию витамина С шиповник не имеет себе равных⁴. Сбор плодов шиповника производился у башкир, как и у других народов, в конце августа и в начале сентября. Бывали случаи, когда их собирали после первых заморозков и даже в начале зимы. Объяснили это башкиры тем, что плоды шиповника в это время становятся сладкими и ароматными. Из них в большинстве случаев приготавливали напитки и настои. Кроме того, из плодов заваривали чай вместе с листьями смородины и земляники

¹ См. МИБ. Ч. 1. С. 69, 72, 89, 101, 125, 197; Т. IV. Ч. 1. С. 133, 36 и др.; Т. IV. Ч. 2. С. 87, 88 и др.

² Кучеров Е. В. Ботанические экскурсии... С. 130.

³ Там же.

* Согласно народной классификации кустарников шиповника по цвету плодов.

⁴ Кучеров Е. В. Ботанические экскурсии... С. 133.

или вишни и малины. Наряду с этим плоды шиповника шли в качестве начинки при выпечке мучных изделий. Во многих семьях практиковалась сушка плодов и листьев шиповника. Об этом сообщил нам житель д. Янзигитово (рядом с г. Баймак) Нургали Аюпович Каипкулов (78 л.)¹.

В последнее время наблюдается практика приготовления масла из плодов шиповника по народной технологии.

Теперь скажем несколько слов о бруснике (*Vaccinium vitis – idaea*) – *кызыл көртмале* и клюкве (*Oxycoccus palustris*) – *мук еләге*. За ягодами брусники башкиры чаще всего отправлялись в сосновые леса. Все же их больше всего собирали жители северо-западной части Башкортостана и отчасти центрального горного массива Южного Урала. Судя по словам уроженца д. Сафаргулово (Белорецкий р-н) Хариса Хамматовича Хасанова (72 г.) и его жены Насимы Гизатулловны Сафиуллиной (67 л.), их односельчане собирали ягоды брусники на склоне горы Тузгуш (в 30 км от деревни). За два дня они собрали 2 короба (*тубал*), примерно 4 ведра, ягод. Из брусники делали напитки или, смешивая ягоды с еще не остывшим топленным маслом, консервировали их на зиму. Излишки свежих ягод продавали в Белорецке².

Клюква растет в болотистых местах. В Башкортостане ее ареалы произрастания отмечены в Белорецком и Ишимбайском районах³. Сбором ягод клюквы чаще всего занималось башкирское население Курганской и Челябинской областей, где много высохших или продолжающих сохнуть и превращающихся в болота озер⁴. Ягоды башкиры ели в свежем виде, также делали соки и напитки. В последнее время охотно делают брусничное и клюквенное варенья. Под влиянием же русского горнозаводского и крестьянского населения башкиры варят из этих ягод кисель, чего ранее у них не практиковалось.

Несомненно, ареал распространения этих плодовых растений раньше был гораздо шире, но сократился в результате беспощадного истребления лесных массивов в последующие годы.

Наконец дошла очередь до рябины обыкновенной (*Sorbus aucuparia*) – *мышар*, в плодах которой содержится витамин С и другие полезные микроэлементы. «Жаль, – отмечает Е. В. Кучеров, – что технология извлечения из плодов рябины витамина еще не разработана»⁵.

Тем не менее у башкир больше ценилась ее древесина, чем плоды этого растения. Помимо прочности она была гибким материалом. Не случайно у башкир медвежьи копы (*пөңгө*) насаживались на ручки, изготовленные из рябинового дерева⁶. Кроме того, рябина у башкир имела обрядовое значение. К примеру, башкиры никогда не гнали скотину рябиновым прутом, считая это вредным для ее здоровья.

Наконец, нам хочется сказать несколько слов об отношении башкир к грибам. Если исходить из материалов, собранных нами среди башкирского населения в те-

¹ Полевые записи автора 1997 г. Тетр. №3. С. 82.

² Полевые записи автора 2000 г.

³ Определитель растений... С. 336.

⁴ Полевые записи автора 1997 г. С. 17–61.

⁵ Кучеров Е. В. Календарь природы Башкирии. С. 11.

⁶ Полевые записи автора 1993 г. С. 37; 2005 г. С. 3.

чение многих лет, то ясно одно, что предки современных башкир редко когда собирали, ибо им грибы никогда не служили в качестве продукта питания. Этот факт подтверждается архивными, фольклорными и литературными источниками. В частности, грибы как объект собирательства у башкир не упоминаются ни в «Материалах по истории Башкирской АССР»¹, ни в других архивных источниках*. Об этом мы не найдем каких-либо сведений также в памятниках устного народного творчества башкир². Что же касается литературных источников, то они в целом подтверждают высказанное нами мнение. «Грибов, – отмечал Д. П. Никольский, в частности, – башкиры почти совсем не едят и не считают их за пищу, только среди горных башкир нам пришлось встретить несколько семей, которые ели грибы в виде похлебки»³. Материал почти аналогичного содержания мы находим также в монографических исследованиях С. И. Руденко. «Грибов, – отмечает он в первом издании своей книги, – башкиры совсем не едят никаких»⁴. Эта же мысль повторяется и в ее переиздании 1955 г.⁵

Заслуживает внимания и тот факт, что, несмотря на обилие грибов на Южном Урале, в башкирском языке отсутствуют слова для их обозначения. Это, с одной стороны, подтверждает сказанное нами выше, а с другой – сближает башкир с народами финно-угорской общности. Лишь изредка башкиры собирали грибы, чтобы продать их и купить себе чай или муку. Но... «Tempora mutantur et nos mutamur in illis» («Меняются времена – меняемся и мы») – сегодня башкиры уже собирают и употребляют в пищу грибы наравне с остальным населением края.

Собирательство не раз выручало людей в экстремальных условиях (в годы восстаний, войн, засухи, эпизоотий и т. д.). В обычное же время башкиры занимались им не столько из-за дефицита пищи, сколько для того, чтобы разнообразить свое питание.

В башкирском героическом эпосе повествуется:

<i>Тугайзагы шишмәне – күлдәй,</i>	<i>Родник показался батыру озером,</i>
<i>Әрмәнде тауышын – туйзай;</i>	<i>Голоса лягушек – свадебной песней;</i>
<i>Әтлек, йыуа, кузгалакты</i>	<i>Бубенчику лилиелистному, дикому луку,</i>
<i>Һыйзай күрәп кыуанган.</i>	<i>щавелю радовался он⁶.</i>

Если мы будем поступать так же, как герой процитированного фрагмента, т. е. оберегать и любить свою малую родину и соблюдать традиции предков, то еще долгие годы будем пользоваться дарами природы.

¹ См.: МИБ, 1936. С. 613–617.

* Имеются в виду архивные материалы РГО (см. о них выше) и рукописные сочинения, хранящиеся в РНБ и архиве РАН (СПб. отд-ние).

² См.: Башкорт халык ижады. Өфө, 1972. 2-се т.; Башкирское народное творчество. Пословицы, поговорки, загадки. Уфа, 1993. Т. 7; Башкорт халык ижады. Өфө, 1995. Т. I.

³ Никольский Д. П. Башкиры... С. 64.

⁴ Руденко С. И. Башкиры... 1925. С. 74.

⁵ Руденко С. И. Башкиры... 1955. С. 76.

⁶ Башкорт халык ижады. 1972. Т. II. 145-се б.

РАЗДЕЛ II

РЫБОЛОВСТВО

Глава I

ИСТОРИЧЕСКАЯ СПРАВКА

Хозяйство башкир в XVII – начале XX в. определялось особенностями обитания их в системе гор и степей. Главным видом деятельности башкир были скотоводство и земледелие, хотя и примитивное, поддерживаемое такими занятиями, как охота и рыболовство, бортничество и собирательство. Совершенно не случайно в «Книге Большому Чертежу» при определении способа жизнеобеспечения башкир указывается, что «...кормля их мед, зверь и рыба»¹.

Хотя в этом серьезном источнике рыбе как пище придается немаловажное значение, тем не менее отдельными исследователями роль рыболовства в жизнеобеспечении башкир принижается. Более того, некоторые авторы вообще отрицали функционирование рыболовства в системе хозяйственных занятий башкир.

Побывав во многочисленных селениях как в горной, так и в степной зонах Башкирии и приграничных частях соседних областей и республик, и ознакомившись с занятиями местных жителей, в первую очередь рыболовством, беседуя с рыбаками об их приемах рыбной ловли, обращая при этом внимание на те или иные особенности технологии рыболовства, я лишний раз убеждался в том, что корни этого занятия у башкир уходят в глубь тысячелетий. На это указывает целый ряд факторов, о которых читатель узнает, ознакомившись с отдельными главами нашего исследования.

Судя по археологическим находкам, рыболовство на Южном Урале существовало уже в период мезолита и энеолита². Среди археологических находок, обнаруженных на территории Башкортостана и сопредельных областей, встречаются наконечники

¹ Книга Большому Чертежу, или Древняя карта Российского государства. СПб., 1838. С. 152.

² Матюшин Г. Н. К изучению мезолита и неолита в Башкирии // АЭБ. Уфа, 1964. Т. 2. С. 39; Он же. О южных связях мезолита Урала // АЭБ. Уфа, 1968. Т. 3. С. 15–31; Старков В. Ф. Мезолит и неолит лесного Зауралья. М., 1980. С. 185–189; Крижевская Л. Я. Некоторые данные о рыболовстве эпохи мезолита – неолита в степном и Урало-Поволжском регионах РСФСР // Краткие сообщения / Ин-т археологии. М., 1985. № 181. С. 36–40; Poissons et peches au Paleolitique (Quelques donnees de l' Europe occidentale) // Anthropologie. Paris, 1992. Т. 96, № 1. P. 121–134.

гарпуна, грузила от сетей и даже крючки для удочек¹. Несомненно, представляют интерес хорошо сохранившиеся кости щуки или сома². Следы рыболовства обнаружены также в поселениях и городищах эпохи бронзы и раннего железа³.

Что касается башкир, то о значении воды и рыбы в их жизни первые сведения дает нам арабский миссионер X в. Ибн Фадлан. В своих путевых записях он сообщает о поклонении башкир, наряду с другими объектами, воде и рыбам⁴. Это, бесспорно, свидетельствует об их большом значении в жизни древних башкир. Кстати, рыбная ловля играла немаловажную роль и в хозяйстве мадьяр⁵, которых в эпоху средневековья часто отождествляли с башкирами.

Хотя в период господства Золотой Орды в Восточной Европе основным занятием башкир по-прежнему оставалось кочевое скотоводство⁶, тем не менее они не ограничивались одними лишь продуктами животноводства, а питались также мясом диких животных, рыбой и медом, не говоря уже о зелени и диких корнеплодах.

По-видимому, даже после распада могучей империи – Золотой Орды – образ жизни башкир не менялся. Как бы то ни было, П. И. Рычков, оценивая социально-экономическое положение башкир накануне вхождения их в состав Русского государства, отмечает, что они «от своих владельцев» совсем были разграблены и разорены и пропитание свое имели с крайнею нуждою от ловли зверей и рыбы⁷.

Жизнь башкир в составе Русского государства в начальный период текла спокойно, без каких-либо изменений. Традиционные виды занятий, особенно скотоводство и охота, рыболовство и пчеловодство, развивались более или менее интенсивно. Они же обеспечивали башкир необходимыми продуктами питания. Не случайно в «Книге Большому Чертежу» мы читаем: «А от устья р. Белой Воложки вверх по реке Уфе, по обеим сторонам и до Аралтовы горы и далее, все живут башкиры, а кормля их мед, зверь и рыба, а пашни не имеют»⁸. Важно заметить, что в развитии традиционных хозяйственных занятий коренных жителей Южного Урала было заинтересовано само

¹ Морозов Ю. А. Материалы по каменному веку Уфимского плато // Материалы по археологии Южного Урала. Уфа, 1992. С. 5–23; Матюшин Г. Н. Неолит Южного Урала. М., 1996. С. 79, 103, 290–292, табл. 57, 58–59.

² Матюшин Г. Н. Неолит Южного Урала... С. 103, 291; Котов В. Г. Отчет об археологических исследованиях в Бурзянском, Кугарчинском и Мелеузовском районах Республики Башкортостан. Уфа, 2000. Рис. 3.

³ Шмидт А. Археологические изыскания Башкирской экспедиции Академии наук / «Приложение» к журналу «Хозяйство Башкирии». Уфа. 1929. № 8–9. С. 5–17; Сальников К. В. Некоторые проблемы изучения эпохи бронзы Башкирии и Южного Урала. М., 1967. С. 333; рис. 51, 18, 19; Матвеева Г. И. Памятники первого тысячелетия новой эры Левобережья р. Белой // АЭБ. Уфа, 1968. Т. 3. С. 113; Пишеничнюк А. Х. Кара-абызская культура (Население Центральной Башкирии на рубеже нашей эры) // АЭБ. Уфа, 1973. Т. 5. С. 213–214.

⁴ Путешествие Ибн Фадлана на Волгу / Под ред. акад. И. Ю. Крачковского. М.; Л., 1939. С. 66.

⁵ См.: О пути мадьяр с Урала в Лебедию. Заметки Н. Д. Даниловского и К. Я. Грота // РГО. 1883. Т. XIX. Вып. 3. С. 320–345.

⁶ Путешествие в восточные страны Плано Карпини и Рубрука. М., 1957. С. 122 и др.

⁷ Имеются в виду ногайские и другие ханы (М. М.).

⁸ Рычков П. И. Топография Оренбургская. СПб., 1762. Ч. 1. С. 83.

⁸ Книга Большому Чертежу, или Древняя карта Российского государства, поновленная в разряде и списанная в книгу 1627 г. СПб., 1838. С. 152.

Бельские скалы, где растет редкий дикий лук (*талгыр йыуа*).
 Дер. Старомунасиново, Бурзянский р-н. Башкортостан. Фото У. Муллагулова

Гора Камә тау, где собирали дикий лук.
 Дер. Бикбулатово, Кугарчинский р-н. Башкортостан

Копка сараны

Луковица сараны *(выбирается)*

Луковица сараны

Ускуп в огороде

Багаева Галима (травница)

Ишмурзина Мухаррама (травница)

Салихова Гульбика (травница)

Алляров Ямлих (травник)

Дары природы: лечебные травы,
а также плоды и ягоды

Сбор дикой вишни

Привал на пути за черникой

Сбор грибов

Марат Гизитдинович
Муллагулов –
эколог и рыбак-любитель

Автор с информатором.
*Дер. Утяганово,
Кармаскалинский р-н.
Башкортостан*

Автор с информаторами.
Дер. Утяганово,
Кармаскалинский р-н.
Башкортостан

Дети ловят рыбу под корягами. Дер. Нижний Ташбукан, Гафурийский р-н. Башкортостан

Сыуан (һеуэн) – самобытная рыболовная снасть. Дер. Киекбаево, Бурзянский р-н. Башкортостан

Ловля хариуса (бэрзе) в горной речке

Плот (кәшмәк)

Лодка с «козой»

Башкир-рыболов с изготовленной им лодкой. Дер. Кугарчино, Калтасинский р-н. Башкортостан

Ловля рыбы неводом (йылым).
Разбор улова

Опытный рыбак обучает детей тонкостям
рыболовства

Заготовки тальника
для плетения морды

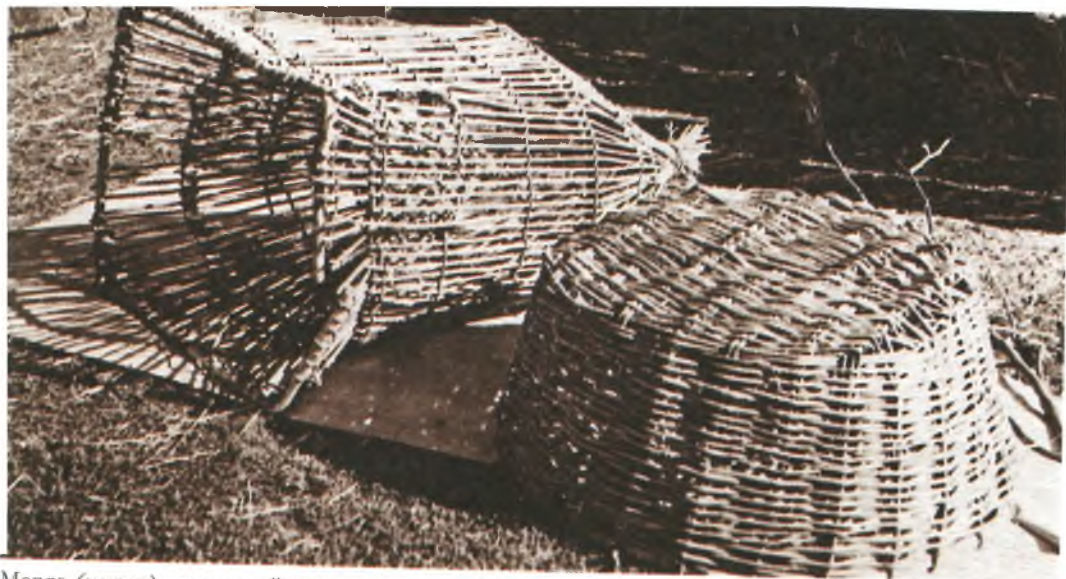
Морда с «усиками»

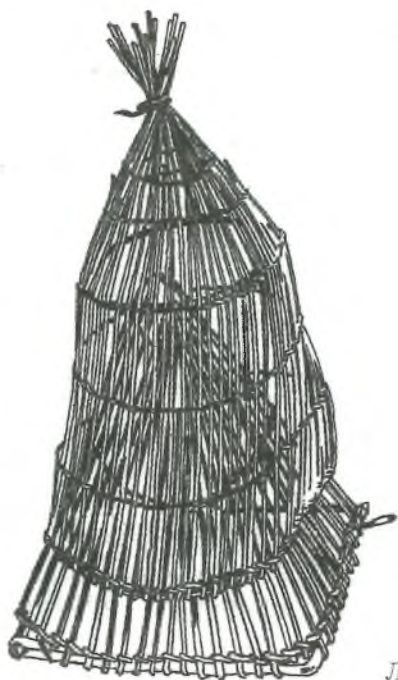
Морда – распространенный рыболовный
снаряд у башкир Курганской обл.

Корчага – удобная ловушка для рыбы.
Курганская обл.

Морда (*мурза*) с корзиной для хранения рыбы

Ловушка, морда – лесостепная форма

Рыболовный снаряд (*hosko*):
 а – вид сбоку; б – вид сверху; в – вид сетки спереди; г – способ крепления каркаса снасти

Способ ловли рыбы с помощью *носко*.
Первое положение – выбор места на берегу

Второе положение –
спуск снасти в воду

Третье положение – подъем
снасти с рыбой из воды

Голавли (ажану).
Река Уфа.
Фото Н. Черзор

Щуки, выловленные
на реке Белой.
Фото М. Муллагулова

Пещера, где временно хранилась выловленная рыба.
Дер. Тимирово, Бурзянский р-н. Башкортостан

a

б

Формы рыболовных лодок башкир Курганской обл.:
a – 1-й тип; *б* – 2-й тип

Ловля рыбы мордой с помощью забойки (шаран). Установка морды в «окошко» шарана. Дер. Тимирово, Бурзянский р-н. Башкортостан

Морда на дне реки

Дощатый настил над прорубью

Российское государство. Казне были необходимы пушнина, башкирский мед и продукты рыболовства*, а в хороших скакунах нуждалась русская кавалерия¹.

Как известно, после вхождения Башкирии в состав Русского государства начался наплыв русского и другого населения – сначала военных людей, потом крестьян и заводских рабочих. Все они осели на башкирских землях, стесняя коренных жителей во всех отношениях. Тогда немало башкир оставалось без земли. Естественно, те башкиры, которые располагали большими земельными владениями, приютили своих соплеменников на определенных условиях. Например, в многочисленных документах второй половины XVII и первой половины XVIII в. о припуске их башкирами в свою вотчинную землю особо оговаривается владение зверовыми, птичьими и рыбными угодьями, бортевыми угодьями и бобровыми ловами. Достаточно указать на «Запись поверенных башкир Ногайской дороги Кульили-Минской волости сотника Бузана Исмакова с товарищами башкирами Сарайли-Минской волости... о припуске их на вотчинную землю по реке Деме» (док. № 317), согласно которой разрешается им «довольствоваться пахотной землею, санными покосами и всякими звериными ловлями... только от Садакова устья до устья Уязы... для ловли рыбы не входить и оброку не брать и бортей не разделявать, а в других местах рыбу ловить удочками»².

Со второй половины XVII в. в башкирские волости не только лесостепной, но и горно-лесной зоны проникает технология русского земледелия³. Особенно она получает развитие в Казанской и Осинской дорогах⁴. Этому способствовали стремление Московского государства укрепиться на восточных окраинах, что привело к интенсивному хозяйственному освоению края, и постоянный приток населения из тех мест, где земледелие являлось преобладающим типом хозяйства. Естественно, в этих условиях рыболовство отошло на второй план. Однако при недостаточной обеспеченности скотом и отсутствии своего хлеба башкирам приходилось искать новые источники для существования. В создавшихся условиях малообеспеченные башкиры вынуждены были заниматься рыбной ловлей. Это особенно было распространено в районе зауральских озер, преимущественно в зимнее время⁵. Судя по документам XVII–XVIII вв., в качестве наиболее распространенных приемов рыбной ловли фигурируют лов рыбы сетями и неводами, с помощью еза и переимов, а также различной крючковой снастью⁶. Они подробно описаны в литературе⁶. Все эти способы не раз упоминаются в доку-

* Имеются в виду икра, жир и клей собственного изготовления. См.: Чибилев А. А. Река Урал. Л., 1987. С. 17 и др.

¹ Полное собрание законов Российской империи с 1649 г. СПб., 1833. Т. 9. С. 314. Судя по данному источнику, на покупку лошадей казной было отпущено 20 000 руб. (Там же. С. 508; Муллагулов М. Г. Башкирский народный транспорт. Уфа, 1992. С. 67–68.)

² Материалы по истории Башкирской АССР (далее – МИБ). М., 1956. Т. 4. Ч. 1. С. 350.

³ В ряде волостей Башкирии земледелие достигает даже заметных успехов (см.: МИБ. 1949. С. 489.).

⁴ Об этом подробнее см.: Чулошников А. П. Феодалные отношения в Башкирии и башкирские восстания XVII и первой половины XVIII в. // МИБ. 1936. С. 5–64.

⁵ Сабанеев Л. П. Очерки Зауралья и степное хозяйство на башкирских землях. М., 1873. С. 35; Полевые записи автора 1971, 1984, 1997, 2005 гг.

⁶ МИБ. 1949. С. 30, 435, 438, 452 и др.

⁶ Черемшанский В. М. Описание Оренбургской губернии в хозяйственно-статистическом, этнографическом и промышленном отношениях. Уфа, 1859. С. 444 – 445.

ментах, которые мы будем использовать далее. Правда, нельзя согласиться с мнением С. И. Руденко о том, что указанные способы рыбной ловли имелись и у башкир¹. Если бы башкиры использовали русские приемы рыболовства, то в башкирском языке имела бы заимствованная у русских терминология. Однако этого не наблюдается: у башкир нет таких терминов, как «переим», «самолов», «бабатка», «крыга» и др.

С появлением в крае пришлого населения некоторые башкиры стали сдавать свои рыболовные угодья в оброк русским или татарским крестьянам на договорных условиях. Так, в «Записи башкир Казанской дороги Гирейской волости Мустая Янурсова крестьянам Казанского уезда Сарапульской волости Перфилю Васильева сыну Стерлядеву с товарищем об отдаче им в оброчное владение на 10 лет рыбных ловель в своей вотчине по р. Белой» говорится, что «башкирцы Купак Давлетьбаев и Аптикей Сытыев с товарищи отдали с общего мирского согласия вотчинные свои воды – нижняя межа Апаиш-тамак, верхняя межа Тери-Танып, а по-русски Быстрой Танып... и в оных межах Улю Танып... да курья Кызыл Яр... рыбные и озерки во оных местах ловли с ыстоки и суходолы и с вешними заливы... в Белой реке летнею порою ловить шашковою, оханною и чаштушною ловлею и езы на Белой реке как летней, так и зимой делать... А оброку рядили мы (башкирцы. – М. М.) у них, Перфила с вышеописанным товарищем задатку денег 7 р.»². Другой документ гласит: «...отдали мы, Ибрай с товарищи – им, Терентью с товарищи, старинные вотчинные свои рыбные ловли озеро Азяк-куль с ыстоки и суходолы, и с вешними заливы, и с мелкими озерки Зидоли и Кундус-кульем и Бакильдами.... духовую рыбу в том нашем озере ловить им, Терентью с товарищи, у Шигаевского ключа одним, а у других ключей ловить с нами, с башкирцами вместе. Владеть им... тем нашим озером Азяк-кулем и с вышеописанными мелкими озерки с предбудущего 1761-го году впредь 15 лет»³. Документов подобного содержания чрезвычайно много даже в опубликованных архивных источниках⁴. Ознакомить читателей со всеми материалами невозможно, да и в этом нет необходимости. Нам хочется обратить внимание лишь на два момента. Во-первых, на то, что одно и то же рыболовное угодье сдавалось в оброк одним и тем же лицам подряд несколько раз. Так, башкиры Гирейской волости Казанской дороги сдавали половину своих вод в озере Гирей в оброк каракулинским крестьянам Л. Болкисеву с товарищами в 1738⁵, 1746⁶ и 1747 гг. на 25 лет и ежегодно получали оброчных денег с них в сумме 12 р. 50 к.⁷ Аналогичные сведения встречаются и в других документах⁸. В конце концов башкиры постепенно лишились своих лучших рыболовных угодий.

¹ Руденко С. И. Башкиры: историко-этнологические очерки. М.; Л., 1955. С. 88.

² МИБ. 1949. С. 475.

³ Там же. 1956. Т. IV. Ч. 1. С. 164.

⁴ МИБ. 1949. С. 21, 80, 125, 192, 260, 262, 273, 292, 334, 393 и др.

⁵ МИБ. С. 384–385.

⁶ Там же. С. 443–444.

⁷ Там же. С. 450–451.

⁸ Там же. Т. IV. Ч. 1. С. 31, 80, 397.

Во-вторых, подобные сделки совершались не только между башкирами и русскими крестьянами. Иногда рыболовные угодья сдавались в оброк самим башкирам. Например, кантонный начальник XI кантона Мухаметрахим Сулейманов арендовал р. Белую на 3 версты для рыбной ловли сроком на 10 лет у башкир Енейской волости деревень Умар, Новый Умар и Саузовой¹. Это говорит о том, что башкиры наконец стали понимать реальную ценность своих природных богатств. К сожалению, к этому времени большинство их рыболовных угодий уже было в чужих руках.

В целом, сдача в оброк рыболовных угодий представителям пришлого населения в определенной мере способствовала улучшению экономического положения башкир: они получали пусть небольшие, но все же «живые деньги». Л. П. Сабанеев отмечал, что «в настоящее время кортомная плата за все эти башкирские озера достигает 120 000 руб. серебром за 12 лет и служит главною поддержкою существования» башкир Зауралья². Не случайно этим явлением были недовольны некоторые чиновники царской администрации: «Ежели указом В. И. В. вновь крепость и слобода построена будет, – читаем в «Деле по прошению крестьянина Сибирской губернии Крутихинской слободы С. Н. Кузнецова императору Петру II о постройке крепости близ оз. Чебаркуль», – и рыбными ловлями владеть будем, то с тех ловель, которые, они башкирцы, владеют и в оброк отдавали, надлежит брать оброчные деньги, и те оброчные деньги в казну платить мы будем, а прежде сего татары-башкирцы ни по- чему не платили и ныне не платят»³.

С другой стороны, оброчная система в рыболовстве дала башкирам возможность заниматься земледелием. У земледельца, например, не было времени заниматься ловом рыбы. Известный этнолог Н. В. Никольский в начале XX в. писал: «Земледелец был лишен права на рыбные ловли»⁴. Для занятий рыболовством необходимы были соответствующие снасти. «В пределах этой волости, – читаем в книге Н. П. Газова, касаясь хозяйственной деятельности населения Чукады-Тамаковской волости Белебеевского уезда, – два больших рыбных озера: Асликуль и Кандрыкуль. Близость рыбных озер натолкнула окрестных жителей заняться рыболовством, а последнее породило два производства: вязание сетей и мереж и приготовление лодок и челноков... Сети вяжет каждый рыбак для себя и в редких случаях для продажи»⁵. «Рыболовство, – отмечает указанный автор в отношении занятий жителей Мелькенской волости Мензелинского уезда, – заставило население научиться искусству вязать рыболовные сети и делать из тальника морды. На все эти рыболовные снасти материал идет местный, так как жители сеют достаточно льну, а тальнику

¹ ЦИА РБ. Ф. 2. Оп. 65. Св. 98. Д. 276. Л. 21.

* За неимением денег башкиры некоторых волостей центральной части края вынуждены были ловить рыбу для русских помещиков (см.: *Крашенинников Н. Хазрет Хайбулла // Башкирия в русской литературе* (далее – БРЛ). Уфа, 1965. С. 290.

² Сабанеев Л. П. Очерки Зауралья... С. 33.

³ МИБ. 1949. С. 489.

⁴ Никольский Н. В. Конспект по истории народностей Поволжья. Казань, 1919. С. 69.

⁵ Газов Н. П. Кустарные промыслы в Уфимской губернии. Уфа, 1900. С. 21.

очень много растет на их заливных лугах»¹. Изготовлением рыболовной снасти занимались отдельные жители в Бирском, Уфимском и Стерлитамакском уездах². Ловить рыбу было не так-то просто. «Без труда, – гласит русская поговорка, – не выловишь и рыбку из пруда». Не случайно, башкиры предпочитали ловить рыбу в зимнее время. В эту пору, особенно в снежную зиму, из-за недостатка кислорода в воде рыба подо льдом задыхалась и устремлялась к полыньям у ключей или к проруби (*маке*). Тогда достаточно было прорубить лед где-нибудь на озере или реке, рыба сама «лезла» к рыбаку. Ловить ее не представляло особой сложности, ее можно было ловить даже руками. Так что не без основания в оброчных записях башкир XVII и XVIII вв. особо оговаривается ловля «духовой рыбы»³ (духовая рыба – рыба, страдающая от нехватки кислорода зимой).

Рыболовство у башкир в той или иной мере оживилось лишь в 30–50-е годы XVIII в. В период восстаний скотоводство на башкирской земле почти полностью развалилось. Из большинства хозяйств лошади косяками, а крупный рогатый скот, можно сказать стадами, угонялся в распоряжение Русского государства⁴. Даже в хозяйствах уцелевших башкир совершенно не осталось скота. Царские каратели беспощадно уничтожали хлеб на полях⁵. А там, где хлебные поля уцелели, они обычно оставались под снегом. Сохранившейся части башкирского населения жить стало крайне тяжело. В одном из архивных документов, относящихся к этому периоду, читаем: «... из них, башкирцев, многие от голоду за неимением хлеба и скота и померли, и употребляют себе в пищу сосновую кору»⁶.

Естественно, в этих условиях как никогда возрастала роль традиционных занятий, в том числе рыбной ловли. Особенно активно занималось ею башкирское население юго-восточной части Екатеринбургского, юга Шадринского, а также Челябинского уездов. Чтобы убедиться в этом, достаточно посмотреть «Очерки Зауралья и степное хозяйство...» Л. П. Сабанеева⁷ и «Рыболовство и законодательство» В. И. Вишнякова⁸.

Что касается башкир Уфимской стороны (имеется в виду башкирское население Мензелинской и северо-западной части Уфимского уездов Оренбургской губернии), то они уже не имели возможности заниматься промысловой деятельностью даже там, где они раньше свободно находили себе дополнительные средства для жизни. Говоря так, мы подразумеваем, прежде всего, нижнее течение р. Белой и часть Камы, являвшихся объектами активного рыболовства у части башкир⁹. В этой зоне самые лучшие рыболовные угодья уже находились в распоряжении русских рыбопромышленников или казны, не говоря уже о тех угодьях, на которых рыбачили обычные

¹ Газов Н. П. Кустарные промыслы в Уфимской губернии. Уфа, 1900. С. 34.

² Там же. С. 38, 39, 55, 74.

³ МИБ. 1949. С. 417–418, 429, 447, 450, 453, 459, 461 и др.; 1956. Т. IV. Ч. 1. С. 201, 222, 267 и др.

⁴ МИБ. 1936. С. 204, 230, 262–263, 330, 335, 340 и др.

⁵ Там же. С. 86, 92, 120, 176, 212, 317 и др.

⁶ Там же. С. 369.

⁷ Сабанеев Л. П. Очерки Зауралья... С. 30–37.

⁸ Вишняков В. И. Рыболовство и законодательство. СПб., 1894. С. 87–90.

⁹ Черемшанский В. М. Указ. соч. С. 343–344.

русские крестьяне. В этих условиях башкиры вынуждены были ловить рыбу на водоемах второстепенного значения (имеются в виду мелкие речки, озера или же старицы). Ясно, что последнее явление мало удовлетворяло местных жителей. Поэтому они иногда выезжали для охоты на привычные рыбные места, независимо от их удаленности. Нам известен факт о поездке башкир Кыр-Табынской волости Уфимского уезда (1662 г.) на р. Самару*, куда обычно ездили на рыбалку еще их предки. Судя по словам ряда информаторов из Баймакского и Хайбуллинского районов, даже в годы советской власти имели место случаи, когда некоторые охотники и рыболовы доходили до рек Иргиз и Тургай, откуда они привозили рыбу, как правило, в сушеном виде¹. Это вполне возможно, ибо по сведениям, извлеченным из «Материалов по истории Башкирской АССР», данная зона являлась привычным местом традиционной охоты восточных башкир еще в XVII, XVIII и XIX вв.² Аналогичное явление мы наблюдаем и в центральной части края. В период восстаний башкиры, живущие на Уфимской стороне Камени** по рекам Белой, Уфа и Ай, переселялись в Зауралье не столько из-за ясака и боязни преследования царских карателей, сколько из-за жизненной потребности. Ведь не случайно местами жительства переселенцев становились берега самых рыбных озер³. Зауральские озера, богатые разнообразной и вкусной рыбой, всегда притягивали к себе людей из других окраин.

Тем не менее частые поездки надоедали уральским башкирам. В архивных источниках дореволюционного времени мы находим множество жалоб. В одних из них последние жалуются на злоупотребления со стороны представителей царской администрации, в других – сообщается о том, как притесняет их (башкир) пришлое население, захватывая самые рыбные места, лучшие пашни и охотничьи угодья. В последних мы находим материал о просьбах башкир вернуть им прежние земельные владения со всеми угодьями. В доказательство сказанного приводим выдержку из трех документов – «Грамоты из Приказа Казанского Дворца уфимскому воеводе Д. Н. Головину об ограждении вотчинных прав башкир и о запрещении отдавать их земли и угодья русским пришлым людям в оброк, в тягло и в службу» и «Грамоты с «прочетом» из Приказа Казанского Дворца уфимскому воеводе Б. Ф. Аничкову о подтверждении владельческих прав на вотчинную землю башкира Сырыма Бисубина с товарищами», а также из «Прошения башкирского юртового старшины Абдука Чандарбаева императору Павлу I». «В недавних годах, – читаем в первом документе, – на тех их старинных вотчинах и во всяких угодьях (речь идет о бывших

* Судя по челобитной, которую они написали царю Алексею Михайловичу, будто 20 человек ездили на сани в свою вотчину на р. Самара для звериной охоты и рыбной ловли, чтобы уплатить налог царю. Башкиры располагались на берегу р. Самара табором. В 5 верстах от башкирского стана располагались купцы, приехавшие из Самары. Узнали купцы, что неподалеку башкиры ловят снастями и неводом рыбу, приехали к ним ночью. Стрельба началась. Башкиры подумали, что это калмыки, и убежали в лес, побросав лошадей и проч. Воспользовавшись ситуацией, русские купцы взяли 34 воза рыбы, снасти, дуги, вожжи (см.: Кармаскалинские были // Красная Башкирия. 1938. 2 нояб.).

¹ Полевые записи автора 1972 г. С. 79; 1974 г. С. 29.

² МИБ. 1936. С. 204.

** В архивных документах XVI–XVIII вв. так назывались Уральские горы.

³ МИБ. 1936. С. 88 и др.

башкирских землях, переходивших из поколения в поколение. — *М. М.*) поселились пришлые русские люди и, татара, и чуваша, пришед из Казанского, из Тобольского и из Кунгурского уездов и из Соловарного городка; и те пришлые русские люди, и татара, и чуваша, и черемиса, и вотяки в тех их старинных вотчинах многия деревни поселили, пашни распахали, сена косят, лес много рубят, которые деревья годились было им на бортные деревья, и меченые порубили; и от того их многолюдства в вотчинах их всякой зверь: лось и медведи, лисицы, и куницы, и белки отошли, и бобровыя вяжи запустели, и им зверя бить, и рыбу ловить, и конских стад и скотины выпускать стало негде...»¹. Во втором же документе повествуется: «И о тех вотчин прадеды, и деды, и отцы их, и они кормились рыбою и без пашен, а за ними де те вотчины не исправлены, обид им в том ни от кого не бывало; и ныне де тому другой год по ложному своему челобитью насильством своим теми их песками, и озера, и речками, и истоки, и заводьми, и всякими рыбными ловлями и стрежнями владеет гостиной сотни Иван Симоновской, и от того его Иванова челобитья они вконец разорились»². «...Данные нам (башкирам. — *М. М.*) во владение по грамотам, — гласит третий документ, — издревле нам принадлежащие рыбные ловли на реках Белой, Каме и Ике, которыми как предки наши, так и мы пользовались, не знаем по какому случаю взяты от нас в казну. Почему также слезно просим оные по-прежнему нам возвратить, дабы мы могли пользоваться оными в наших нуждах»³.

Впрочем, сведения о притеснениях башкир в рыболовстве со стороны пришлого населения встречаются также в «Отчетах Оренбургского генерал-губернатора». Достаточно указать хотя бы, например, на «Прошение юртового старшины Биккула Мулдашева по Каратабынской волости»⁴.

Архивные документы подобного рода и содержания мы встречаем почти в каждом томе «Материалов по истории Башкирской АССР». Писались они неспроста, а из-за острой экономической нужды башкирского населения. Почему-то органы императорской власти Российского государства не сразу реагировали на просьбы и нужды башкир. Указы и постановления, ограждающие их от притеснений со стороны пришлого населения, писались всегда с опозданием и увидели свет лишь тогда, когда навсегда исчезла значительная часть лесных массивов с ценными древесными породами и редкими пушными зверями и когда в местных реках и озерах рыбы осталось мало.

Просьба башкир в отношении рыболовных угодий частично была удовлетворена лишь Указом Сената от 1734 г. 31 мая, согласно которому «приписывалось отдать башкирам рыбные ловли по рекам Белой и Каме, довольствоваться им Илецкой солью, не продавая оной другим»⁵.

При рассмотрении истории развития рыболовства у башкир важно отметить три момента. Во-первых, рыба использовалась в качестве дополнительной пищи к мясу диких или домашних животных и продуктам питания растительного происхождения.

¹ МИБ. 1936. С. 82.

² Там же. С. 103 (речь идет о башкирах Ельдяцкой волости Уфимского уезда).

³ МИБ. 1960. Т. 5. С. 578.

⁴ ЦИА РБ. Ф. И-2. Оп. 1. Д. 217.

⁵ Полный свод законов. Т. IX. № 6581. С. 335.

В экстремальных случаях она играла определяющую роль в жизнеобеспечении населения, особенно зимой. Во-вторых, у башкир рыба употреблялась в пищу с целью разнообразить ассортимент питания. Человеческий организм всегда нуждался и нуждается в таких микроэлементах, как фосфор, кальций и др. В данном случае башкиры говорили: «*Балыкһыраным*», т. е. «хочется есть рыбу». В-третьих, иногда у башкир появлялись излишки рыбы, которые или продавались, или же шли в обмен на другие продукты и бытовые товары: «Рыбу и дичины в пищу употребляют они очень мало, ибо стараются лучше продать оные русским...»¹. Судя по сведениям, полученным нами от жителей д. Старонагаево Гарейской волости (Казанская дорога), их земляк башкир Габделнагим Якупов (умер в 1943 г. в возрасте 80 л.) не раз сплавлялся на лодке, нагруженной 20–25 пудами рыбы, по р. Белой в с. Каракулево, находящееся от их деревни в 40 километрах, где и продавал свой товар русским. Он же возил рыбу на тарантасе в Канбарский завод. Рыбу он обменивал на рожь (40 пудов)². Для нас представляет интерес и такой факт, что он, оказываясь, продолжал традиции отца и деда, занимавшихся ловлей рыбы и ее реализацией в русских селениях. Кстати, этим занимались и башкиры горно-лесной зоны. «Мой отец – известный охотник и рыболов, – вспоминал рыбак Иргали Хажиахметович Баймурзин (1929 г. р., д. Тимирово, Бурзянский р-н), – ловил рыбу почти весь год. Улов он хранил зимой в стоявшем в чулане огромном чане (*көбө*) и возил рыбу в мешках на продажу русским в Верхний и Нижний Авзяны. Однажды он на вырученные деньги даже смог купить лошадей»³.

Однако мы должны иметь в виду, что башкиры занимались рыболовством не везде и не всегда одинаково. В одних волостях оно развивалось довольно интенсивно, обеспечивая работой значительную часть населения и приобретая вид специального промысла. В качестве примера может служить Енейская волость 12-го башкирского кантона*, о которой упоминает В. М. Черемшанский в своем известном исследовании⁴. Хотя несколько слабее, по сравнению с вышеуказанной волостью, рыболовство было развито также в Гарейской, Ельдяцкой, Каршинской, Киргизской и некоторых других волостях, расположенных главным образом по бассейнам рек Белой и Ик, а также, отчасти, по Каме⁵. В восточной части рыболовство процветало в районе озер⁶.

В то же время в Башкирии встречались целые селения, где не придавалось рыбной ловле особого значения. Такие местности мы зафиксировали особенно в северных и отчасти в центральных районах республики. Здесь нам часто приходилось слышать

¹ Р-н Р. Сведения о башкирцах // Московский телеграф. М., 1832. № 22, ч. 48. С. 226.

² Полевые записи автора 1979 г. С. 6–8.

³ Полевые записи автора 2005 г. С. 53.

* Когда в Башкирии началась кампания по сдаче в оброк рыболовных угодий русским крестьянам, активно включились в это дело в первую очередь башкиры Енейской волости Казанской дороги. Это не случайно. Не имея достаточного опыта в рыбной ловле и не зная водоемы и их обитателей, они вряд ли могли это делать. Это еще раз свидетельствует об их активной промысловой деятельности в области рыболовства еще до колонизации края царской Россией (см.: МИБ. Т. 4. Ч. 1. С. 57, 68, 79, 95, 112, 114, 138, 142–143 и др.).

⁴ Черемшанский В. М. Указ. соч. С. 444.

⁵ Там же; МИБ, т. 4, ч. 1. С. 34–37, 39, 50–51, 64, 69, 71, 76–77, 166–167, 194–196, 268, 342 и др.

⁶ Сабанеев Л. П. Очерки Зауралья... С. 30–37; Газов Н. П. Кустарное дело... С. 33–34, 55 и др.

башкирскую народную поговорку «*Алтын, көмөш таи булмаҫ, алабуга аи булмаҫ*» (букв. «Золото и серебро – не камень, а окунь – не пища»). Пользуясь случаем, приводим здесь выдержку из нашей беседы с одним информатором:

– Вокруг вашей деревни кругом лес да речки и родники, богатые рыбой. А все же здесь люди мало занимались рыбной ловлей. Почему?

– Наши предки не интересовались этим делом. Лов рыбы – занятие тех, кто не любит работать...

Уместно заметить, там, где население активно занималось рыбной ловлей, мы обнаруживаем большое разнообразие орудий и приспособлений для рыболовства, не говоря уже о многообразии самих способов охоты. А в районах, где мало практиковалось это древнейшее занятие, рыболовная снасть ограничивалась минимумом предметов. Это – волосяные петли, острога, в редких случаях – небольшая сеть и морда. Обо всем этом читатель найдет материал в специальных главах.

И наконец, говоря о рыболовстве у башкир, мы не должны свести его роль только лишь к добыче рыбы в качестве пищи. По сведениям И. Георги¹, Ф. Лобысевича² и ряда других исследователей, рыбьей кожей обтягивали окошки башкирских изб в зимнее время. Из чешуи и костей рыбы местные мастера изготавливали прекрасный клей*, который широко использовался при выделке охотничьего лука и конского седла, а также ряда других предметов домашнего обихода.

В XIX в. в развитии башкирского рыболовства происходит заметный упадок**. Объясняется это не столько переходом многих рыболовных угодий в распоряжение русской казны и рыбопромышленников, а также крестьян из среды пришлого населения и уменьшением запасов рыбы в местных водоемах в результате хищнической эксплуатации природных богатств Башкирии³, сколько интенсивным развитием земледелия⁴, лесных промыслов и кустарного производства⁵.

¹ Георги И. Г. Описание всех обитающих в Российском государстве народов... СПб., 1799. Ч. 1. С. 89.

² Лобысевич Ф. Башкиры и Башкирия // Отдел рукописей Российской национальной библиотеки. Разр. 1. Д. 914/929. С. 2.

* Судя по данным башкирского фольклора, для изготовления клея использовались чешуя и кости семи видов рыб (см: Башкорт халык ижады. Өфө, 1959. 2-се т. 77-се б.), но теперь эта технология полностью забыта.

**А. Тимофеев в исследовании «Собрание описаний Оренбургской губернии» отмечал, что башкиры и татары рыболовством почти не занимаются. Если бы они занимались этим делом, то оно приносило бы им большую пользу. В этом он был не прав, ибо к тому времени самые богатые рыбные угодья или принадлежали казне, или рыбопромышленникам, или были отданы в оброк русским крестьянам.

³ Сабанеев Л. П. Очерки Зауралья... С. 30–37; Вишняков В. И. Рыболовство и законодательство... С. 87–90; Бараг Л. Г. Башкирия и башкиры в творчестве Д. Н. Мамина-Сибиряка // Литературная Башкирия. Альманах. Уфа, 1958. Вып. 11. С. 155–156.

⁴ Кузеев Р. Г. Развитие хозяйства башкир в X–XIX вв. (к истории перехода башкир от кочевого хозяйства к земледелию) // АЭБ. Уфа, 1968. Т. 3. С. 318–321; Янгузин Р. З. О земледелии в юго-восточном Зауралье в XIX в. // Там же. С. 322–326; Асфандияров А. З. Хозяйство башкир в первой половине XIX в. // Страницы истории Башкирии. Уфа, 1974. С. 33–48; Мурзабулатов М. В. Земледелие зауральских башкир в XIX – начале XX в. // Этнография Башкирии. Уфа, 1976. С. 97–117; Янгузин Р. З. Хозяйство башкир дореволюционной России. Уфа, 1989. С. 186–191.

⁵ Муллагулов М. Г. Лесные промыслы башкир. Уфа, 1994.

В целом, в развитии рыболовства на Южном Урале и в Зауралье наблюдается парадоксальная картина. Башкиры – коренные хозяева рыболовных угодий мало что имели от рыбных промыслов, за редким исключением использования рыбы главным образом в пищу, зато русские рыбопромышленники разбогатели на башкирской рыбе. Это явление мы наблюдаем в коммерческой деятельности Д. Н. Наседкина, нажившего несколько миллионов рублей¹. А сколько было таких купцов-рыботорговцев на всем Южном Урале и в прилегающих районах, особенно в Зауралье, знает только сама история, которая таит многие такие факты из-за недостаточной изученности архивных материалов.

Глава 2

ВОДОЕМЫ И ИХ ПРОМЫСЛОВЫЕ ОБИТАТЕЛИ

Башкортостан – край с развитой сетью рек и речек, а также с системой озер в Зауралье. Испокон веков население занималось здесь рыболовством. Этому способствовали не только многовековые хозяйственные традиции, но и обилие рыбы в местных водоемах. Не случайно в «Книге Большому Чертежу» в качестве основной пищи башкир, наряду с мясом и медом, упоминается рыба². Все же прежде чем перейти к вопросу об обитавших здесь рыбах, мы остановимся сначала на самих водоемах.

Судя по архивным материалам, извлеченным из «Собрания описаний Оренбургской губернии» (написано в конце XVIII – начале XIX в.), на территории края насчитывалось судоходных рек 3, несудоходных – 35, речек – 3 705 и озер – 2 004. Из них на Стерлитамакский уезд приходилось речек 423, озер – 138, на Верхнеуральский – соответственно 583 и 63, Челябинский – 94 и 1 145, Бирский – 437 и 185, Мензелинский – 231 и 96 и на Белебеевский уезд – 875 и 64³. В данном источнике имеются сведения также по рекам, на которых мы остановимся ниже.

При рассмотрении вопроса о водоемах края не следует забывать, с одной стороны, о старицах рек, с другой – о горнозаводских плотинах и мельничных прудах. Так, только по пойме р. Белой имелось более 20 крупных стариц⁴, среди которых своими рыбными запасами особо выделялось оз. Киешки*.

¹ Сабанеев Л. П. Очерки Зауралья... С. 33.

² Книга Большому Чертежу, или Древняя карта Российского государства, поновленная в разряде и списанная в книгу в 1627 г. 2-е изд. СПб., 1838. С. 152.

³ См.: Тимофеев А. Собрание описаний Оренбургской губернии // Архив РГО. Ф. 26. Ед. хр. 19. С. 48, 103–110.

⁴ См.: Авдеев А. С. Сплав леса по рекам Башкирии. Уфа, 1960. С. 251–260.

* Вот что писал о Киешках как богатом рыбой озере С. Т. Аксаков: «Затеяли большую рыбную ловлю неводом, достали невод, кажется, у башкирцев, а также несколько лодок... В одну чудную, тихую, месячную ночь мы все, кроме матери, отправились на тоню... Без всякого шума, осторожно занесли невод и спустили его в воду, окружая один большой загон или плес. Туда ночью на отмель собирались бесчисленные стаи лещей. Едва только подтянули клячи (боковые концы невода, пришитые к деревянным палкам. – М. М.) к берегам затона, как уже начало оказываться множество захваченной рыбы...

Отмечалось также и Белое озеро*. Относительно горнозаводских плотин можно указать на такие водохранилища, как Тирлянское, Белорецкое, Узянское и Кагинское на р. Белой, Кухтурское на р. Кухтур, Вознесенское на р. Иргизла, Кананикольское на р. Кана, Верхоторское и Воскресенское на р. Тора, Богоявленское на р. Усолка, Благовещенское на р. Ушколи, Архангельское на р. Аскын, Шаранское на р. Шаран, Баймакское на р. Таналык, Авзяно-Петровское на р. Авзян, Кыштымское на р. Кыштым, Верхнесимское и Нижнесимское на р. Сим, Златоустовское на р. Ай и др. Мельничные пруды повсеместно имелись как на территории Уфимской, так и Оренбургской губерний, а по рыбным запасам они нисколько не уступали другим водоемам. Чтобы убедиться в этом, достаточно обратиться к работам С. Т. Аксакова¹, С. Р. Минцлова², Н. Крашенинникова³.

В настоящее время в Башкортостане насчитывается свыше 600 рек и речек⁴. Через его территорию протекают такие крупные реки, как Белая и Урал, а также Кама. В речную систему Белой** входят реки: Большой Авзян, Узян, Кага, Южный Узян, Нугуш с Урюком, Кана, Мелеуз, Ашкадар, Стерля, Селеук, Зиган, Зилим, Сим с Инзером и Лемезой, Уршак, Дема, Кармасан, База, Сюнь, Быстрый Танып, Бирь и Уфа с Юрюзанью и Тюем. Река Урал принимает воды таких небольших рек, как Янгелька, Малый и Большой Кизилы, Худолаз, Таналык. По восточному склону Южноуральских гор протекает река Сакмара и ее притоки: Баракал, Урман-Зилаир, Касмарт и Большой Ик. В систему реки Кама входят Ик со своими притоками Тарказы,

многие огромные рыбы прыгали через верх или бросались в узкие промежутки между клячами и берегом; это были шуки и жерехи. Хранившие до тех пор молчание рыбаки, плывшие с боков на лодках, или тянувшие невод, подняли шум, крик, и хлопанье клячевыми веревками по воде, чтобы заставить рыбу воротиться в середину невода... отец мой только распоряжался и беспрестанно кричал: «Выравнивай клячи! Нижние подборы ведем плотнее! Смотри, чтобы мотня шла посередине!»... Наконец... показалась мотня, сделавшаяся широкою и круглою от множества попавшей рыбы; ... стало так трудно тащить по мели, что принуждены были остановиться, из опасения, чтобы не лопнула мотня; подняв высоко верхние подборы, чтобы рыба не могла выпрыгивать, несколько человек с ведрами и ушатами бросились в воду и, хватая рыбу, битком набившуюся в мотню, как в мешок, накладывали ее в свою посуду, выбегали на берег, вытряхивали на землю добычу и снова бросались за нею; облегчив таким образом тягость груза, все дружно схватились за нижние и верхние подборы и с криком выволокли мотню на берег. Рыбы поймали такое множество, какого не ожидали, и потому заслали за телегой; по большей части были серебряные и золотые лещи..., попало также довольно крупной плотвы, язей и окуней; шуки, жерехи и голавли повыскакали... Крупной рыбой нагрузили телегу, а остальную понесли в ведрах и ушатах. Все общество весело пошло домой за телегой, нагруженною рыбой» (см.: Аксаков С. Т. Детские годы Багрова-внука. М., 1858. С. 317–318).

* «Рыбы в этих озерах постоянно бывает много и значительной величины...», – подчеркивает Вл. Лоссиевский, имея в виду Белое озеро и другие старицы (см.: Лоссиевский Вл. Озеро Аккул в Стерлитамакском уезде Уфимской губернии // РГО. Разр. 43. Оп. 1. № 10. С. 2).

¹ Аксаков С. Т. Детские годы...; Он же. Записки ружейного охотника Оренбургской губернии. Уфа, 1984.

² Минцлов С. Р. Уфа: дебри жизни; дневник 1910–1915 гг. Уфа, 1992. С. 67.

³ Крашенинников Н. Амелия. М., 1981. С. 171 и др.

⁴ Тахаев Х. Я. Башкирия: экономико-географическая характеристика. М., 1950. С. 47–53.

** Башкирские названия рек и речек, а также озер даются согласно книге-справочнику «Словарь топонимов Республики Башкортостан» / Сост. А. А. Камалов, Р. З. Шакуров, З. Г. Ураксин, М. Ф. Хисматов. Уфа, 2002.

Ря и др. По северо-восточной части Башкортостана протекают реки Уй и Миасс со своими притоками.

В настоящее время в нашем крае известно примерно 1 000 озер¹, из которых особо следует отметить в восточной части республики Талкас, Култубан, Чебаркуль, Яктыкуль (Банное), Мулдак, Суртанды, Карагайлы, Ургун, Калкан, Карабалыклы, Кара-куль, Карагай, а в западной части – Асылыкуль и Кандрыкуль. Фактически озер с пресной водой было больше, особенно раньше. Об этом свидетельствуют публикации в периодической печати XIX в. Так, А. Игнатович в статье «Башкирская Бурзянская волость» указывает на следующие озера: Ялтыркуль (у деревень Кусеевой и Токтагуловой, в длину до 4-х верст), Улянлекуль, рядом с д. Абдрашитово, Султанское (у д. Кусеевой), Искул* (три маленьких озера)². Л. П. Сабанеев отмечает такие небольшие по величине озера, как Малый Аллак, Балтым, Куяш и Теренкульчик (горное озеро)³.

В результате весеннего половодья прибрежные ямы в низких местах заполнялись водой и превращались в удобные места для размножения рыб. Такие ямы в народе были известны под названием «заливные озера». Судя по проведенным в конце XIX в. исследованиям, подобных водоемов особенно много было по Демскому бассейну⁴. По запасам рыбы заливные озера нисколько не уступали другим водоемам. Чаще всего в них быстрее вырастала щука, которая встречалась в невероятно больших размерах именно в заливных озерах⁵. К сожалению, нередким был замор рыбы из-за недостатка кислорода. Приозерному населению такая рыба была известна под названием «духовой». О ней часто упоминают архивные документы XVII–XIX вв.⁶ Замор рыбы происходил в период между декабрем и январем. В это время рыбу ловили многие жители приозерных мест.

В последние годы в Башкортостане появились такие крупные водохранилища, как Павловское, Нугушское, Кармановское, Таналыкское, Абдулькаримовское и Юмагузинское. Сохранились также плотины ряда горных заводов. В настоящее время общее число водохранилищ составляет 2 720⁷. Все это, несомненно, влияет на увеличение популяции рыб.

Водоемы Башкирского края характеризовались исключительно большим разнообразием рыб⁸. В «Кратком описании Оренбургской губернии», написанном в 1817 г.,

¹ Тахаев Х. Я. Указ. соч. С. 54–56; Ейәнсурин А. Күлдәр // Йәшлек. 2003. 2 авг.

* От башкирского гидронима «Өскүл» (Три озера).

² ОГВ. Оренбург, 1862. № 6, 7. С. 27.

³ Сабанеев Л. П. Очерки Зауралья и степное хозяйство на башкирских землях. М., 1873. С. 37.

⁴ См.: Шаповал И. Об озерах в Демско-Ильчикеевской казенной лесной даче и рыболовство в них // Материалы к познанию русского рыболовства. Пг., 1915. Т. IV. Вып. 5. С. 3–4.

⁵ «Избыточное население (имеются в виду мальки рыб. – М. М.), – отмечается в вышеуказанном исследовании, – прореживается щукой..., которая за счет истребляемого малька сильно увеличивается в весе. Вот почему мы часто ловим в озерах среди мелкой рыбы очень крупных щук» (Шаповал И. Указ. соч. С. 4).

⁶ См.: МИБ. Т. III. С. 303, 415, 417, 450, 453, 425 и др.

⁷ Зяанчурин А. Указ. соч. С. 4.

⁸ Разнообразие рыб в водоемах башкирской земли особо выделяется в исторической литературе XVII–XIX вв. (Витсен Н. О башкирском народе и его жилищах // Примечания на «Ведомости». Ч. 30. СПб., 1734, апрель 1-го дня. С. 422; Рычков П. И. Топография Оренбургской губернии. Уфа, 1999. С. 154, 302 и др.).

в качестве обитателей крупных рек упоминаются белая рыбаца, стерлядь, лох (таймень), белуга и осетр¹. Первые три вида из них считаются основными видами только р. Белой, а остальные два – в качестве проходных в р. Каму. По некоторым данным, белуга поднималась даже по р. Урал до устья р. Большой Ик², а шип доходил до среднего течения р. Сакмары³. В подтверждение сказанного приводим выдержку из официального источника. «Главная порода ея (рыбы. – М. М.) в реках – превосходного вкуса белая и красная рыбаца*, стерлядь, харюз**, а в ручьях кутема, форель и другие»⁴.

Судя по источникам, среди вылавливаемых рыб главными считались таймень и щука. Кроме них ловили окуня, жереха, кутему (хариус) и пеструшку⁵. Некоторые рыбы описываются в нескольких видах. Так, например, по данным С. Т. Аксакова, в горных речках и ручьях Оренбургской губернии обитало три вида форели⁶, а по сведениям Л. Берггольца, только в Инзере водилось несколько видов⁷. Таймень также был представлен несколькими видами: по В. В. Круберу – двумя⁸, по нашим полевым материалам – тремя⁹. Хариусов башкиры подразделяют на два вида: черный (*кара бэрзе*) и светлый (*һары бэрзе*)¹⁰.

Рыбы было много в пресной воде. Причем изобилие рыбы наблюдалось почти до недавнего времени.

В частности, заядлый рыболов и охотник Адигам Мурзагулов, 1906 г. р. (д. Тимирово, Бурзянский р-н) рассказывал: «В 1950-е годы приехала к нам русская бригада для рыбной ловли, которая остановилась у Бухмашского плеса, находящегося ниже д. Старомунасиново. Я в это время рыбачил. Разговорились. Узнав о том, что я местный рыбак, хорошо знающий русло Белой в этой зоне, они охотно приняли меня в свою компанию. Одно из условий удачной рыбалки – правильно идти неводом по руслу реки. Далеко не все умеют вести невод. Здесь важно знать дно водоема, тем более там, где глубоко. Так что для русских рыбаков я являлся находкой... Светило яркое летнее солнце. Легкий ветерок рябил водную гладь у Исяняя. Определили место, откуда мы должны были идти неводом и где можно будет вывести его из плеса; распределили обязанности между собой. Часть людей тянула большой невод по течению реки. Несколько башкир, в том числе и я, следили за тем, чтобы сеть не зацепи-

¹ Архив РГО. Ф. 26. Оп. 1. Ед. хр. 15. С. 2–30.

² Чебелев А. А. Река Урал: историко-географические и экологические очерки о бассейне р. Урал. Л., 1987. С. 130.

³ Там же. С. 131.

* Имеется в виду таймень.

** Старое название хариуса.

⁴ Казанцев Н. Описание башкирцев // ОГВ. 1850. № 2. С. 97.

⁵ Дети гор и лесов (Очерк быта и нравов башкирцев) // Волжский вестник. Казань, 1885. № 201 (авг.).

⁶ Аксаков С. Т. Записки... С. 355.

⁷ Берггольц Л. Горные башкиры-кайтаы // ЭО. 1893. Вып. 3. С. 80–81.

⁸ Крубер В. В. Оренбургская Башкирия в лесохозяйственном и лесопромышленном отношении. СПб., 1887. С. 32.

⁹ Полевые записи автора 1975 г. С. 7; 1993 г. С. 2; 2000 г. С. 16.

¹⁰ Там же. 1975 г. С. 7; 1982 г. С. 19; 1994 г. С. 57.

лась за камни и утопшие бревна. Молодежь и мальчишки стояли на сто метров ниже нас. Они били палками по воде и шуровали по дну реки, чтобы гнать рыбу в сеть. Поскольку плес был глубоким, всем нам, стоящим у мотни, приходилось время от времени нырять в воду. Рыбы было очень много, она даже перепрыгивала через сеть (конечно, это были в первую очередь жерехи и таймени). Один из русских рыбаков скомандовал вывести невод на левый берег. Мы помогали тянуть его. Русские вынимали рыбу из невода с помощью подсачков, а башкиры – просто руками. Для того чтобы достать рыбу из мотни, пришлось разрезать сеть сверху. Одни таскали рыбу в мешках, а другие – в руках. Крупных особей сразу грузили в короб, установленный на телеге. Меня поразили два факта, – продолжал свой рассказ Адигам-бабай, – во-первых, то, что обитающие обычно на перекатах хариусы оказались на глубине, во-вторых, горбатые большие лещи были представлены двумя видами – золотистые и серебристые. Хотя я много лет занимаюсь рыболовством, но таких крупных лещей никогда еще не видел. Внимание русских рыбаков привлекли таймени, особенно один из них, длина которого превышала один метр. Как только он не разорвал сеть! Таймень ведь мощная рыба. Рыба досталась всем – даже тем башкирам, которые с берега наблюдали за этой ловлей. До сих пор меня удивляет Бохмашский омут, начинающийся с Исяня и продолжающийся до Яззаварского брода («Яззауар кисеуе»). Все рыбаки – как любители, так и браконьеры – устремляются сюда и ловят рыбу: одни – удочкой, другие – сетью или неводом, третьи – острогой, а некоторые даже используют взрывчатку. Вы сами знаете, немало рыбы ловят летом туристы, большинство которых останавливаются у этого плеса на несколько дней. Может быть, Исяняй в самом деле без дна, как о том свидетельствует предание, бытующее до сих пор среди местных башкир. Разумеется, вряд ли камень, привязанный к семи вожжам (*дилбегэ*), не достиг дна омута под отвесной скалой Исяняй – мотив этот легендарный, однако сохранение в памяти местных жителей такого рода предания любопытно.

Во время этнографической поездки 1976 г. в д. Старохалилово Мечетлинского района нам рассказывали о том, как в 40-е годы к ним приехали русские рыбаки из Челябинской области и с помощью местных жителей ловили рыбу на реке Ай. Они спускались от д. Старохалилово, вынимая невод на удобных местах, и дошли до д. Абдрашитово. «Улов был отменный, состоял из одних крупных голавлей, лещей, щук, налимов и другой рыбы. Приезжие рыбаки увезли свой улов на четырех телегах и частью его поделились с нами»¹, – вспоминали башкиры. В связи с этим представляет интерес следующий материал. «Примерно лет 20 тому назад мы ловили рыбу на Сакмаре, – рассказывал житель д. Янтышево (Хайбуллинский р-н) Гумер Габидуллович Нагаев (60 л.). – Всего лишь один раз прошли неводом по омуту, находящемуся почти рядом с нашей деревней, и поймали много рыбы (6 ц.). Рыба досталась всем: и нам – рыбакам, и жителям, присутствовавшим при этом».

Перейдем к ихтиофауне озер. В вышеупомянутом архивном документе в качестве озерной рыбы упоминаются «лини, лещи, окуни, судаки, караси, шуки, язи и разные

¹ Полевые записи автора 1976 г.

сорта мелкой рыбы»¹. Здесь тоже обнаруживается большое разнообразие рыб. Вот конкретный пример. Только в одном озере Тургойк (западный склон Ильменских гор) обитало 14 видов рыбы, в том числе редкие – форель, рипус, чудский сиг и др.².

Рыб было особенно много в башкирских озерах, арендованных в большей части русскими рыбопромышленниками. «Несмотря на все злоупотребления и безрассудное вылавливание, – писал известный ихтиолог Л. П. Сабанеев, – рыбы все еще много, что доказывается уловами и довольно низкими ценами»³. Главную причину быстрого размножения и развития озерной рыбы в Зауралье исследователи объясняли несколькими факторами, совершенно разными по своему характеру. Так, Л. П. Сабанеев причину этого явления видел в «обилии питательных веществ» в самой воде: «Главную пищу ершей, окуней и отчасти чебаков составляет небольшой рачек «мормыш» [*Gammarus*], в некоторых озерах водящийся в таком количестве, что сети, оставленные на ночь, им буквально съедаются»⁴. А по мнению В. И. Вишнякова, интенсивному росту рыбы в зауральских озерах способствовала «лавда», состоящая из плавучих камышей и других водных растений и курсирующая с места на место по всему водоему⁵. В этой связи представляет интерес и тот дрейфующий остров, который видел Р. Ахмедов на озере Ургун в Учалинском районе Башкортостана. «Двадцать метров оставалось до диковинного острова, десять, пять... Лодка приткнулась бортом к неровному растительному берегу, и только тогда меня осенило: сплавина! Да, это был внушительных размеров плавучий остров, сплетенный из отмерших и живых растений, самостоятельное биологическое существо, ведущее странствующий образ жизни. Обычно эти острова зарождаются в прибрежной зоне в длительном процессе зарастания водной растительности и накопления на поверхности неразложившегося органического материала, достигая иногда значительной толщины. Сплавина способна выдержать на себе тяжесть не только человека, но и такого крупного зверя, как лось. Держится она всегда близ берега, иногда же сильным ветром и волнами ее может вынести в любую часть озера, куда после вынужденного дрейфа опять не приткнется к берегу»⁶.

В деревне Шарипово Благовещенского района Башкортостана нами были получены сведения об острове, покрытом лесной растительностью и плавающем по соседнему озеру при ветре⁷. «Лавды», тем более «острова», являлись удобным местом для рыб, куда они скрывались при охоте на них. «Такие лавды представляли отличное убежище для рыбы, – отмечал В. И. Вишняков, – которая не может быть совсем выловлена, что в небольших озерах, при жадности арендаторов, случается очень часто»⁸. И действительно, рыбы было очень много во всех озерах с пресной водой. «Лет десять назад, – писал Л. П. Сабанеев, – в одну тоню вытаскивали до 5 000 пудов (озеро

¹ Архив РГО. Ф. 26. Ед. хр. 19.

² Кисловский С. В. В царстве камня // Глобус. Л., 1978. С. 45.

³ Сабанеев Л. П. Очерки Зауралья... С. 36.

⁴ Там же.

⁵ Вишняков В. И. Рыболовство и законодательство. СПб, 1894. С. 89.

⁶ Ахмедов Р. Слово о реках, озерах и травах. Уфа, 1988. С. 282–283.

⁷ Полевые записи автора 1980 г. С. 2.

⁸ Вишняков В. И. Рыболовство... С. 89.

Маян и др.), да и теперь во многих башкирских озерах Кыштымско-Каслинской дачи нередко вытаскивается до 15–20 коробов (в каждом до 70–80 пудов рыбы), и даже в маленьких озерах редкая тonya бывает менее 100 пудов»¹.

В озерах в основном водились карась, окунь, чебак, щука и ерш. Интересно и то, что в некоторых озерах встречался только один вид рыбы. Например, такие озера, как Узкое (*Тар күл*) и Глухое (*Караңғы күл*), были населены лишь щуками². Иловатые озера, наоборот, изобиловали линиями и карасями, а в проточных ловили налима, язя и ельца. Для озерных рыб, как и для речных было характерно то, что особи большинства видов рыб были гораздо крупнее, чем те рыбы, которые обитают в этих озерах в настоящее время. Например, попадались «окуни в 10–12 фунтов», а пудовые и даже двухпудовые щуки не составляли особую редкость; местами вылавливали еще более крупных щук³.

Кстати, такая же картина наблюдалась и на озерах, находящихся на территории Башкирии. А. Игнатович, в частности, отмечал, что в озерах Култабан и Талкас «очень часто встречаются щуки длиной в 2 аршина»⁴. Щуки крупных размеров были зафиксированы Р. Ахмедовым в озерах Асылыкуль и Кандрыкуль⁵.

Разумеется, исходя из сказанного нельзя делать вывод, что крупные рыбы водились только в озерах. Реки нисколько не уступали им, если вообще не превосходили озера по количеству рыбы. О тайменях крупных размеров, обитавших в реках Южного Урала, упоминают, например, С. Т. Аксаков, Л. П. Сабанеев, В. В. Крубер, Ф. Кунилов, С. В. Кириков и Х. Я. Тахаев⁶. «Красуля* достигает огромной величины, — отмечал С. Т. Аксаков, — мне принесли однажды красулю, пойманную в маленькой речке, куда она зашла по мутной весенней воде; она весила двадцать семь фунтов...»⁷. По Х. Я. Тахаеву, вес тайменя был от 30 до 60 кг⁸.

Обитание форелей внушительных размеров было зафиксировано на р. Инзер Л. Бергхольцем⁹. Касаясь величины этой красивой рыбы, С. Т. Аксаков замечает в своей книге, что он «видел «пестряка»** в семь фунтов, убитого острогой»¹⁰.

¹ Сабанеев Л. П. Очерки Зауралья... С. 35.

² Россия. Полное географическое описание нашего отечества. Настольная и дорожная книга / Под ред. В. П. Семенова Тян-Шанского. Т. V: Урал и Приуралье. СПб., 1914. С. 128.

³ Там же.

⁴ Игнатович А. Башкирская Бурзянская волость // ОГВ. 1862. № 7. С. 30.

⁵ Ахмедов Р. Слово о реках... С. 215–240.

⁶ Аксаков С. Т. Записки... С. 354–355; Сабанеев Л. П. Серебряные зеркала: жизнь и ловля (уже-ные) наших пресноводных рыб. Уфа, 1988. С. 152–161; Крубер В. В. Оренбургская Башкирия... С. 32; Кунилов Ф. Таймень // Уральский охотник. 1930. Май. С. 29–32; Тахаев Х. Я. Башкирия... С. 70; Кириков С. В. В лесах и степях Южного Урала. Путевые записки зоогеографа. М., 1953. С. 18, 67–68 и др.; Ахмедов Р. Слово о реках... С. 31, 59, 123, 136 и др.

* Местное название тайменя.

⁷ Аксаков С. Т. Записки... С. 855.

⁸ Тахаев Х. Я. Башкирия... С. 70.

⁹ Бергхольц Л. Горные башкиры-китайцы... С. 80.

** Так местами раньше называли форель.

¹⁰ Аксаков С. Т. Записки... С. 356.

Привлекают внимание размеры и остальных рыб. Так, в р. Сакмаре раньше встречались сомы, «достающие до шестнадцати четвертей»¹. По С. Т. Аксакову, «пятифунтовые язи», «четырнадцатифунтовые голавли» и «восемнадцатифунтовые жерехи» были обычным явлением для ихтиофауны Оренбургского края². Поражали своими размерами также щуки и налимы, повсеместно встречающиеся в водоемах Башкирии. Их вес колебался между пятнадцатью и тридцатью фунтами³.

Породы рыб, обитавших в водоемах края, различались по ценности их мяса. «Река Белая обильна рыбою всякого рода, — сообщает один из официальных источников, — замечательная в ней более ей свойственная с притоками хариусы и кутема, в большом количестве ловится и белая со стерлядь, нередко попадетса осетр и лох»⁴. По вкусовым качествам мяса южноуральская рыба высоко ценилась за пределами башкирского края. «Белая рыбица, — подчеркивал П. И. Рычков, — в Яике-реке изредка, а больше в Волге и в Белой, впадающей в Каму, тако ж и в Каме-реке, которые вкусом предпочитаются волжским»⁵.

Впрочем, говоря о вкусовых качествах южноуральской рыбы, не обязательно их видеть только в редких рыбах. По вкусу мяса обычные рыбы хотя и несколько уступали им, тем не менее в целом рыбы башкирской ихтиофауны ценились за пределами Оренбургской губернии. Не случайно высоко отзывались о рыбах края Н. Витсен, С. Т. Аксаков, П. И. Рычков, участники академических экспедиций — П. С. Паллас и И. И. Лепехин, Н. Попов, Н. Казанцев, Л. П. Сабанеев, В. В. Крубер, Д. П. Никольский, Л. Бергхольц, С. И. Руденко и многие другие исследователи нашего края. Многие из них высокое качество мяса рыбы объясняли тем, что вода чистая и прозрачная, с одной стороны, и обилием разнообразного корма для рыб — с другой. Однако мы не можем утверждать, что от указанных факторов могли быть и отклонения, тем не менее рыбы здесь имели мясо превосходного качества. Это доказывается сведениями литературных источников XIX в. «Недалеко от дому протекала очень рыбная и довольно сильная река Уршак, — отмечает С. Т. Аксаков, — на которой пониже деревни находилась большая мельница с широким прудом, но и река мне не понравилась, во-первых, потому, что вся от берегов проросла камышами..., а во-вторых, потому, что вода в ней была горька, и не только люди ее не употребляли, но даже и скот пил неохотно. Впрочем, горьковатость воды не имела дурного влияния на рыбу, которой водилось на Уршаке множество и которую находили все очень вкусно»⁶.

На вкусовые качества мяса рыб влияли и влияют не только чистая и прозрачная вода, но и другие природно-климатические условия. К ним следует отнести такие факторы, как температура воды и род грунта там, где течет река. Не меньшую роль в процессе роста рыбы играли прибрежная растительность и травяной покров

¹ *Игнатович А.* Башкирская Бурзянская волость... С. 32 (№ 7).

² *Аксаков С. Т.* Записки... С. 327, 330, 353.

³ Там же. С. 347–350, 360.

⁴ Река Белая // ОГВ. 1846. № 33. С. 380.

⁵ *Рычков П. И.* Топография Оренбургской губернии. Уфа, 1999. С. 154. Кстати, судя по некоторым литературным источникам, р. Белая получила свое название из-за белой рыбы, водившейся здесь в большом количестве в нижнем и среднем ее течении (см.: «Река Белая... С. 380).

⁶ *Аксаков С. Т.* Сергеевка // Собр. соч. М., 1986. Т. I. С. 321.

на дне водоема, не говоря уже о других факторах. Все это обстоятельно описано С. Т. Аксаковым¹ и Л. П. Сабанеевым².

К середине XIX в. наблюдается интенсивный рост численности ценных пород рыб. Газета «Оренбургские губернские ведомости» сообщала, что «лов белой рыбы в реках Белой и Уфе день ото дня увеличивается (был сентябрь. – М. М.). Уфимцы смотрят уже довольно равнодушно на этих серебристых рыб, которые продаются в настоящее время от 40 до 60 коп. серебром за штуку, имея вес от 15 до 60 фунт.»³

Какова же ситуация сегодня? В настоящее время в Башкортостане насчитывается более 40 видов рыб, которые объединяются в 9 отрядов⁴. Самым многочисленным из них является отряд карпообразных (Cypriniformes). Сюда относятся: елец (*Leuciscus leuciscus*), голавль (*L. cephalus*), язь (*L. idus*), плотва (*Rutilus rutilus*), голянь речной (*Phoxinus phoxinus*), красноперка (*Scardinius erythrophthalmus*), жерех (*Aspius aspius*), верховка (*Leucaspis delineatus*), линь (*Tinca tinca*), подуст (*Chondrostoma nasus*), пескарь (*Gobio gobio*), уклейка (*Alburnus alburnus*), быстрянка (*Alburnoides bipunctatus*), густера (*Blicca bjoerkna*), лещ (*Abramis brama*), белоглазка (*A. sapa*), си-нец (*A. ballerus*), чехонь (*Pelecus cultratus*), карась золотой (*Carassius carassius*), карась серебряный (*C. auratus gibelio*), сазан (капн) (*Cyprinus carpio*), вьюн (*Misgurnus fossilis*), голец (*Nemachilus barbatulus*), шиповка обыкновенная (*Cobitis taenia*) и шиповка сибирская (*C. granoei*). Следующий отряд – окунеобразных (Perciformes), в который входят окунь (*Perca fluviatilis*), ерш (*Acerina cernua*), судак (*Stuzostedion lucioperca*), берш (*S. volgensis*). Два отряда составляют ценные рыбы. Из них в отряд осетрообразных (Acipenseriformes) входят стерлядь (*Acipenser ruthenus*) и очень редко встречающийся в р. Белой русский осетр (*A. guldenstadti*), а в отряд лососеобразных (Salmoniformes) – хариус (*Thymallus thymallus*), форель (*Salmotrutta morpha fario*), таймень (*Hucho taimen*), рипус (*Coregonus albula ladogensis*) и сиг (оз. Банное) (*C. lavaretus maraenoides*). Самыми малочисленными являются отряды щукообразных (Esociformes), сомообразных (Siluriformes), трескообразных (Gadiformes), колюшкообразных (Gasterosteiformes) и скорпенообразных (Scorpaeniformes). Первый из них представлен щукой (*Esox lucius*), второй – сомом (*Silurus glanis*), третий – налимом (*Lota lota*), четвертый – колюшкой (*Pingitius platygaster*), пятый – подкаменщиком (*Cottus gobio*)⁵.

Какие виды рыб из этого списка обитают в настоящее время в наших водоемах? Сохранились ли ценные породы? Если да, то где? Скажем прямо – рыб в наших водоемах теперь стало меньше. Очень редко встречаются таймень и белорыбца, и то лишь в р. Белой. В горных речках сократилась и популяция хариуса и форели (причины этого будут специально рассмотрены ниже). Подводя

¹ Аксаков С. Т. Записки... С. 261–401.

² Сабанеев Л. П. Рыбы России: жизнь и ловля (ужение) наших пресноводных рыб. СПб., 1911.

³ Местные известия // ОГВ. 1846. № 42.

⁴ Животный мир Башкортостана / Под ред. проф. М. Г. Баянова и проф. Е. В. Кучерова. Уфа, 1995. С. 201.

⁵ См.: Животный мир Башкортостана... С. 201–203.

итог, хочется особо подчеркнуть, что для развития рыболовства в крае имелись все возможности: и богатые разнообразной рыбой водоемы, и людские ресурсы. Как развивалось рыболовство и какова была его технология? Какие процессы этнокультурного взаимодействия наблюдались при этом? Об этом будет рассказано в следующих главах.

Глава 3

АРХАИЧНЫЕ СПОСОБЫ РЫБОЛОВСТВА

Из применявшихся у башкир приемов рыболовства наиболее примитивной являлась **ловля рыбы руками**. Во время весеннего половодья и быстрого течения реки рыба устремлялась в укромные места, которые со спадом воды в реках оставались отрезанными от русла реки. В таких ямах (*сокор-сакыр*) жители прибрежных селений ловили рыбу (особенно щуку, язя и голавля) руками.

Впрочем, указанный способ рыболовства практиковался и в летнее время. В жару, особенно в засушливые годы, большинство горных речек и родников пересыхали; вода сохранялась лишь в так называемых «бочагах» (неглубоких ямах). Вот в них и укрывалась речная рыба – хариус и форель. Некоторые жители горных деревень без особого труда ловили рыбу в бочагах*. Разумеется, чтобы найти подобные ямки, рыбакам приходилось проходить вдоль рек немалое расстояние. Естественно, башкиры во время сенокоса не могли использовать для рыбной ловли столь трудоемкий способ. Этим занимались лишь заядлые рыбаки.

Некоторые башкиры, особенно в Зауралье, занимались рыбной ловлей во время сильного ветра. Тогда на пологий берег озера волны выбрасывали рыбу, а взрослые и дети собирали ее в корзины или мешки¹. Такой способ встречался у башкир, живших главным образом по берегам озер Асылыкуль и Кандрыкуль² (запад Башкортостана), Талкас и Култубан (восток республики), а также в Учалинском районе³.

Не менее архаичным и простым по технике является следующий способ рыбной ловли. Во время летней жары рыба обычно скапливалась в прибрежных ямках или пряталась под корягами. Опытный рыбак уже знал, где может скрываться рыба и как к ней незаметно подкрасться. Обнаружив под корягой рыбу, он мгновенно хватал ее за жабры и выбрасывал на берег. Об этом способе рыболовства у башкир упоминает

* В этой связи расскажем об одном интересном случае. В конце 40-х годов прошлого столетия после сенокоса мы с отцом отправились домой. Тропа шла по лесным дебрям под гору. Вскоре мы очутились на берегу речки Майгашта. Воды в ней было мало, местами она почти пересохла. То здесь, то там виднелись лишь ямки с чистой холодной водой, соединяющиеся друг с другом еле заметными протоками; ямки были полны рыбы. Мы с отцом стали ловить ее руками и выбрасывать на берег. Хариусы своим видом напоминали хомутовые клещи (традиционная мера для определения величины хариуса крупного размера. – М. М.).

¹ Полевые записи автора 1971 г. С. 81; 1972 г. С. 7; 1977 г. С. 25; 1997 г. С. 9.

² Полевые записи автора 1982 г. С. 57.

³ Там же; Полевые записи автора 1997 г. С. 86.

в своей книге и С. В. Кириков. «[Сагадей] сказал, что в речке Апшак* водятся «багры» – пеструшка (форель), и в жаркие летние дни он ловит их руками под корягами, куда прячутся, если взболтать воду и напугать рыбу»¹. Ясно, что ходить по холодной воде, и тем более ловить руками рыбу было нелегко. «Родниковая вода, – подчеркивает другой автор, Н. Крашенинников, – не позволяет там ходить босиком, и рыбаки бродят не только одетыми, но и в сапогах или в замотанных в онучи лаптях»². Существовала и другая опасность: в жаркие летние дни сюда устремлялись змеи. «Впрочем, – пишет упомянутый автор, – кроме ледяной воды боязнь быть укушенным медянками и другими ядовитыми змеями, густо кишачими по таким речкам, заставляет бродильщиков обуваться тщательнее»³.

Надо еще сказать, что количество выловленных особей не превышало естественных потребностей рыболова и его семьи.

Для ловли налима, которым изобиловали реки Ик, Дема, Большой и Малый Инзер, Урюк, Белая, Уфа, Урал и их притоки, рыбаки выбирали жаркий безветренный летний день, когда эта рыба становилась вялой и малоподвижной. На ловлю обычно выходили в послеобеденное время по 2–3 человека и шли вдоль ширины реки. Подойдя к какому-нибудь плоскому камню, его приподнимали или осторожно передвигали. Находящаяся под ним рыба бросалась в сторону, но не далеко от прежнего места. Тем временем рыбак бесшумно заходил к налиму со стороны хвоста и, уловив удобный момент, хватал его обеими руками за жабры. Если же на пути рыбаков попадались массивные камни, а также затонувшее дерево, то они внимательно осматривали все щели, где могли прятаться особи. Если налим залегал в недоступном месте, применяли острогу (*налдау*).

Труднее было ловить рыбу (налима и сома), скрывавшуюся в плесах и омутах (*ятыу*), глубина которых иногда доходила до трех и более метров. В этом случае от рыболова требовалось большое умение.

Конечно, ловлей рыбы голыми руками занимались не только башкиры. Этот способ был известен венграм, исторически тесно связанным с башкирами⁴, украинцам и белорусам⁵. Вот что сообщает в этой связи о дунайских болгарх Е. Н. Водовязова: «Чтобы иметь подспорье в домашнем хозяйстве, рыбу ловят везде, где существует вода, самыми разнообразными способами..., но большинство просто ловят ее руками. Таким первобытным способом более всего ловят сомов...»⁶. О ловле форели руками в горных речках Румынии рассказывал нам покойный языковед А. Г. Бишнев,

* Нам не понятно, почему некоторая часть русского населения Бурзянского района так называет эту речку; испокон веков она называлась Апкя.

¹ Кириков С. В. По Южному Уралу и Башкирии. М., 1989. С. 31.

² Крашенинников Н. Амеля. М., 1981. С. 171.

³ Там же.

⁴ См.: Народы зарубежной Европы / Под ред. С. А. Токарева, Н. И. Чебоксарова. М., 1964. Т. 1. С. 689.

⁵ Зеленин Д. К. Восточнославянская этнография. М., 1991. С. 100.

⁶ Водовязова Е. Н. Жизнь европейских народов. Жители юга. СПб, 1887. Т. 1. С. 143.

который проходил военную службу вместе с румынскими солдатами*. Его слова подтверждаются литературными источниками. «В горных речках, – читаем в одном из них, – фореля, усача и раков ловили просто руками»¹. Аналогичные примеры можно привести и по другим народам, но мы ограничимся этими фактами. Обилие рыбы раньше, с одной стороны, несложная технология рыболовства – с другой, делали данный способ рыбной ловли широко распространенным.

Ловле рыбы голыми руками способствовала сама природа: весеннее половодье и резкое понижение уровня воды в реках летом. Иногда некоторые рыболовы, воспользовавшись этим моментом, перегораживали небольшие потоки воды примитивными плотинами и пускали воду по новому руслу. А оставшуюся там рыбу потом собирали. Впрочем, к такому приему прибегали местами и башкиры. «Жители соседней деревни**», – отмечал С. В. Кириков, – время от времени запруживали новое русло*** и пускали воду по старорестью, выбирая рыбу в обмелевшей речке. То же самое решили сделать и мы... втроем устроили плотину из дерна и земли и пустили воду по старорестью, вода быстро уходила, и вскоре заплескались на мели форели и ельцы, а налимы и гольцы, оставшиеся в колдобинах, пытались прятаться под камнями»². Данный опыт ловли рыбы практиковался местами в горной зоне до недавнего времени.

Сюда же относится способ ловли рыбы, применявшийся летом у башкир-усерган. Выбрав удобное место на р. Ускалик, где глубина воды была не более 10–15 см, они перегораживали речной поток булыжником, оставив узкий проход. Несколько человек гнали рыбу ветками или палками по течению реки к этому проходу, по обеим сторонам которого стояло по одному рыболову, которые вылавливали ее руками или вычерпывали вместе с водой и выбрасывали ее на гальку. По информации Раиса Рахимьяновича Кутушева, уроженца д. Умбетово (Зианчуринский р-н), так ловили рыбу его односельчане еще в 60-е годы XIX века.

Ловля рыбы голыми руками – архаичный способ рыболовства, сохранившийся до наших дней. Такого мнения придерживаются многие исследователи традиционного хозяйства, в частности С. А. Семенов³.

Ловили башкиры рыбу и **с помощью петли** (*маскәү*). Несомненно, в техническом отношении данный способ рыболовства был гораздо производительнее, чем лов руками. Судя по нашим сведениям, сам снаряд состоял из удилища и петли. По данным С. И. Руденко, башкирское удилище (*кыуал*) представляло собой «палочку около метра длиной с развилкой на конце»⁴. Однако заметим, что оно могло быть и длиннее, до 2 м. Такое удилище, как утверждали местные рыбаки, было гораздо удобнее, чем короткое, ибо рыба не сразу замечала человека. Для удилища более

* Устное сообщение А. Г. Бишшева.

¹ Народы Зарубежной Европы... С. 623.

** По-видимому, речь идет о д. Кирдас (совр. Абзелиловский р-н Башкортостана).

*** Имеется в виду р. Кирдас (приток р. Большой Кизил).

² Кириков С. В. В лесах и степях Южного Урала. Путевые записки зоогеографа. М., 1953. С. 77.

³ Семенов С. А. Развитие техники в каменном веке. М., 1968. С. 324–325.

⁴ Руденко С. И. Башкиры. Опыт этнологической монографии. Быт башкир // Записки РГО. Пг., 1925. Т. 43. Вып. 2. С. 32.

подходящим материалом считались береза или черемуха, отличающиеся от других пород дерева прочностью и гибкостью. К нему привязывали леску из конского волоса в виде петли. Во время охоты петля расправлялась. Ловля рыбы ею производилась летом, обычно в полдень или позднее, то есть тогда, когда рыба грелась на солнце¹. Практиковалась и ночная рыбалка², чаще всего в лесостепной зоне.

С помощью петли башкиры преимущественно ловили речную рыбу. Некоторые информаторы сообщали нам о ловле рыбы петлей под прозрачным льдом. Однако если не брать во внимание исследования С. И. Руденко, то в этнографической литературе о башкирах мы не нашли таких сведений.

Нам приходилось участвовать в ловле рыбы с помощью петли. Это чрезвычайно интересное занятие, требующее умения и сноровки. Яркое описание его дает С. И. Руденко: «Рыболов, высматривая спокойно стоящую рыбу, подводил под нее петлю, подсекал и выбрасывал на берег»³. Судя по литературным источникам, основными объектами рыбной ловли таким способом были «пеструшка, форель, шурята»⁴. Естественно, перечень рыб, которых ловили башкиры с помощью петли, не ограничивался указанными видами. На основании литературных и полевых материалов сюда можно включить хариуса, тайменя и особенно щуку⁵. Кстати, последняя особо почиталась башкирами. Весть о пойманной рыбаком щуке немедленно распространялась по всей деревне. Эта рыба неоднократно упоминается и в памятниках народного творчества башкир, в том числе в эпосе «Урал-батыр»⁶. С щукой связаны многие легенды и предания⁷. Кроме башкир, почитание щуки как особого водного существа наблюдается у сибирских татар и демьянских хантов⁸. На наш взгляд, это, по-видимому, объясняется этническими связями предков указанных народов. Ведь не случайно обнаруживается сходство в названиях рыбы «суртан» у башкир, «цартан» у сибирских татар и «царт» у демьянских хантов.

Теперь вернемся к затронутому выше вопросу. Несложная технология рыболовства делала ловлю рыбы с помощью петли самым популярным занятием в крае, особенно в его горной части. «Рыбную ловлею занимаются не только мужчины, – подчеркивал Д. П. Никольский, – но и женщины»⁹.

¹ Полевые записи автора 1975 г. С. 5; 1976 г. С. 2, 6; 1983 г. С. 31; Полевые записи М. Г. Ахмедьянова 1982 г. С. 44.

² Дети гор и лесов. Очерк быта и нравов башкирцев // Волжский вестник (газ.). Казань. 1885. 23 авг. (№ 201).

³ Руденко С. И. Башкиры... 1925. С. 32.

⁴ Там же. С. 32.

⁵ Полевые записи автора 1994 г. С. 25; 1997 г. Тетр. № 4, С. 9; 2000 г. С. 13; 2004 г. С. 69.

⁶ См.: Урал-батыр. Башкирский народный эпос / Пер. Г. Шафикова. Уфа, 1981. С. 16.

⁷ Впрочем, на эту особенность в мировоззрении башкир указывает и писатель Р. Ахмедов (См.: Ахмедов Р. Слово о реках, озерах и травах: лирическая повесть. Уфа, 1988. С. 220–223).

⁸ См.: Адаев В. Н., Рахимов Р. Х. Тюркско-угорские параллели в традиционных промыслах // Тюркские народы: Материалы V Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири» (9–11 декабря 2002 г., Тобольск). Тобольск; Омск, 2002. С. 249.

⁹ Никольский Д. П. Башкиры. Этнологическое и санитарно-антропологическое исследование. СПб., 1899. С. 97.

Разумеется, ловили рыбу петлей не только башкиры, но и другие народы края. Применяли этот способ также и русские рыбаки. Так, например, по сведениям того же С. В. Кирикова, лесничий Вознесенского бора Михаил Степанович на Салазе ловил петлей тайменей, «как шук». «Попадались такие крупные, – вспоминает лесничий о своей рыбалке в молодости, – что их приходилось на кукон вешать на луку седла»¹. За пределами Южного Урала аналогичный способ ловли рыбы отмечен в Сибири у чулымских тюрков², челканцев³, кумандинцев⁴, а также у эвенков и казачьего населения Семипалатинской области⁵.

Тем не менее, говоря о ловле рыбы с помощью петли в целом, мы не должны обойти вниманием и местные особенности. Так, например, рыбаки некоторых башкирских волостей умели ловить рыбу в озерах и омутах, имеющих достаточно большую глубину. В частности, судя по словам рыбака-любителя Нугумана Шагибаковича Валиева (48 л.), живущего в районе озера Яктыкуль, в данном случае башкиры прибегали к «помощи» самой рыбы. В качестве приманки использовали, например, живого самца щучьих, которого водили взад и вперед с помощью специального шеста (*шыга*) длиной в 1,5–2 м. В период нереста щуки держались возле самца. Как только щука подходила к рыбе-приманке, ее захватывали петлей, привязанной к другому шесту. Описанный способ ловли рыбы современному местному населению известен под названием *шыга-ятыу*, что означает лов рыбы, лежа на льду с помощью петли через прорубь. Поскольку речь идет о самобытной технике ловли рыбы, то подробнее остановимся на основных атрибутах данного способа рыболовства.

Прорубь (*мәке*) вырубалась в виде конуса, расширяющегося книзу. Это позволяло рыбаку вести наблюдение за рыбами относительно в широком радиусе. Шест, предназначенный для того, чтобы водить самца по воде, имел на конце расщепление с выемками для рыбы-приманки. Закрепив рыбу в выемке, концы расщепления скреплялись веревкой. Рыба-приманка хотя и имела возможность двигаться, уже не могла освободиться, поскольку вперед ее не пускала бечевка, привязанная одним концом к палке, а другим – к самой рыбе. В то же время она не могла двигаться назад, поскольку ей мешали плавники. Чтобы самец не утащил шест, к верхнему его концу прикреплялась поперечина, лежавшая поверх проруби. Аналогичную форму имел и другой шест^{**}. Данный способ рыболовства кратко описан в монографии С. И. Руденко⁶.

* Приток р. Каны.

¹ Кириков С. В. В лесах и степях... С. 18.

² Тюрки таежного Причулымья. Популяция и этнос. Томск. 1891. С. 37–38.

³ Бельгибаев Е. А. Материалы по традиционному рыболовству челканцев // Тюркские народы... С. 415.

⁴ Назаров И. И. Новые материалы по традиционному рыболовству кумандинцев // Народная культура Сибири: научные поиски молодых исследователей. Омск, 2001. С. 50.

⁵ Василевич Г. М. Эвенки. Историко-этнографические очерки. М., 1969. С. 83; Она же. Эссеиско-чирингдинские эвенки // Сб. Музея антропологии и этнографии. М.; Л., 1951. Т. 13. С. 158; Герасимов Б. Заметки о пчеловодстве // Записки Семипалатинского отдела РГО. Семипалатинск, 1917. Вып. XI. С. 42.

** Устное сообщение Н. Г. Валиева (см.: выше).

⁶ Руденко С. И. Башкиры. Историко-этнографические очерки. М.; Л., 1955. С. 93

Примерно с 50-х годов башкиры в качестве лески для «мяскяу» стали применять стальную проволоку. Несомненно, этому способствовала близость чугунолитейных и железоделательных заводов, располагавшихся преимущественно на территории Среднего и Южного Урала.

Осенью вода в реках и озерах становится холодной и прозрачной. Рыба в это время собирается в удобные места и ложится в ночную спячку. Это самый подходящий момент для **лучения рыбы**. Ловля рыбы острой ночью (*сыракка төшөү*) у башкир упоминается в трудах И. Казанцева, В. М. Черемшанского, Д. П. Никольского, Л. Бергхольца, С. И. Руденко, В. В. Богданова¹ и ряда других исследователей. Лучение рыбы получило распространение особенно после заселения в башкирский край горнозаводского населения. Под влиянием русских у башкир появилась более совершенная рыболовная снасть: железные светцы и устойчивые в воде плоскодонные лодки. «Страсть к подобного рода охоте у некоторых башкир так велика, — отмечал Д. П. Никольский, имея в виду активное распространение лучения рыбы среди населения, — что они после тяжелой работы на заводе, нисколько не отдыхая, спешат на охоту, на которой и проводят почти всю ночь»². И действительно, даже в наше время они не могут отказаться от дедовского занятия, а люди старшего поколения с удовольствием рассказывают, как они лучили рыбу в прошлом. Лучение рыбы у башкир привлекало внимание и дореволюционных ученых-этнологов. «В наиболее примитивном виде, — писал С. И. Руденко, — лучение встречается в горной Башкирии. Там в горных ручьях и речках, отличающихся удивительной прозрачностью вод, бьют рыбу просто палкой, с заостренным, наподобие долота, концом. Чаще, впрочем, для этой цели пользуются узенькой деревянной лопаточкой (*калак*)»³.

Поскольку лучение рыбы осуществлялось в ночное время, то каждый рыбак в первую очередь заботился о топливе. В качестве такового во многих местах Башкирии служила береста (*туз*). Ее башкиры чаще всего брали из валежника или же с сухостойных берез⁴. Такая береста была более экономичной и дольше горела. Рыбаки заготавливали ее еще летом, чтобы к осени она могла высохнуть⁵.

В горной зоне, особенно там, где в лесах преобладала сосна, при лучении рыбы преимущественно использовалась лучина (*сырак*), которую изготавливали из обугленных сосновых пней и корней. В силу того что смола предохраняла древесину от

¹ Казанцев И. Описание башкирцев. СПб., 1867.; Черемшанский В. М. Описание Оренбургской губернии в хозяйственно-статистическом, этнографическом и промышленном отношениях. Уфа, 1859. С. 454; Никольский Д. П. Башкиры... С. 97.; Лев фон Берггольц. Горные башкиры-кайцы // ЭО. М., 1893. № 3. С. 80–83; Руденко С. И. Башкиры... 1925. С. 30–33; Богданов В. В. Башкиры // Архив РАН. СПб., отд. Ф. 849. Оп. 6. Ед. хр. 42. С. 21–22.

² Никольский Д. П. Из поездки к лесным башкирам // Землеведение. 1893. Т. 2. Кн. 4. С. 43.

³ Руденко С. И. Башкиры... 1925. С. 30–33.

⁴ С-н Ф. Очерк лесной промышленности Орского и Оренбургского уездов // Лесной журнал. СПб., 1897. Т. 27. Вып. 6. С. 1124–1125; Муллагулов М. Г. Лесные промыслы башкир. Уфа, 1994. С. 30.

⁵ Полевые записи автора 2004 г. С. 12; 2005 г. С. 77.

гниения, сосновые корни сохранялись под землей веками. В летний период большинство рыбаков заготавливали смолу (*сайыр*), а также лучины¹.

Однако обугленные сосновые пни имелись лишь там, где когда-то росли многовековые хвойные леса. Поэтому местами, особенно на западном склоне Южного Урала, в качестве источника освещения воды рыбаки использовали сухие липовые корни.

«Несколько человек, – писал С. И. Руденко, – идут в воде с лопатками, а остальные с мешками за плечами, наполненными берестяными и смоляными факелами (*сырак*), идут несколько впереди у берегов и освещают реку. Как только рыболов увидит рыбу, факелы отводятся в сторону. Факелы держат в руках также некоторые из рыболовов. Лопаткой этой, как и острогой, бьют в позвоночник возле головы; ею или перебивают позвоночник, или рыба просто пересекается на две части. Разумеется, лопаткой удачно бьют рыбу, только лежащую на дне или стоящую близко ко дну»².

Несколько иная была форма лучения рыбы у жителей бассейна вышеупомянутой реч. Бетеря. Так, на ночную рыбалку выходила группа в составе 3–4 человек. Все они шли по ширине речки и держали в руках двухметровые палки с вилообразными концами, а на верхних же концах горела береста. Кроме того, каждый из них был вооружен острогой с металлическим наконечником, а по бокам их висело по два мешочка (*токсай*), в одном из них находились свернутые в трубку куски бересты, а другой был предназначен для рыбы. Как только рыбак замечал крупную рыбу, он тут же ставил свою палку вилообразным концом на ногу выше колена и бил острогой увиденную рыбу³.

При лучении рыбы в плесах и омутах, особенно в «*ятавах*» (от общетюркского слова «*ятыу*», то есть «большой омут»), а также в глубоководных озерах рыбаки пользовались лодкой. Раньше в качестве таковой служила обычная долбленка⁴. Живое описание такой охоты на рыб находим в известной монографии В. М. Черемшанского «Описание Оренбургской губернии...»: «Рыболовство острогою производится в реках и озерах следующим образом, – отмечает он, касаясь лучения рыбы в крае, – два человека садятся в небольшую лодку, на носу которой укрепляется *коза* (железная решетка) для дров, зажигаемых во время рыболовства. Дрова для этого употребляют преимущественно сосновые – сухие и подкладывают их во все продолжение ловли понемногу. Один рыболов, стоя на ногах в носу лодки, настороженно высматривает впереди себя рыбу, а другой управляет на корме лодкой, и таким образом плывут они неподалеку от берега. Как скоро при свете огня рыболов заметит стоящую рыбу, то мгновенно ударяет

¹ Муллагулов М. Г. Указ. соч. С. 30. Кстати сказать, на обложке нашей книги «Лесные промыслы башкир» (2000 г., на башк. яз.) запечатлены заготовки смолы во время отдыха. Один из них – Гизитдин Гильмитдинович Муллагулов, 1910 г. р., а второй – химик по специальности, Анатолий Александрович Андрусенко, в настоящее время живет в г. Алматы.

² Руденко С. И. Башкиры. 1925. С. 33.

³ Полевые записи автора 2004 г. С. 28.

⁴ Научный отчет комплексной этнографической экспедиции ИИЯЛ БФАН СССР за 1958 г. Уфа, 1958. С. 202.

по ней острогой и вынимает ее из воды. Острогою бьют всякого рода и величины рыбу, осенью же большею частию судака, налима, иногда и леща»¹.

Выловленная рыба распределялась между участниками рыбной ловли поровну. Для этого сначала всю рыбу раскладывали в зависимости от количества людей, принимавших участие в рыболовстве. Допустим, при лучении рыбы участвовало три человека, то всю добычу делили на три части. Поскольку выловленные рыбы были не одинаковы по величине – одна большая, а другая, наоборот, меньшая, – то их распределяли таким образом: большая рыба составляла одну часть, две поменьше по размеру – другую часть, три мелкой рыбы – третью часть и т. д. Потом вся рыба распределялась между участниками лучения по жребию (*йәрәбә*). Для этого одного из людей ставили спиной к добыче, а другой, чаще всего это был человек старше по возрасту, показывая на ту или иную часть рыбы, спрашивал у стоящего спиной к рыбе: «Это кому?» А первый отвечал: «Это – Ахмету». В таком порядке распределялась между участниками лучения вся оставшаяся рыба. По мнению ряда исследователей, такая форма раздела добычи была характерна для всех присваивающих типов хозяйства традиционных обществ. Говоря иначе, деление добычи по такому принципу – древнейшее бытовое явление².

Говоря о лучении рыбы, мы не должны забывать об **острогах**. Наиболее примитивные их типы изготовлялись из дерева, чаще всего из березы или черемухи. О них упоминал в своей книге и С. И. Руденко³. Наряду с деревянными острогами у башкир встречались и железные. Во время экспедиций и многочисленных индивидуальных поездок по Башкортостану и за его пределами нам удалось увидеть их не только различных форм, но и размеров. По сведениям, полученным нами от информаторов, железные остроги у башкир получили широкое распространение особенно в 50–60-е годы XIX столетия. На этот момент указывается и в литературе. «Иногда, – подчеркивает С. И. Руденко, имея в виду эту особенность в рыбной ловле башкир, – пользуются и настоящими острогами (*һалдау, сәнске*)»⁴.

Наиболее простой тип имел три зуба. Остроги, которые увидел С. И. Руденко у башкир, бывали «в четыре и пять зубцов». В фондах Музея археологии и этнографии УНЦ РАН имеется несколько образцов этого орудия. Приведем их технические данные. В частности, наконечник остроги № Э–24–31 имеет следующие размеры: длина – 24 см, а ширина – 11 см. Он состоит из 5 зубцов длиной 9 см. Параметры второй снасти (№ Э–32–21): длина – 23 см, ширина – 11 см, 7 зубцов длиной 7 см. Схожа с ней и третья острога (№ Э–36–21) – длина 25 см, ширина – 16 см, 11 зубцов по 7 см каждый. Число зубьев (*жал*) на остроге могло быть и побольше. Впрочем, об этом раньше писали и другие исследователи. Так, известный этнограф Г. Е. Верещагин у северных соседей башкир вотяков (удмуртов) зафиксировал острогу с 10 зубцами⁵.

¹ Черемшанский В. М. Описание Оренбургской губернии... С. 454.

² Клубовский Н. Первобытное общество. Л., 1925. С. 23–61.

³ Руденко С. И. Башкиры... 1925. С. 33.

⁴ Там же.

⁵ Верещагин Г. Е. Собрание сочинений. Т. 3. В 2 кн. Ижевск, 2000. Кн. 2. Вып. 1. С. 139, рис. 5.

Все остроги, которые нам встречались в музеях и в ходе полевой работы, снабжены бородками (*ыргак*) в форме рыболовных крючков. В большинстве острог бородки на зубцах располагаются так: у трех крайних зубцов – вовнутрь, а на среднем – с обеих сторон. Встречаются и остроги с зубцами, на которых бородки располагаются попарно – одна чуть выше, а другая – несколько ниже. Благодаря им рыба надежно держалась на остроге.

Встречаются остроги, концы зубьев которых не имеют бородок, а выполнены в форме гусиных лапок.

Разнообразны и формы острог: в одних случаях зубцы располагаются параллельно друг к другу, в других они имеют форму кистей рук с растопыренными пальцами. Наряду с ними встречаются остроги, зубья которых сужаются книзу. Бытовавшие у башкир остроги в большинстве случаев имеют довольно большие размеры. Например, длина остроги, подаренной нам заслуженным учителем Башкортостана, краеведом Нуруллой Миграновым (д. Манышта, Белорецкий р-н), составляла 36 см, а ширина – 15 см, толщина ее доходила до 0,8 мм (№ 1052/4). По сведениям, полученным от того же информатора, эта острога была изготовлена еще в 50-е годы XIX века в местной кузнице и предназначалась для ловли тайменя¹. Это еще раз свидетельствует о размерах промысловых рыб в то время. Не зря в легендах и преданиях башкир есть упоминания о крупных рыбных особях. Кстати, материал об этом мы находим и в краеведческой литературе².

Даже у тех башкир, которые жили по соседству с горными заводами, редко встречаются остроги промышленного производства³, тем более литые.

В качестве черенка для остроги (*һан*) служили прочные и гибкие палки, которые чаще всего делались из березового, кленового или черемухового дерева. Наряду с ними местами встречались остроги с рябиновыми черенками («Рябиновая палка более гибкая, она редко ломается», – объяснял один из информаторов).

Длина черенка остроги зависела от глубины лова. При ловле рыбы в горных речках башкиры обычно пользовались острогами с короткой ручкой. Лишь в ряде случаев длина черенка доходила до 4 и более метров (такую острогу мы получили в дар от рыбака-любителя Закия Мустафина⁴).

При лучении рыбы огонь поддерживался в специальном приспособлении – светце (*сырак, утлык*). В большинстве районов, где живут башкиры, оно известно под названием «коза»⁵. Светец представлял собой прямоугольную металлическую решетку 36 x 30 см со срезанными углами из железных пластинок, соединенных друг с другом заклепкой⁶. Иногда светец плелся из железной проволоки толщиной 6 мм⁷. В любом случае концы пластинок или проволоки загибались под прямым углом

¹ Полевые записи автора 2001 г. С. 93.

² Ахмедов Р. Слово о реках..., С. 215–220.

³ См.: Полевые записи автора 1990, 1993, 1997–2001 гг.

⁴ Там же. С. 56, 59.

⁵ Там же. 1983 г. С. 13; 1993 г. С. 4; 1997 г. Тетр. №2. С. 6; 2005 г. С. 56–62.

⁶ МАЭ УНЦ РАН. Колл. № Э-24-100.

⁷ Там же. Колл. № Э-7-43.

кверху, для того чтобы удерживать горящие лучины при движении лодки. В целом форма и конструкция данного приспособления, как и его устройство, зависели от материала и умения того мастера, кто его делал. Необходимо заметить, что несколько светцов с острогами имеются в фондах Музея археологии и этнографии Уфимского научного центра РАН¹.

Лучение рыбы с использованием светца получило распространение у башкир преимущественно в середине XX века. Как свидетельствуют об этом полевые материалы, раньше башкиры редко прибегали к этому приему рыболовства². Впрочем, на это указывает и С. И. Руденко: «Лучение рыбы на лодке с освещением при помощи так называемой козы среди башкир редко практиковалось»³.

Судя по полевым материалам, традиция лова рыбы ночью сохранилась. Рыбаки отправлялись на такую ловлю вдвоем: один из них управлял лодкой, второй, стоя на носу, смотрел на освещенную часть воды. Увидев крупную рыбу, он левой рукой показывал, куда плыть, а правой держал острогу. Улучив момент, он с силой бил ею рыбу⁴.

Поскольку башкиры охотились преимущественно на крупных рыб, они должны были обладать не только хорошей физической силой, но и сноровкой, и опытом. «Когда начало темнеть, – рассказывал в середине 50-х годов XIX века рыбак-любитель Хисамитдин Кунафин (Бурзянский р-н), – мы нагрузили на лодку со светцом все необходимое (смолу, орудия труда и т. д.) и поплыли по течению р. Белой к известному омуту Исяняй. Мой напарник управлял лодкой с помощью *ширды*, а я стоял на корме и держал наготове острогу. Дно реки везде хорошо освещалось огнем. На пути следования я поймал несколько рыб. Вскоре добрались до места скопления крупных рыб. Тихо подплыли со стороны к крутой Хамитовой скале. Я взял острогу с длинным древком. Омут был местами очень глубокий, но сквозь прозрачную воду были видны и камни, и рыбы. Неожиданно огонь высветил большую рыбу. «Балык!» – негромко сказал я напарнику, и тот остановил лодку. Я метко вонзил острогу в рыбу, и через минуту-другую щука уже лежала на дне лодки. Сколько мы плавали по этому омуту, теперь уже не помню, но рыбы набрали с полведра. Вдруг я увидел на дне что-то похожее на затопленное дерево. «Может быть, рыба?» – подумал я. Приготовил на всякий случай острогу. «*Ятып калгансы, атып кал*» («Лучше сделать, чем потом жалеть о несделанном») – гласит башкирская поговорка. Ударил, острога вошла во что-то мягкое. Думаю, наверное, попал в рыбу. Поднялось облако песка, вода забулжила, и лодку понесло кормой вперед на скалу. Вцепившись обеими руками в древко остроги, я старался вытащить ее из воды. Лодка сильно накренилась, несколько раз даже зачерпнула воды, казалось, мы вот-вот перевернемся. Напарник закричал, чтобы я бросил острогу. Отвечаю ему: «Потерпи, сейчас рыба выдохнется...». В самом деле, скорость движения лодки стала уменьшаться, и вскоре она уткнулась в берег. Напарник мой выпрыгнул, а лодку неожиданно опять понесло в омут. Я остался на

¹ Колл. № Э-7-44 и др.

² См.: Полевые записи автора 1990–2005 гг.

³ Руденко С. И. Башкиры... 1955. С. 93.

⁴ См.: Полевые записи автора 1982, 1990, 1993 гг.

своем суденышке один, а рыба все тянет его за собой. Прошло полчаса, прежде чем мне удалось справиться с рыбой. Не выпуская острогу из рук, я с трудом подплыл к берегу, бросил напарнику аркан, и только тогда мы смогли вытащить острогу с рыбой. Огромного тайменя пришлось оглушить ударом палки по голове. Сколько он весил – не знаю, помню только, что нам пришлось разрубить его пополам и в таком виде тащить до дома почти два километра».

Невероятную силу и ловкость в обращении с рыболовными снастями и исключительно высокую сноровку в ловле рыбы наблюдал у кочевников Средней Азии известный отечественный исследователь Н. Сорокин¹. Однако не все башкиры одобряют ловлю рыбы лучением. Житель д. Верхний Ташбукан (Гафурийский р-н) Гиният Гатиятович Хидиятов (1918 г. р.) говорил нам: «Я хотя всю жизнь и занимался рыболовством, тем не менее лучение не приемлю. Разве можно беспокоить, тем более убивать спящую рыбу? Это, по-моему, жестоко»². Причем об этом не раз говорили нам не только люди пожилого возраста, но и молодежь³.

Лучением рыбы чаще всего занимались в горнозаводских селениях, причем его приемы были заимствованы у башкир. «Филипп Леонович, – отмечал С. В. Кириков, – отыскал сухостойную смолистую сосну и наколол лучины, собираясь ночью лучить рыбу в Суваняке (левый приток р. Узян. – М. М.). Достав из кошеля четырехлучевую острогу, он насадил ее на древко и попробовал, сподручна ли снасть. Пошли мы с ним, когда уже стемнело. Я никогда еще не бил острогой и шел с факелом... Как ни осторожно мы шли по воде, но рыбы часто замечали нас раньше, чем Филипп Леонович успевал ударить острогой... Но немало их попадало под удары остроги: тупой удар означал, что рыба на остроге; более резкий звук указывал на промах или на то, что рыба была только слегка задета и зубцы остроги стукнулись о камни. Впереди в ярком свете огня показалась излучина речки, где течение вымыло «омут». «Тут может крупная рыба стоять», – шепнул Филипп Леонович, и мы пошли еще медленней и осторожней. В глубокой воде трудно было увидеть, что таилось на дне омута. Но вот впереди большого угловатого камня из подмоины, уходившей под толстое наклонившееся дерево, выдвинулась тупая голова тайменя и снова подавалась назад. Филипп Леонович замер с острогой в руке... Голова тайменя показывалась несколько раз, но рыба вскоре опять уходила в подмоину. Наконец таймень вышел на свет почти весь, вплоть до красноватого хвоста. В ярком свете смолистого факела было видно, как все ниже склонялись над ним зубцы остроги. Удар! Филипп Леонович налег на древко, содрогавшееся от толчков бешено рвавшейся рыбы, и прижимал тайменя ко

¹ Сорокин Н. Природа и человек в Средней Азии // Исторический вестник. История материальной жизни. СПб., 1887. Т. XXX. С. 44.

² Полевые записи М. Г. Ахмедьянова... С. 17.

³ См. об этом подробнее: Муллагулов М. Г. Природоохранные аспекты этнической культуры у башкир // IV Конгресс этнографов и антропологов России. Нальчик, 20–23 сентября 2001 г. / Тезисы докл. и сообщ. М., 2001. С. 201–201; Он же. Традиционное природопользование башкир в XIX – нач. XX в. // Археография Южного Урала: Материалы IV Межрегиональной научно-практической конференции. 16 сентября 2004 г. Уфа, 2004. С. 136–138.

дну. «Не уйдешь теперь», – громко сказал Филипп Леонович и вытащил на остроге крупного тайменя»¹.

Впрочем, важно заметить, что лучить рыбу категорически запрещали власти, особенно в период нереста².

Если не принимать во внимание изредка встречающуюся ловлю рыбы с помощью петель, то из известных башкирам традиционных способов рыболовства по сей день сохранилось лишь лучение. Правда, теперь воду освещают при помощи факела, изготовленного из тряпки, пропитанной дизельным топливом или керосином, иногда берут с собой электрофонарь или ставят на берегу реки автомобиль с включенными фарами. Сегодня рыбаки лучат рыбу с дощатых лодок-плоскодонок. Сезон рыболовства начинается холодными осенними днями. Ночью вся река зажигается огоньками – это идет лучение рыбы.

Лучение рыбы было известно и другим народам. На Среднем Урале оно было зафиксировано у вотяков³, в Северо-Восточной Европе – у коми⁴ и русского населения⁵, на Кольском полуострове – у саамов⁶ и карел⁷, в Западной Сибири – у русских⁸, на Дальнем Востоке – у ительменов⁹, эвенков и якутов¹⁰, в центральных районах Сибири – у тюрков таяжного Причулымья¹¹, челканцев¹² и кумандинцев¹³. Естественно, перечень регионов, где лов рыбы производился острой поздней осенью, не ограничивался только этими территориями¹⁴. Обилие рыбы в водоемах в прошлом и несложная технология ее ловли делали данный способ рыболовства доступным занятием. Этот вопрос еще будет затрагиваться нами при рассмотрении терминологии, связанной с лучением. Все же хотим обратить внимание на некоторые особенности, характерные в одном случае для башкир-катайцев, в другом – для юрматинцев. «Собирается днем башкир пять верхами с острогами, – пишет Лев фон Бергхольц о катайцах, – едут вверх по течению реки в таком порядке: один посередине реки, два около берегов, а по два по самому берегу, и бьют рыбу благодаря прозрачности воды и ее небольшой глубине»¹⁵. К сожалению, автор не указал время года: не ясно, когда

¹ Кириков С. В. В лесах и степях... С. 67–68.

² Декларация // Правительственный вестник. СПб., 1872. № 157.

³ Верещагин Г. Е. Собр. соч. С. 141; Народы Поволжья и Приуралья. Коми-зыряне. Коми-пермяки. Марийцы. Мордва. Удмурты. М., 2000. С. 445.

⁴ Конаков Н. Д. Коми-охотники и рыболовы во второй половине XIX – нач. XX в. М., 1983. С. 153.

⁵ Зеленин Д. К. Восточнославянская этнография... С. 101.

⁶ Лукьянченко Т. В. Материальная культура саамов Кольского полуострова конца XIX–XX вв. М., 1971. С. 36.

⁷ Тароева Р. Ф. Материальная культура карел. М.; Л., 1965. С. 37.

⁸ Хозяйство и быт западносибирских крестьян в XVII – начале XX в. М., 1979.

⁹ Старкова Н. К. Рыболовство и орудия промысла у ительменов (конец XIX – начало XX в.) // Культура народов Дальнего Востока СССР (XIX – XX вв.). Владивосток, 1978. С. 75–80.

¹⁰ Дьяченко В. И., Ермолова Н. В. Эвенки и якуты юга Дальнего Востока. XVII–XX вв. СПб., 1994.

¹¹ Тюрки таяжного Причулымья... С. 37–40.

¹² Бельгибаев Е. А. Материалы... С. 415–416.

¹³ Назаров И. И. Новые материалы... С. 50–52.

¹⁴ Большая энциклопедия / Изд. Библиограф. ин-та в Лейпциге и Вене. СПб., 1909. Т. 12. С. 365.

¹⁵ Лев фон Бергхольц. Горные башкиры-катайцы... С. 80–83.

рыбачили жители Инзерского бассейна таким образом – летом или осенью. Касаясь второй особенности, С. Р. Минцлов писал, что «холодная, как лед, летом вода ее (речь идет о речке Беркамут. – М. М.), благодаря быстроте течения, не замерзает зимой ни в какие морозы, и башкиры даже в свирепые декабрьские и январские стужи ходят по ней босиком, но в шубах и меховых шапках, багрят по ночам при огне рыбы»¹.

В этнографическом плане представляют интерес также термины, относящиеся как к самому лучению, так и его атрибутам. На большей части территории расселения башкир острога называется *һалдау*². В то же время у части населения она известна под названием *сәнске*³. Оба термина в качестве названия остроги фигурируют в книгах С. И. Руденко⁴. В отношении этимологии слова *һалдау* ранее нами было высказано предположение о генетической связи терминов *һал* (плот) и *һалдау* (острога)*. На этом основании мы допускаем, что предки башкир когда-то ловили рыбу не с лодки, а с плота и били ее обычной деревянной палкой, заостренной на конце в виде долота. По нашим данным, термин *һалдау* чаще всего распространен среди башкир, живущих в бассейнах крупных лесосплавных рек⁵.

Из упомянутых нами терминов, употреблявшихся для обозначения остроги у башкир, у некоторых тюркских народов в тех или иных вариантах встречается лишь слово *сәнске*⁶. Но это не значит, что у них не было идентичного с башкирским термином *һалдау* слова, ибо *һал* 'плот' – термин в основе своей общетюркский и встречается еще в памятниках древнетюркской письменности⁷.

Теперь еще раз вернемся к описанию светца, устанавливаемого на носу лодки и известного башкирам и многим другим народам под названием «коза»⁸. Известный русский этнограф Д. К. Зеленин истоки этого термина искал в Вологодской губернии⁹. Иногда башкиры называют светец *сырак* или *усак*. Интересно заметить, что у некоторых нетюркоязычных народов он именуется «каган» и «таган»¹⁰ – терминами в основе общетюркского происхождения. У части удмуртов светец называется «чырак»¹¹, что, по-видимому, было заимствовано ими у вятских башкир.

¹ Минцлов С. Р. Дебри жизни... С. 167.

² Башкирско-русский словарь. М., 1958. С. 618; Башкортса-русса һүзлек / Яуаплы мөхәррир З. Г. Ураксин. Өфө, 1996. 724-се б.

³ Башкорт теленең һүзлеге. Ике томда. М., 1993. Т. II. С. 280; Башкортса-русса һүзлек... 570-се б.

⁴ Руденко С. И. Башкиры... 1925. С. 53.

* С этим выводом в свое время согласились этнограф Н. В. Бикбулатов и языковед А. Г. Бииншев.

⁵ Авдеев С. А. Сплав леса по рекам Башкирии. Уфа, 1960. С. 40–109; Муллагулов М. Г. Лесные промыслы... С. 27–31.

⁶ См.: Тюрки таежного Причудымья... С. 30; Бельгибаев Е. Н. Указ. соч. С. 415.

⁷ Древнетюркский словарь. Л., 1969. С. 482, 483.

⁸ Зеленин Д. К. Указ. соч. С. 101; Бежкович А. С., Жегалова С. К. и др. Хозяйство и быт русских крестьян. Памятники материальной культуры: определитель. М., 1959. С. 67; Конаков Д. Н. Указ. соч. С. 153 и др.

⁹ Зеленин Д. К. С. 101.

¹⁰ Там же.

¹¹ Народы Поволжья и Приуралья... С. 445.

Как только лед достигал определенной толщины, способной выдержать человека, башкиры выходили на мелководье, чтобы глушить рыбу (*балык шаңкытыу*). Одни рыболовы шли на лед налегке, забирая с собой бересту и обычный топор, другие отправлялись рыбачить с санками, везя запасы смолы (*сайыр*) и поленьев. Береста чаще всего была трубчатая, и жгли ее на конце сырой палки. Когда освещали лед смолой или поленьями, то пользовались упомянутой выше «козой»¹. Для глушения рыбы применяли топор, оглушник (*сукмар*)², чаще всего клюшку (*сәкән*). О первых двух орудиях уже шла речь, поэтому мы остановимся здесь лишь на последнем. В частности, *сәкән* представлял собой обрубок дерева с ручкой длиной более одного метра. Его размеры были различны. К примеру, *сәкән*, которым мы пользовались при ловле рыбы в д. Старомунасиново (Бурзянский р-н) лет 50 тому назад, имел длину 12 см, а диаметр 8 см. Концы обрубка были слегка округлены. По словам информаторов, такой *сәкән* лучше пробивал лед. В большинстве случаев он изготовлялся из березового дерева непосредственно перед глушением рыбы. Как и другими ударными орудиями, им пользовались следующим образом: заметив спящую подо льдом крупную рыбу, ударяли над ней по льду. Оглушенная, она переворачивалась вверх брюхом, и рыболов вынимал ее через пролом.

Так было при ловле рыбы в озере. Если же охота происходила на реке, где всегда бывает течение, то, чтобы вытащить оглушенную рыбу, охотникам приходилось делать несколько отверстий на льду. Дело осложнялось еще и тем, что, как только рука прикасалась к телу оглушенной рыбы, она иногда оживала и вырывалась. Добавим сюда еще и то, что рыбу приходилось вынимать из ледяной воды, просунув руку в прорубь почти по локоть. Как отмечалось выше, глушение рыбы производилось только в условиях мелководья, на более глубоких местах использовалась острога³. Сначала рыболов, ложась на лед, определял местонахождение рыбы, после чего осторожно пробивал с помощью *сәкән* несколько отверстий. Так обычно охотились на налимов и сомов. Сезон ловли рыбы глушением был непродолжительным и заканчивался, когда выпавший снег или толщина льда уже не позволяли этого делать.

Глушение рыбы было характерно и для других народов, в частности, для восточных славян⁴ и удмуртов⁵. Колотушкой били рыбу в Сибири кумандинцы⁶ и челканцы⁷. Кстати, последние, как и некоторые башкиры, для освещения льда в ночное

¹ См.: Полевые записи автора 1990–2005 гг.

² В монографиях С. И. Руденко *сукмар* называется «кийком» (Башкиры..., 1925. С. 32; Башкиры..., 1955. С. 93).

³ Полевые записи автора 1997 г. Тетр. № 1. С. 20, 47; Тетр. № 5. С. 27.

⁴ Зеленин Д. К. Указ. соч. С. 101.

⁵ Верецагин Г. Е. Собр. соч. С. 141.

⁶ Назаров И. И. Рыболовство у кумандинцев (по материалам экспедиций 2001–2002 гг.) // Тюркские народы... С. 461.

⁷ Бельгибаев Е. А. Материалы... С. 413.

время использовали трубки из бересты. Эта особенность, несомненно, связывает их в этническом плане. У башкир так же, как и у челканцев, в качестве ударного орудия при ловле рыбы использовалась клюшка. Впрочем, *сәкән* встречается и в памятниках орхоно-енисейской письменности, где в одном случае фигурирует в качестве атрибута детской игры, а в другом – в значении боевого оружия¹. Вторая функция данного термина известна и в татарском языке².

К архаичным способам рыболовства относится также лов «духовой» рыбы.

Известно, что в снежную зиму, особенно в период сильных морозов, рыба в озерах и старицах рек испытывает недостаток кислорода, а иногда даже задыхается³. «Более крупные рыбы, – отмечал И. В. Кучин, – в этот период замора откочевывают на проточную струю или на ключи, где и спасается вся или отчасти, а если ключей недостаточно, то подваливают массами к прорубям, где и вычерпывается без труда саками, а то и руками»⁴. «Духовую» рыбу люди ловили с глубокой древности⁵. Практиковалось это и башкирами⁶, обычно в январе или феврале, но недолго – всего 3–4 дня. В это время башкиры прорубали лед топором или пешней (*һөймән*) и ловили рыбу либо просто руками, либо вычерпывали ее из проруби ковшами, лопатами и даже обычными деревянными лопатами. «Раньше, – вспоминал один из наших информаторов (д. Култубан, Баймакский р-н), – рыба сама шла к башкирам. Зимой достаточно было прорубить лед где-нибудь на глубоком месте водоема, вся рыба была у отверстия, некоторые прямо выпрыгивали на лед, другие набивались в прорубь. А что же творилось у ключа «Ат эскән» («место, где раньше поили лошадей»)? Здесь наши отцы и деды ловили рыбу даже обычным навозным коробом, плетеным из черемуховых прутьев (*ситән*)»⁷. Сведения аналогичного характера сообщали нам также жители д. Исяново, расположенной рядом с оз. Талкас⁸. В этой связи заслуживают внимания способы лова рыбы, практиковавшиеся у башкир Курганской области. «В январе месяце, – рассказывал житель д. Абултаево Сафакулевского района Мирзагали Каюмович Якупов (1924 г. р.), – некоторые рыбаки на льду озера делали прорубь в виде большого котла, которую тут же слегка закрывали сухой травой. За ночь сюда собиралась масса задыхавшейся от недостатка кислорода рыбы, которая теснилась в проруби плотным слоем. Рыбаки ловили рыбу сначала просто руками, а затем вычерпывали остатки рыбы деревянной лопатой или же сеткой»⁹. Любопытна также техника ловли рыбы у башкир в д. Калмак-Абдрашитово того же района. Судя по информации рыбака Ахтияма Шаймардановича

¹ Древнетюркский словарь. Л., 1969. С. 152.

² Татар теленен аңлатмалы сүзлеге. Өч томда. Казан, 1981. Т. 3. 467-се б.

³ Азиатская Россия: земледелие и хозяйство (указатель). СПб., 1914. Т. II. С. 151, 356.

⁴ Кучин И. В. Материалы по рыболовству и рыбоводству в Уральском крае // Записки состоящего под августейшим покровительством его императорского высочества, великого князя Михаила Николаевича, Уральского общества любителей естествознания. Екатеринбург, 1909. Т. XXVIII.

⁵ Семенов С. А. Развитие техники... С. 334–339.

⁶ МИБ. Т. III. С. 393, 415, 417, 450, 453, 425 и др.

⁷ Полевые записи автора 1997 г. Тетр. № 1. С. 57.

⁸ Там же. Тетр. № 3. С. 9.

⁹ Полевые записи автора 1997 г. С. 9, 11.

Кадырова (1927 г. р.), рыбаки сначала на льду на расстоянии двух метров друг от друга делали две проруби и соединяли их каналом шириной в 20–25 см. Один из них гнал воду лопатой из первой проруби по направлению ко второй, а другой в это время вычерпывал из воды появлявшуюся здесь рыбу.

Таким образом, рыболовство известно в крае с древности. Об этом свидетельствует сохранение у башкир в пережиточной форме таких его архаичных приемов, как ловля рыбы голыми руками, собирание выброшенных волнами рыб на берегах озер и стариц, лов с помощью запруды, петли, лучения и глушения. Аналогичные приемы рыбной ловли описаны в этнографической литературе и считаются очень древними¹.

Наряду с ними удалось выявить некоторые специфические приемы рыболовства у башкир – это ловля тайменя голыми руками, лов щуки петлей со дна реки при помощи живого самца, лучение рыбы с лошади и т. д. К местным отличиям относятся также освещение поверхности воды берестой, прикрепленной к длинной палке с вилообразным концом, использование рябинового черенка для остроги и т. д.

В то же время важно заметить, что описанные способы ловли рыбы у башкир, использовавшиеся для этого инструменты, а также терминология, относящаяся к этой отрасли занятий, свидетельствуют о древних этнических и культурно-хозяйственных связях башкир с населением Урало-Поволжья, Южной и Западной Сибири, Центральной Азии, с тюркскими, обско-угорскими и угро-самодийскими племенами. Таким образом, выводы С. И. Руденко², С. Н. Шитовой³ и Б. А. Васильева⁴ об общих чертах в хозяйственной и культурной жизни башкир и ряда сибирских народов подтверждаются при изучении традиционного башкирского рыболовства⁵.

В процессе изменения хозяйственно-бытового уклада и под влиянием контактов с соседними народами (в первую очередь с русскими, удмуртами и татарами) башкиры перенимали от них немало практического опыта в способах ловли рыбы и в то же время оказали на них существенное влияние в процессе адаптации к природным условиям Южного Урала.

¹ Тайлор Э. Антропология (Введение к изучению человека и цивилизации) / Пер. с англ. СПб., 1898. С. 204, 210–211; *De Mortellet A. Survivance usuelle de la pierre* // *Revue anthropologique*. Paris, 1911, № 3. Р. 82; *Левин А-Дорш и Кунов Г.* Первобытная техника / Пер. с нем. М.; Петроград. Бг. С. 246–247; *Zelenin D. K. Russische (Ostslavische) Volkskunde*. Berlin; Lpz., 1927; *Клубовский И.* Первобытное хозяйство... С. 32, 53; и др.; *Семенов С. А.* Развитие техники... С. 334–339.

² Руденко С. И. Башкиры... 1925. С. 26, 234, 297; *Он же.* Башкиры... 1955. С. 95, 250, 343.

³ См.: *Шитова С. Н.* Сибирские таежные черты в материальной культуре и хозяйстве башкир // *Этнография башкир*. Уфа, 1976. С. 79–81.

⁴ *Васильев Б. А.* Проблема происхождения орудий рыболовства обских угров // *Труды Института этнографии*. Т. 78. С. 137–162.

⁵ См. также: *Муллагулов М. Г.* Башкирские лыжи // *Этнография башкир*... С. 119–132; *Он же.* Башкирские лодки // *Историко-этнографический атлас Урала и Поволжья* (препринты докл. и сообщ.). Уфа, 1976. С. 31–33; *Он же.* Башкирский народный транспорт. XIX – начало XX в. Уфа, 1992. С. 43–59, 60–90, 129–142.

ТЕХНОЛОГИЯ ЛОВЛИ РЫБЫ. УЖЕНИЕ

Среди различных способов рыбной ловли у башкир по широте распространения первое место занимало ужение (*кармак һалыу*). Занимались этим занятием не только мужчины, но и женщины¹. Кстати, в шежере башкир усергенского рода упоминаются девушки-рыбачки, которые ловили рыбу удочкой². Следует заметить, что эта традиция сохраняется до сих пор. Мы наблюдали это в Салаватском, Кармаскалинском, Бурзянском, Зианчуринском и ряде других районов.

Ловлей рыбы удочкой башкиры занимались испокон веков. В технологии рыболовства они накопили немалый опыт. В весенне-летний период рыба заменяла им мясо, кое-где зимой рыба представляла собой важнейший продукт питания. Тем не менее ужение рыбы у башкир исследовано мало. Единственной работой, где так или иначе затрагивается этот вопрос, является книга С. И. Руденко «Башкиры. Опыт этнологической монографии»³. Исследователь выявил особенности ловли рыбы как в весенне-летний период, так и в осеннее и зимнее время. В его книге рассмотрены наиболее распространенные способы ловли рыбы, описывается устройство летней и зимней удочки. При этом исследователь отмечает, что если в весенне-летний период башкиры ловили рыбу удочкой повсеместно, то в зимнее время этим делом занимались главным образом в Зауралье. Отдельные сведения по интересующему нас вопросу можно получить из «Топографии Оренбургской губернии» П. И. Рычкова⁴, путевых записей участников академических экспедиций П. С. Палласа, И. И. Лепехина, И. Г. Георги, И. П. Фалька⁵, а также из сочинений С. Т. Аксакова и Л. П. Сабанеева⁶. Интересный материал по изучаемой проблеме содержится также в книгах В. М. Черемшанского и Д. П. Никольского⁷. Таким образом, если рыболовство у башкир в целом исследовано недостаточно полно, то вопрос об ужении рыбы вообще не изучен.

В данной главе делается попытка разрешить эту проблему на основе доступных источников. Естественно, основным материалом для нас послужили материалы собственных полевых исследований, проведенных среди башкир республики и соседних об-

¹ Никольский Д. П. Башкиры. Этнографическое и санитарно-антропологическое исследование. СПб., 1899. С. 65.

² Мәмбәт шәжәрәһе / Инеш һүз, төзөү, аңлатм. – К. Аралбаев. Өфө, 1994. 16-се б.

³ Руденко С. И. Башкиры... 1925. Ч. 2. Быт башкир. С. 27–34.

⁴ Рычков П. И. Топография Оренбургской губернии. Уфа, 1999. С. 154–156.

⁵ Паллас П. С. Путешествие по разным провинциям Российского государства в 1768 и 1769 гг. СПб., 1802. Ч. 2; Лепехин И. И. Продолжение дневных записок путешествия Ив. Лепехина по разным провинциям Российского государства в 1771 г. СПб., 1814. С. 10, 11. Рис. 7, 8, 14; Георги И. Г. Описание всех обитающих в Российском государстве народов. СПб., 1799. Ч. 2; Записки путешествия акад. И. П. Фалька // Полное собрание ученых путешествий по России. СПб., 1824. Т. 6.

⁶ Аксаков С. Т. Записки ружейного охотника Оренбургской губернии. Уфа, 1984. С. 265–283; Сабанеев Л. П. Очерки Зауралья... С. 30; Он же. Рыбы России: жизнь и ловля (ужение) наших пресноводных рыб. СПб., 1911; Он же. Серебряные зеркала: жизнь и ловля (ужение) пресноводных рыб. Уфа, 1988–1993. Т. 1–2.

⁷ Черемшанский В. М. Описание Оренбургской губернии в хозяйственно-статистическом, этнографическом и промышленном отношениях. Уфа, 1859. С. 443–445; Никольский Д. П. Указ. соч. С. 65.

ластей. Также были использованы архивные, фольклорные и литературные сведения, главным образом XIX–XX вв., фонды и коллекции центральных и местных музеев.

Ужением рыбы башкиры обычно занимались в летне-весенний период, реже – зимой. Как и всякое хозяйственное занятие, ужение рыбы основывалось на определенных познаниях и многовековом опыте. Нужно было учитывать многие факторы, в частности, время года, состояние воды (светлая / мутная), место ужения рыбы и т. д. Определяющее значение имели устройство рыболовной снасти и умение обращаться с удочкой. Важно подчеркнуть и то обстоятельство, что навыки ловить рыбу удочкой переходили по наследству от отца к сыну. Так, например, по данным шежере башкир усергенского рода мамбет, его ближайший родственник Багаутдин был известен среди односельчан как опытный рыбак (*балыксы*). В дальнейшем унаследовал этот опыт сын Багаутдина Хайретдин, которому не было равных в искусстве ужения рыбы¹. Аналогичные факты встречаются и в шежере башкир других родов².

Теперь переходим к описанию устройства башкирской удочки (*кармак*) – летне-весенней и зимней. Первый тип удочки имеет свои разновидности в зависимости от способа рыболовства. Башкирская удочка летне-весеннего назначения мало отличалась от общераспространенного типа: состояла из лески, крючка, удилища, поплавка и грузила.

Леску (*кармак бауы* или *ебе*) башкиры в большинстве случаев делали из конского волоса. При отсутствии такого материала для лески использовали нитку, изготовленную из волокон крапивы или конопли. В первом случае леску делали из волос хвоста жеребца (они крепче и длиннее, чем изготовленные из волос кобылы). При этом предпочтение отдавали волосу белого цвета, ибо он малозаметен в воде. При отсутствии такого материала ограничивались лишь фрагментом волоса, к которому привязывался крючок. Хотя леску местами делали из ниток, однако предпочтение отдавалось конскому волосу (он значительно прочнее нитки, влагоустойчив и т. д.). По словам информаторов, у волосяной лески было еще одно преимущество: при закидывании удочки в воду она меньше запутывалась.

Леску делали следующим образом: брали два волоса одинаковой толщины и складывали их так, чтобы тонкий конец одного совпал с толстым концом другого волоса. После чего их связывали в один узел с одной стороны. Затем пальцами закручивали каждую часть в одну сторону. Получив две жилы одинаковой толщины, скручивали их в одну нить. Техника витья лески за исключением некоторых деталей* была такая же, как и при изготовлении веревки из мочала или лыка³. Толщина лески зависела от вида рыбы. Для ловли крупной рыбы использовали трехжильные

¹ Мәмбәт шәжәрәһе... С. 23.

² См.: Башкирские родословные / Сост., предисл., поясн. к переводу Р. М. Булгакова и М. Х. Надер-улова. Уфа, 2002. Вып. I.

* Например, витье лески из конского волоса осуществлялось с использованием золы. По словам информатора Исмагила Магафуровича Магафурова (1885 г. р., д. Карталы, Белорецкий р-н), кручение нескольких волос производилось на бедре выше колена, отчего нога в этой области иногда даже кровоточила из-за длительного физического процесса (Полевые записи автора 1971 г.).

³ Подробнее см.: Муллагулов М. Г. Лесные промыслы башкир. Уфа, 1994.

лески. Волосяные лески, как и нитченки от гребенки башкирского ткацкого стана, обычно изготавливались женщинами¹.

До 50-х годов прошлого столетия, по словам информатора Иргали Баймурзин (1925 г. р., д. Тимирова Бурзянского р-на), башкиры везде и всюду пользовались лесками из конского волоса или же из конопляного волокна.

Если леска предназначалась для ловли щуки или тайменя, первое звено, куда прикреплялся якорь с крючком, как правило, делали из стальной проволоки, ибо волосную нитку хищная рыба тут же перекусывала. Там, где была возможность, для этого звена использовали шелковую нить.

Крючки (*кармак*) в большинстве случаев были самодельные, которые, как правило, делали местные мастера почти в каждой волости, а в ряде волостей имелись даже несколько кузнечных мастерских. Так, по сведениям Н. П. Газова, в Аскинской волости насчитывалось 32 кузницы, Новотроицкой – 21, Чертаульской – 16, Кутеремской – 11, Байкибашевской – 10, Кейбаковской – 9 и т. д.² В наши дни в Башкортостане самыми известными мастерами по изготовлению рыболовных снастей считались: на западе – Хабрислам Мифтахетдинович Мифтахов (1906 г. р., д. Сикяз, Балтачевский р-н)³, на востоке – Юлбарс Кираманов (возраст более 100 лет, д. Зянгитово, Баймакский р-н)⁴, Адигам Мурзагулов (1906 г. р.)⁵ и Адигам Баймурзин (1920 г. р., д. Тимирова, Бурзянский р-н)⁶, на севере – Рамазан Галимов (1882 г. р., д. Гумерово, Дуванский р-н)⁷, на юге – Махиян Киньябаев (1894 г. р., д. Бикбулатово, Кугарчинский р-н)⁸. Рыболовные крючки, изготовленные ими, отличались особой прочностью*. Кроме того, Хабрислам Мифтахов знал секрет закаливания металла одному ему известным способом.

Рыболовные крючки покупались также у приезжих торговцев из числа татар, у которых всегда можно было найти всякую мелочь. Нередко крючки изготавливались самими рыбаками, даже из обычных иголок, покупаемых у вышеназванных торговцев. Кстати, подобный крючок упоминается и в башкирском фольклоре, в частности, у башкирских рыбаков усерганского рода⁹. Необходимо заметить, что башкирская удочка с леской из белого конского волоса и самодельным крючком, полученная из д. Сары Белокатайской башкирской дачи, хранится в РЭМ (колл. № 1002–79)**.

¹ Полевые записи автора 2004 г. С. 9, 54.

² Газов Н. П. Кустарное дело в Уфимской губернии. Уфа, 1900. С. 62, 65, 66, 72–73.

³ Полевые записи автора. 1990 г. С. 14–15.

⁴ Полевые записи автора. 1997 г. Тетр. 1. С. 84.

⁵ Там же. 2005 г. Тетр. 1. С. 51.

⁶ Там же. Тетр. 2. С. 54.

⁷ Там же. 1975 г. Тетр. 1. С. 11.

⁸ Там же. 2004 г. С. 5, 9.

* Об этом говорили информаторы не только из этой деревни, но и из соседних селений.

⁹ См.: Мәмбәт шәжәрәһе... 50-се б.

** «Кармак» – удочка с леской из белого конского волоса, – читаем мы здесь, касаясь устройства башкирской удочки, – леской «кыл», свинцовым грузилом «кургаш» и небольшим самодельным крючком «кармак». Удилище «хабы» коротенькое – 8 см, так как это удилище предназначено для ловли рыбы на озере с лодки или в проруби» (РЭМ. СПб.).

Привязывание крючка к леске требовало определенного умения. Большинство местных рыбаков легко справлялось с этой задачей. Молодые рыболовы, лишенные такого мастерства, обращались за помощью к опытным рыбакам, для которых эта работа не представляла трудности.

Крючки изготавливались разных размеров. Те, которые предназначались для ловли крупной рыбы, делались из стальной проволоки более толстого диаметра и больших размеров.

Башкиры различали крючки и по цвету. Опытные рыбаки знали, что рыба не охотно идет на светлый крючок, поэтому старались покупать крючки темного цвета.

Удилища (*кармак сыбыгы*, *һан*, *кыуал*) бывали, как правило, длинными. Этнограф С. И. Руденко отмечает, что они могли быть и короткими, длиной около 40 см¹, если ловили рыбу с лодки или в проруби. Кстати, зимняя удочка, полученная от башкирского рыбака врачом Д. П. Никольским в 90-х годах XIX века, которая экспонировалась в музее Уральского общества любителей естествознания в г. Екатеринбурге², была небольшой длины. Не лишне добавить, что такая же особенность характерна для башкирской удочки, хранящейся в РЭМ (колл. № 1002–79). Известно, что в большинстве случаев башкиры старались изготовить удилище из прута черемухи, отличавшейся от других пород дерева прочностью и гибкостью. Обычно для этого срезали молодой прут толщиной в большой палец, и, тут же освободив его от веток, срезали верхушку и полученный прут использовали в качестве удилища. Отдельные рыбаки выпрямляли прут с помощью тяжести. Для этого его тонким концом прикрепляли к стене дома, а толстым концом соединяли с тяжелым камнем в висячем положении. Чем вес камня был больше, тем он сильнее тянул прут вниз, за счет этого удилище принимало прямую форму. В таком положении прут оставался до полного высыхания. Если исходить из полевых материалов, то раньше удилище изготовлялось также из рябины*. Такого рода удилище было обнаружено нами в 2005 г. в д. Кутаново Бурзянского района. Судя по словам местного рыбака-любителя, оно считалось более надежным.

В местах, где не было зарослей черемухи и рябины, в качестве удилища использовался ивовый прут. Лишь в редких случаях для этого служили прутья, изготовленные из молодых берез. Башкиры западных районов, в частности жители бассейнов рек Сюнь, Ик, Быстрый Танып, а также Демы, для удилища использовали прутья орешника. Судя по полевым материалам, полученным в результате беседы с людьми старшего возраста, среди которых немало было и рыбаков, башкиры раньше редко пользовались удилищами фабричного изготовления.

Не менее важным элементом башкирской удочки являлись поплавки (*калккыуыс*), отличавшиеся друг от друга в зависимости от времени года и состояния (цвета, прозрачности и др. характеристик) воды. Поплавками пользовались начинающие рыболовы: опытный удильщик сам чувствовал, клюет ли рыба или она уже захватила насад-

¹ Руденко С. И. Башкиры: Историко-этнографические очерки. М.; Л., 1955. С. 94.

² См.: Каталог музея Уральского общества любителей естествознания в г. Екатеринбурге / Сост.-хранитель музея Д. И. Лобанов. Екатеринбург, 1898. Кол. № 9268–383.

* Сообщение Сарваретдина Алсынбаева (69 л.).

ку. Поплавки делались из сухой древесной коры, чаще всего из коры осокоря, отличающейся легкостью и влагоустойчивостью. Иногда поплавки изготовлялись из коры хвойных пород. Они имели форму конуса или веретена. В качестве поплавок могли служить также подручные материалы: стебли сухой травы или ивовая ветка. Есть сведения об изготовлении поплавок из перьев глухаря¹.

При изготовлении поплавок местные рыбаки учитывали размер и вес крючка и грузила. Грузилом (*батыргыс*) у башкир служила свинцовая дробь различного веса. Так, при ловле рыбы в реке с быстрым течением использовались более тяжелые грузила, чтобы леску не относило в сторону. В качестве грузил могли служить кусочки и другого металла или же мелкий речной камень. При этом вес последнего зависел от течения воды и толщины лески. Чтобы рыба не боялась грузила, расстояние от него до крючка составляло примерно 10–15 см.

В качестве насадки использовались черви, кузнечики, бабочки, мухи, личинки короеда и жука-носорога, а также кусочки хлеба и теста. Вид приманки зависел от многих факторов: от времени года, состояния воды, вида добываемой рыбы. Черви, особенно навозные (*тирес селәүе*), считались универсальной приманкой для рыбы. В летний период рыба хорошо шла на кузнечика (*сиңерткә*) и личинку короеда (*кабык корто*). На них ловили, в частности, чебака, ельца, язя, голавля, жереха, хариуса и даже тайменя. Червей выкапывали, как правило, в навозе и в местах произрастания крапивы, находили их под камнями и в валежниках. При насадке приманки на крючок старались скрыть его острый конец, ибо рыба, случайно уколовшись об него, надолго уходила с этих мест. В качестве приманки использовались также кусочки мяса лягушки или самой рыбы*. Такие рыбы, как ерш, окунь, таймень и щука, предпочитали живца. Мальков ловили с помощью конопляной сетки (*һөзгәс*).

Когда на крючок попадалась крупная рыба, старались удилище резко не подсекать, ибо в противном случае оно могло сломаться или оборвать леску, и ее не сразу тащили к берегу, а водили по воде до полного успокоения.

Ужение рыбы имело свои особенности в зависимости от рельефа местности. При рыбной ловле на мелких горных речках обычно использовали короткое удилище и леску малой длины, изредка прибегая также к помощи поплавок и грузил. Последние использовались на рыбной ловле в омутах. Несравненно сложнее было удить рыбу в горной местности. Летом здесь многие речки становились мелководными, а большинство ручейков пересыхало. В период весеннего паводка по их руслам образовывались небольшие водоемы с прозрачной водой, которые и служили прибежищем для редких видов рыб. Студеная вода, обилие естественного корма в этих ямах, а также удаленность этих мест от населенных пунктов создавали благоприятные условия для размножения таких ценных видов рыб, как хариус, форель и таймень.

Рыбаков привлекало сюда два фактора: вкусное мясо этих рыб и специфика технологии рыбной ловли. Однако человеку, привыкшему рыбачить на больших водо-

¹ Полевые записи автора 2005 г. С. 8.

* Например, способ ловли хариуса на мясо нам удалось наблюдать на р. Большой Нугуш (д. Бритяково Бурзянского р-на) в 2000 г.

емах, требовались совершенно иные навыки для ловли рыбы в быстротечной воде. В горной местности рыбак учился своему искусству сизмалства. Он знал особенно-сти той или иной реки, виды обитавших в ней рыб, их повадки, способы ловли и т. д. Поскольку вода в ручьях отличалась большой прозрачностью, рыбаку приходилось применять различные способы маскировки для того, чтобы рыба не смогла его обнаружить.

Хариус был излюбленным объектом промысла башкир. В башкирском языке существует детальная номенклатура названий этой особи с учетом ее возрастных особенностей. Так, например, у башкир усерганского рода новорожденная рыба называется *сикат*, второго года – *барсак*, третьего года – *барзе*, 4 – 5-летняя – *күк ял*¹. Башкиры-каракипчаки хариуса первого года называют *базыка*, но у них нет специального термина для обозначения хариуса зрелого возраста². У башкир остальных групп такой дробной классификации хариуса по возрастным особенностям не наблюдается. Лишь у некоторой части населения встречаются термины *барсак* и *барзекас*. Последний факт бесспорно свидетельствует о существовании подобной классификации в отношении хариуса и у других групп башкир в прошлом.

В этнографо-географической литературе XVIII–XIX вв. об Оренбургском крае хариуса называют «кутема»³. С. Т. Аксаков считает это слово «чувашским»⁴, а известный ихтиолог Л. П. Сабанеев – «башкирским»⁵. Нам кажется, что все же ближе к истине второй автор. Мы полагаем, что происхождение этого слова связано с местной топонимикой. В частности, среди многочисленных речек Бутульминско-Белебеевской возвышенности одна носит название Кутема⁶. Как и всякая горная речка, она славилась своими хариусами-«кутемами». Вполне возможно, что этот гидроним закрепился за обитавшей в ней рыбой, а поскольку в этой местности башкиры жили еще в X в.⁷, то автохтонное происхождение данного слова вряд ли вызывает сомнение. Ведь не случайно до сих пор башкиры ряда районов республики (например, Туймазинского и Шаранского) обозначают этим термином хариуса⁸.

В настоящее время у большинства башкир этот архаичный термин уже забыт, а хариуса современное башкирское население чаще всего называет словом *барзе*. Однако отметим, что этот термин в качестве названия хариуса не известен соседним народам. Зато в Башкортостане имеется целый ряд горных речек, носящих названия Берды-Елга (от *барзе* ‘хариус’ + *йылга* ‘речка’): правый приток р. Узян, впадаю-

¹ Полевые записи автора 1993 г. С. 5–6; 2004 г. Тетр. № 1. С. 63; Тетр. № 2. С. 3, 10. Об этом подробно рассказывал Раис Рахимьянович Кутушев, который часто рыбачил на р. Бол. Ускалык.

² Полевые записи автора 2004 г. С. 3, 10.

³ См.: Рычков П. И. Топография... Уфа, 1999. С. 154–156; Аксаков С. Т. Записки ружейного охотника... С. 358–359; Сабанеев Л. П. Серебряные зеркала... С. 205; Казанцев Н. Описание башкирцев // ОГВ. 1850. № 20; Дети гор и лесов (Очерк быта и нравов башкирцев) // Волжский вестн. (газ.). 1885. № 201.

⁴ Аксаков С. Т. Записки ружейного охотника... С. 358.

⁵ Сабанеев Л. П. Указ. соч. С. 205.

⁶ Самарская губерния // Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона. СПб., 1891. Т. IV А. С. 853; Т. XVIII. С. 137.

⁷ Путешествие Ибн Фадлана на Волгу / Под ред. И. Ю. Крачковского. М.; Л., 1939.

⁸ Полевые записи автора 2001 г. С. 10.

щей в р. Белую, Бярделе (от *бәрзе* ‘хариус’ + аффикс определения *ле*) – левый приток р. Сакмары в Баймакском, правый приток р. Касмарки, левый приток р. Асели в Зианчуринском районах¹. Этот факт бесспорно свидетельствует о том, что этимология слова *бәрзе* восходит к ранним периодам тюркской истории. Вполне возможно, что часть башкир называла хариуса *кутема*, тогда как большинству населения он известен под названием *бәрзе*^{*}.

Для ловли хариуса башкиры отправлялись к горным речкам, где проверяли омуты. Передвигаться по тонким местам, покрытым обильной растительностью и засоренным валежником, было крайне трудно, а подчас и невозможно. Это достаточно полно было описано известным естествоиспытателем С. В. Кириковым: «Очень трудно, – пишет он, – пробираться с удочкой в одной руке и связкой рыбы в другой по густой уреме, где кусты черемухи и ивы переплелись между собой, а в густой заросли крапивы, разросшейся как конопляник, не видно ни коряг, ни промоин»².

Поэтому в дорогу горный рыбак старался брать минимум вещей: волосяную леску с крючком и самодельный складной нож (*баке*). Приманка добывалась на месте. Обнаружив омут с хариусами и форелями, башкир изготавливал из прута молодой черемухи или ивы удилище, а затем, привязав к нему леску и насадив приманку, осторожно подходил к омуту, становился на колени и, пропустив удилище сквозь кусты, бесшумно опускал крючок в воду. Обычно рыба попадалась сразу же. Здесь нужно было быть особенно внимательным: хариус и форель, заглотив приманку, стараются спрятаться под корягу. Поэтому нельзя было дать возможность рыбе уйти. При умелом и осторожном ужении улов мог быть удачным.

По словам многих местных рыбаков, башкиры ловили рыбу в том количестве, сколько было необходимо для разового употребления в пищу. Это отличало их от рыбаков из среды пришлого населения, для которых рыба была не столько пищевым продуктом, сколько объектом торговли. На вопрос: «Почему вы ограничились столь малым уловом? Ведь хариус – это вкусная рыба, и каждый рыбак старается как можно больше ловить ее?» – ответ был таков: «Рыбу достаточно поесть один раз досыта, она ведь приедается. Хариус – редкая и ценная рыба, зачем нужны излишки? Потом снова захочется свежей рыбы, если не завтра, то в следующий раз»^{**}. Благодаря такому бережному отношению башкир к природе в крае до сих пор местами сохранились редкие виды речных рыб.

Нередко хариусов ловили также ранним летом, когда вода еще была мутной. В качестве насадки при этом использовались навозные черви и личинки жука-носорога, которые хорошо видны в такой воде. По словам информаторов пожилого возраста, в начале июня рыба даже сама «лезла» на крючок. Хариусы в это время держались

¹ Словарь топонимов Республики Башкортостан / Сост. А. А. Камалов и др. Уфа, 2002. С. 55.

^{*} К сожалению, нам пока не удалось провести полевые исследования среди башкирского населения Татарстана и Самарской области по этому вопросу.

² Кириков С. В. В лесах и степях Южного Урала: путевые записки зоогеографа. М., 1953. С. 66.

^{**} Так говорили, например, башкиры Белорецкого, Туймазинского, Кугарчинского и Бурзянского районов республики (См.: Полевые записки автора 1975–1984, 2000 гг.).

в местах соединения переката с омутом (*ятю*) или в устьях рек. Здесь образовывалась глубокая яма (*сәмбәй*), где обычно собирались крупные особи.

Хариус отличается от других рыб большим проворством. Снимать такую рыбу с крючка не просто, для этого требовался не столько опыт, сколько сноровка. Среди рыболовов встречались подлинные виртуозы своего дела. С. В. Кириковым приводятся имена лучших башкир-удильщиков хариуса. В частности, о рыбаке Рахмангуле он сообщает, что тот «был страстным удильщиком. Больше всех мальчишек он налавливал в Узяне хариусов»¹.

Раньше, по крайней мере, в конце XIX – начале XX в., в горной Башкирии трудно было найти речку или ручей, где бы не водился хариус. Его хватало и в речках в лесостепной части края. С. В. Кириков, например, упоминает те речки и ручьи, где ему приходилось ловить хариуса вместе с местными жителями². В частности, он пишет, что «в окрестностях Иткулова (речь идет о деревне Баймакского р-на. – М. М.) хариусов больше всего» было «на ключе Арту, у Кизил-Яра... Арту – горный ручей, на перекатах так мелко, что камни наполовину торчат из воды, ну у Кизил-Яра оползень подпудрил ручей, и в ямах среди коряг были крупные хариусы, оставшиеся после половодья»³. «Хариусов здесь (имеется в виду р. Сарага*. – М. М.) никто не ловил, в ямке перед развалившимся мостом они жадно хватали насадку. Крупные хариусы были темными... Пойманной рыбы нам хватало вдоволь на великолепную уху»⁴.

Укажем на одну особенность биологии хариуса, которую, кажется, упускали из виду исследователи, а именно – строение его глаза⁵. Известно, что зрачки обычной рыбы круглой формы, а у хариуса они напоминают усеченный ромб. Возможно, этим объясняется хорошее зрение у данной рыбы.

Естественно, любого рыбака интересовал не только вид рыбы, но и ее размеры. Ловить хариуса, тем более крупного, было престижнее, нежели мелкую рыбешку. Согласно сведениям, полученным нами от рыбаков пожилого возраста, хариусы, которых они добывали лет 50–60 тому назад, были несравненно крупнее, чем современные особи. Однако ни один из информаторов не указал конкретных размеров рыб. Нет таких сведений и в исследованиях С. В. Кирикова, ловившего хариусов по восточному склону Южного Урала еще в 40-е годы XIX века⁶. По данным С. Т. Аксакова, хариусы, обитавшие в реках Белой, Каме, Уфе и Урал, а также в их больших и малых притоках, были таковы. «Кутема, – отмечает он, имея в виду хариуса, – по едино-

¹ Кириков С. В. По Южному Уралу и Башкирии. М., 1989. С. 82.

² Кириков С. В. В лесах и степях... С. 27–28, 93 и др.; *Он же*. По Южному Уралу... С. 26, 31 и др.

³ Кириков С. В. В лесах и степях... С. 28.

* Речка находится в Бурзянском районе.

⁴ Кириков С. В. По Южному Уралу... С. 26.

⁵ Причем, как это ни странно, данный недостаток обнаруживается в трудах у столь наблюдательных исследователей, как П. И. Рычков, С. Т. Аксаков, Л. П. Сабанеев (См.: Рычков П. И. Топография... С. 154–156; Аксаков С. Т. Записки ружейного охотника... С. 358–359; Сабанеев Л. П. Серебряные зеркала... С. 205–222). Об этой важной особенности хариуса мы не находим материала и в исследованиях, вышедших позднее (см.: Харіусъ // Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона. СПб., 1903. С. 77; Нафиков Ш. В. Ыгу буйында балыксы. Офё, 1977. 95–96-сы бб.).

⁶ Кириков С. В. В лесах и степях... С. 26, 28 и др.; *Он же*. По Южному Уралу... С. 22, 26, 31, 82.

му мнению туземцев и по собственному наблюдению, не вырастает длиннее двух четвертей и не весит более двух с половиною, много трех фунтов...»¹. Наиболее крупные хариусы, по словам Л. П. Сабанеева, обитали преимущественно в реках Северного Урала и Сибири². По словам жителя д. Старобирючево Нуримановского района Хайбрахмана Мамалимовича Кузеева (1900 г. р.), р. Уфа славилась не только тайменями и стерлядями, но и крупными хариусами³. Важно отметить, что башкиры предпочитали употреблять в пищу рыбу длиной в одну и полторы пяди (*карыш*), мясо которых считалось наиболее нежным и вкусным. Так, например, башкир из д. Калы-Айры Ишимбайского района Абдулхак Мусинович Кульмамбетов (1927 г. р.) рассказывал, что они довольно часто ездили рыбачить на хариусов средних размеров на р. Урюк за 40 километров от деревни. Однако, как назло, им всегда попадались крупные, жилистые хариусы⁴. Как сообщали информаторы, раньше хариус преимущественно употреблялся в вареном виде.

Еще одной ценной рыбой, которую ловили горные башкиры, являлась **форель**. Для обозначения ее в башкирском языке имеется несколько слов: чаще всего – *багыр*⁵ или *багры*⁶, реже и более локально – *сыбар балык*⁷ или же *базма сыбар*⁸ «пестрая рыба». Последние два названия форель получила по причине своей окраски: она вся покрыта красными, черными и белыми крапинками. Аналогично «пеструшкой»⁹ ее называло и русское население Оренбургской¹⁰ и других губерний¹¹. Кстати, для обозначения форели в башкирском языке также существуют терминологические обозначения в зависимости от возраста рыбы: форель первого года жизни называется *багырсак*, старше – *багырса*, взрослая особь – *багры*¹². Наличие детальной номенклатуры терминов для обозначения возрастов рыб (хариус, форель), несомненно, свиде-

¹ Аксаков С. Т. Записки ружейного охотника... С. 258.

² Сабанеев Л. П. Серебряные зеркала... С. 206.

³ Полевые записи автора 1980 г.

⁴ Там же. 2000 г. С. 70.

⁵ Башкорт теленең һүзлегә. Ике томда. М., 1993. 1-се т. 104-се б.; Башкирско-русский словарь. М., 1996. С. 65.

⁶ Башкирско-русский словарь. М., 1958. С. 68.

⁷ Чанышев Р. Балыксылык // Совет Башкортостаны. 1965. 5 июнь; Полевые записи автора 1976 г. Тетр. № 2. С. 4, 7, 15; 2000 г. С. 13, 16, 52; 2004 г. Тетр. № 1. С. 65; Тетр. № 2. С. 3, 8–9, 11, 25; 2005 г. С. 66.

⁸ Хәсәйнов Г. Солтанмәхмүт Котлоәхмәт улы Юлдашызың анкетаға яуаптары // Ватандаш. 2000. № 8. 164-се б. В «Башкирско-русском словаре», изданном в 1996 г., в качестве башкирского названия форели указывается также термин «*этеи*», однако нам не приходилось слышать это слово во время беседы с информаторами: ни в горных, ни в лесостепных районах Башкортостана.

⁹ Русский экономист В. В. Крубер один из видов местной форели называет «горлюс» (см.: Крубер В. В. Оренбургская Башкирия в лесохозяйственном и лесопромышленном отношениях. СПб., 1887. С. 32), однако я не нашел этого слова в качестве обозначения форели в русских словарях XIX и XX вв.

¹⁰ Аксаков С. Т. Записки ружейного охотника... С. 356; Сабанеев Л. П. Указ. соч. С. 166.

¹¹ Там же.

¹² Полевые записи автора 2000 г. Тетр. № 1, С. 65; Тетр. № 2. С. 3, 8–9; 2006 г. С. 1.

тельствует как о древности башкирского рыболовства, так и о важном значении этой отрасли хозяйства в жизни башкир.

Раньше, по крайней мере, лет сто тому назад, эта рыба встречалась во многих горных речках Южного Урала: «Речки горные, – отмечал Лев фон Бергхольц, исследовавший башкир-кайтайцев Инзерского бассейна, – кишат рыбою, особенно форелями...»¹.

Прежде чем приступить к описанию форели и ее ловли удочкой, необходимо определить ареал обитания этой рыбы в нашем крае. В литературе его обычно ограничивают горными речками². Естественно, в силу своей физиологии эта рыба предпочитает жить в водоемах с чистой и холодной водой. И все же подходящие условия для размножения и развития форели имелись не везде. «Эта рыба, – отмечал С. В. Кириков, – живет на Южном Урале лишь в речках и ключах с прозрачной родниковой водой, и то не во всех»³.

В то же время форель местами встречалась также в более-менее значительных горных реках Южного Урала. Так, например, еще в пору своего детства нам приходилось видеть целые косяки этой рыбы в верховьях р. Белой. Факты обитания форели в таких реках, как Ай, Нугуш, Кана, Бетеря, Сим, Большой и Малый Кизил, Сурень, Ик, Тарывал, Большой и Малый Ик, а также в их притоках нами были установлены в ходе полевых исследований⁴.

Таким образом, раньше, по крайней мере, лет сто и более тому назад, ареал распространения форели не ограничивался районами одних только родниковых водоемов, а был гораздо шире. Впрочем, этот факт подтверждается и данными местной топонимики. В частности, в Башкортостане зафиксированы такие гидронимы, как *Багурли*⁵ в Куюргазинском, *Багырзы*⁶ в Учалинском и *Багры*⁷ в Абзелиловском районах, которые в переводе на русский язык означают «река, где живет форель». В Мелеузовском районе республики имеется озеро *Багрыкул*⁸ «озеро с форелью». Наконец, сказанное можно подкрепить таким фактом, что в Башкортостане имеются населенные пункты с названием Баграшта. Например, так называлась деревня (теперь это железнодорожная станция) в Белорецком районе. По словам местных жителей, она получила свое название от одноименной речки, в которой раньше водилась форель. Это свидетельствует об изобилии этой рыбы в водоемах региона в прежние времена.

¹ Бергхольц Л. Горные башкиры-кайтайцы // ЭО. 1893. Вып. 3. С. 80.

² Казанцев Н. Описание башкирцев. СПб., 1867. С. 35; Бергхольц Л. Указ. соч. С. 80; Сабанеев Л. П. Серебряные зеркала... С. 168–169; Аксаков С. Т. Записки ружейного охотника... С. 356; Крубер В. В. Указ. соч. С. 32.

³ Кириков С. В. В лесах и степях... С. 60.

⁴ Полевые материалы автора 1978 г. С. 14; 1993 г. Тетр. № 2. С. 5; 1998 г. С. 4; 2000 г. С. 13, 16; 2004 г. Тетр. № 1. С. 65; Тетр. № 2. С. 3, 9; 2005 г. Тетр. № 2. С. 61–62, 66.

⁵ От *багыр* 'форель' + -лы, т. е. 'форелевая' (Словарь топонимов Республики Башкортостан... С. 36).

⁶ См.: Там же.

⁷ См.: Там же; Кириков С. В. В лесах и степях... С. 60.

⁸ См.: Словарь топонимов Республики Башкортостан... С. 36.

Известно также, что форель иногда предпочитает жить не только в озерной, но даже в морской воде, если этому позволяют условия существования¹. Возвращаясь снова к данным топонимики, заметим, что указанные выше речки входят в речную систему лесостепной зоны Южного Урала. Таким образом, можно сделать вывод, что форель в Башкортостане раньше была распространена гораздо шире, чем сейчас (в частности, форель была изображена на гербе г. Бугульмы, на западной окраине башкирских земель). Не случайно некоторые исследователи относили форель к числу наиболее распространенных видов рыб в наших водоемах².

Форель привлекает внимание и в другом отношении. В отличие от других рыб на Южном Урале она была представлена несколькими видами. Например, В. В. Крубер упоминал два ее вида³, а Лев фон Бергхольц – даже три⁴. В. В. Крубер один из видов форели назвал «горлюс»⁵. К сожалению, оба исследователя не дали описания физиологии этих разновидностей рыбы. К сказанному мы можем лишь добавить, что данный случай еще раз показывает, насколько богаты водоемы Башкортостана уникальными видами рыб.

Ловить форель было гораздо труднее, чем хариуса. Форель – рыба крайне осторожная, стоило ее спугнуть, как она надолго скрывалась в воде. Не всякий рыбак умел ловить ее удочкой. «Близилось время ее (форели. – М. М.) нереста, – вспоминал С. В. Кириков. – Форель поднялась далеко вверх по реке. Со мной была леска, удилище я вырезал черемуховое и стал удить. Я поймал уже несколько пеструшек и подошел к омуту, который был наполовину завален корягами. Здесь меня ждала неудача. Взялась такая крупная форель, что я смог лишь поднять ее со дна; затем она метнулась под корягу и оборвала шестиволосную леску. Со мной была запасная леска, и, дойдя до устья, я наловил десятка два пеструшек»⁶. Невозможно не обратить внимание на величину форели. По полевым данным, средний размер форели составляет 13–16 см. Рыбак-любитель из д. Иргизлы Бурзянского района республики Азат Гизитдинович Муллагулов рассказывал, что на р. Иргизла башкирам удавалось ловить форелей длиной более 40 см⁷. Исключительно большую рыбу нам однажды пришлось наблюдать около реч. Иргизла⁸.

Этнографическая литература XIX в. дает конкретные сведения о размерах рыбы. «Рассказывают, – отмечает С. Т. Аксаков, – что она (форель. – М. М.) бывает огромной величины... Я сам видел пестряка в семь фунтов ...»⁹. По сведениям Л. П. Сабанеева,

¹ См.: Форель // Энциклопедический словарь Русского библиографического института Гранат. 7-е изд. М., Б. г. Т. 44. С. 256.

² Дети гор и лесов...

³ Крубер В. В. Указ. соч. С. 32.

⁴ Бергхольц Л. Указ. соч. С. 80.

⁵ Крубер В. В. Указ. соч. С. 32.

⁶ Кириков С. В. По Южному Уралу... С. 75. Речь идет об ужении форели на ключе Багры (приток реч. Замаш, впадающей в р. Кизил).

⁷ Полевые записи автора 1976 г. Тетр. № 2. С. 15.

⁸ Там же.

⁹ Аксаков С. Т. Записки ружейного охотника... С. 358.

«в большинстве случаев форель имеет длину около 6–8 вершков и весит 1–2 фунта»¹. Лев фон Берггольц в притоках р. Инзерь видел форелей, достигающих внушительных размеров.

Теперь рассмотрим способы ужения **тайменя**, которого башкиры называют *кызылбалык*² ‘красная рыба’, в ряде мест для его обозначения применяется термин *кызылса*³ ‘красная рыба’. Предпринятый нами ниже анализ вопроса основывается преимущественно на данных литературы.

«Таймень, – отмечает Ф. Кунилов, – сильная и могучая рыба из семейства лососевых. Житель холодных вод... забирается в верховья самых маленьких ручьев и речушек, где и выметывает свою икру на каменное дно, а потом, исполнив известный закон природы, он снова спускается на свои любимые ямы, где и кормится рыбами...»⁴. «Она очень красива, – пишет С. Т. Аксаков об этой рыбе. – Вся, как и форель, испещрена крупными и мелкими, черными, красными и белыми крапинами... нижняя часть тела беловато-розового цвета»⁵. Судя же по сведениям, полученным нами от рыбаков из числа башкир горных районов, таймень, в отличие от других рыб, в хвостовой части имел красноватую окраску. «Задняя часть его тела вся была почти красная, и эта особенность была характерна особенно тайменям крупных экземпляров», – сообщил рыбак Юсуп Абдрахманович Багаутдинов из д. Азово Архангельского района⁶. Кстати, на этот же признак указывал и В. В. Крубер: «Когда плывет мелкими местами, извиваясь в воде, она хвостом машет, точно красным платком»⁷.

В былые годы на р. Белой они плавали обычно по утрам после восхода солнца, и, как правило, всегда парами, в большинстве случаев не спеша шли против течения. Так что не случайно их называли в Уфимской и Оренбургской губерниях *красулями*⁸. П. И. Рычков отмечал, что «красною рыбою обыкновенно называются в Оренбурге *лосось* и *лох*, которых в реках Белой, Каме и в Ике (кой впадает в Каму) ловится довольно (много. – М. М.)»⁹. Здесь необходимо объяснить значение последнего термина. До и в начале XIX в. в пределах Оренбургского края для обозначения тайменя часто употреблялся термин *лох*¹⁰.

В вопросе об ареале распространения тайменя в водах нашего края исследователи расходятся. По мнению одних (П. И. Рычков, С. Т. Аксаков, Л. П. Сабанеев, Н. Казанцев, В. В. Крубер, С. И. Руденко, Ф. Кунилов), эта рыба водилась в реках

¹ Сабанеев Л. П. Серебряные зеркала... С. 167.

² Башкорт теленен һүзлегә. Ике томда. М., 1993. 1-се т. 717-се б.

³ Полевые материалы автора. 1983 г. С. 15.

⁴ Кунилов Ф. Таймень // Уральский охотник. 1930. Май. С. 29.

⁵ Аксаков С. Т. Указ. соч. С. 355.

⁶ Полевые записи автора 1993 г. Тетр. № 1. С. 2.

⁷ Крубер В. В. Указ. соч. С. 32.

⁸ Тахаев Х. Я. Башкирия: экономико-географическая характеристика. М., 1950. С. 70.

⁹ Рычков П. И. Топография... С. 155.

¹⁰ См.: Тимофеев А. Собрание сочинений Оренбургской губернии // Архив РГО. Ф. 26. Ед. хр. 19. С. 78–79; Краткое описание Оренбургской губернии // Там же. Ф. 26. Оп. 1. Ед. хр. 15; Река Белая // Оренбургские губернские ведомости. 1846. № 3. С. 380. Согласно «Словарю русского языка XI–XVII вв.» (М., 1981. Вып. 8. С. 277–278), *лох* – это отоцавший в период нереста лосось.

Южного Урала с холодной водой и жила обычно вместе с форелью и хариусом. Иного мнения придерживался С. В. Кириков. Местом обитания тайменя он считал лишь р. Белую, по притокам которой рыба поднималась ранней весной для нереста. «На Южном Урале, — писал он, — таймень живет только в р. Белой и ее притоках, да и то не во всех: в р. Урале и его притоках его нет»¹.

В действительности ареал распространения тайменя в нашем крае был гораздо шире: на западе его граница проходила по бассейнам рек Малого и Большого Зая², включая некоторые другие реки Бутульминско-Белебеевской возвышенности, а на востоке — по Миассу³ и по ряду рек Троицкого уезда⁴. Полевой материал, собранный нами в 1975–2002 гг. в различных районах Башкортостана, а также архивные и литературные источники позволяют конкретно указать те водоемы, где раньше обитала эта рыба. В частности, сюда относятся Малый и Большой Инзер⁵, притоки последнего — Тюльмень и Басу, а также притоки Зилима Мазара и Зигаза (и ее приток Тара)⁶, реки Зиган, Бол. Арметь и Рязуяк⁷, Нугуш и Урюк⁸, Авзян и Кага, Узьян⁹ и Бетеря*, Кана¹⁰ и Тарывал, а также вышеупомянутые реки.

Интересно отметить, что в Башкортостане обитало несколько видов тайменя. «Рыба здесь в изобилии, ею кишат каждый ручеек, каждая речка. Первое место занимают таймень, или красная щука, серая щука, окунь, жерех, кутема, или харлюс (хариус), пеструшка»*. В «Кратком описании Оренбургской губернии», хранящемся в архиве Российского географического общества, отмечается, что здешние «реки изобильны хорошей рыбой, стерлядом, белой рыбицей, *лохами* (красулями. — М. М.)...»¹¹.

Немало было тайменя в местных реках в первой половине XX в. «В Салазе***, когда мне было лет 12, — сообщает очевидец, испытавший счастье ловить эту благородную рыбу, — я за день наловливал целые курджумы (речь идет о переметной суме — М. М.) тайменей...»¹².

В этой связи представляет интерес и полевой материал. Так, «В 60-е годы XX в. во время заготовки сена для колхоза мы жили в шалашах, — вспоминает рыбак-люби-

¹ Кириков С. В. В лесах и степях... С. 66.

² Аксаков С. Т. Записки... С. 355.

³ Паллас П. С. Путешествие по разным провинциям Российской империи. СПб., 1786. Ч. 2. Кн. 2. С. 15.

⁴ Игнатьев Р. Описание Троицкого уезда // Архив РГО. Ф. 26. Оп. 1. Ед. хр. 18. С. 11 об.

⁵ Бергхольц Л. Указ. соч. С. 80.

⁶ Полевые записи автора 1975, 1976, 1982 и 1993 гг.

⁷ Полевые записи М. Г. Ахмедьянова... С. 15.

⁸ Полевые записи автора 1994 г. С. 56.

⁹ Кириков С. В. По Южному Уралу... С. 88; *Он же*. В лесах и степях... С. 18, 66, 67 и др.

* Сведения о рыбах, обитающих в этой реке, сообщены заслуженным учителем Абдулкаримовской средней школы Нурисламом Усмановичем Ахметовым (см. Полевые записи автора 2003 г.).

¹⁰ Кириков С. В. В лесах и степях... С. 18.

** Дети гор и лесов...

¹¹ Архив РГО. Ф. 26. Оп. 1. Ед. хр. 15. С. 2.

*** Речь идет о правом притоке р. Каны Салажи в Бурзянском районе республики.

¹² Кириков С. В. В лесах и степях... С. 18.

тель Марат Гизитдинович Муллагулов, – которые стояли в урочище Изгильде-башы, откуда было недалеко до р. Узяна. Как только появлялась возможность, я спускался к реке с удочкой. Рыбы в р. Узяне было поистине много, особенно тайменя и щуки, не говоря уже о таких, как хариус, елец и голавль. Тайменей я ловил на самодельную блесну (*ялтырма*). К шалашу возвращался всегда с хорошим уловом. В послевоенное время колхозникам жилось особенно туго, не хватало хлеба, другой пищи. Мелкого скота было мало, приплод был еще маленьким, чтобы его резать. Нас выручали тогда таймени. Их жирное и вкусное мясо вполне заменяло, если не превосходило, баранину»^{*}.

Вышеприведенные примеры относятся или к Бельскому бассейну, или же к восточному склону Южного Урала. Но на тайменя охотились не только здесь. Приведем пример, относящийся и к западной части южноуральских гор. «Моя жизнь прошла в Арметке», – рассказывал нам заядлый рыбак из д. Верхний Ташбукан (Гафурийский р-н) Гиният Гатиятович Хидиятов (1918 г. р.). – Мы переехали сюда из с. Макарово в 1955 г. Тогда еще в Арметке много было рыбы, в том числе и тайменей. Ловил я их в основном на удочку. Таймень очень охотно идет на живца, особенно на хариуса и ельца. Я еще застал здесь тайменей длиной от 40 см до одного метра»¹.

Однако заметим, что ловить тайменя удочкой не так-то легко. Чтобы убедиться в этом, достаточно обратиться к работам С. В. Кирикова. «К нашему стану пришли два башкира с соседней животноводческой фермы, – сообщает он. – Они увидели удище с блесной и попросили дать им на время эту снасть. Сказали, что здесь в Узяне водятся крупные кзылбалык (красные рыбы – таймень). Вскоре я услышал возбужденные голоса, доносившиеся с Узяна. Я поспешил туда и увидел, как башкир старался вытащить на берег крупного тайменя, попавшегося на блесну. «Не тащите сразу, надо утомить рыбу», – крикнул я рыбаку, но было уже поздно. Таймень сломал все три крючка на блесне и ушел»². Сведения аналогичного содержания мы находим и у Л. П. Сабанеева. «Крупные таймени всегда обрывают бечевку и никогда не достаются в добычу рыбаку»³, – сообщает он, касаясь ужения этой рыбы. Эти два примера дают ответ на вопрос, почему башкиры при ловле тайменя отдавали предпочтение другим способам.

В настоящее время в реках Южного Урала этот вид рыбы встречается крайне редко, преимущественно в Бурзянском районе, да и то местами (по словам охотника и рыболова Яхьи Фазулловича Сабитова (1932 г. р., д. Байгазино Бурзянского р-на), последний раз тайменя в р. Суваняк он поймал в 1967 г. Рыба была достаточно крупной – более 1 м и весом 16 кг.). В последний раз тайменя в р. Белой у д. Максютотова того же района выловил в 2001 г. ее житель Басир Казыханович Мустафин. Высушенная голова этой рыбы сейчас находится в фонде МАЭ УНЦ РАН. Таймени же, вылов-

^{*} Устное сообщение Марата Гизитдиновича Муллагулова.

^{**} Речь идет о р. Б. Арметка.

¹ Полевые материалы М. Г. Ахмедьянова... С. 15.

² Кириков С. В. По Южному Уралу... С. 88.

³ Сабанеев Л. П. Указ. соч. С. 158.

ленные рыболовом-любителем Мансуром Ямангуловым в р. Белой у д. Тимирова (Бурзянский р-н), по времени относятся к 80-м годам прошлого столетия¹. Причину исчезновения ценных видов рыб местные жители объясняют промышленным освоением региона, хищническим сплавом леса, строительством животноводческих ферм по берегам рек, распространением массового туризма, общим изменением экологических условий в регионе под воздействием антропогенного воздействия. В этих условиях государственным органам и местному населению необходимо создать действенные механизмы охраны окружающей среды, основанные на многовековых традициях башкирского природопользования.

Из рыб, повсеместно встречавшихся в горных речках, а иногда и в лесостепной зоне раньше (изредка встречается до сих пор), достоин внимания также **ельец**. У башкир он известен под названием *сабак* или *йоморо сабак*². Следует заметить, что первый термин в качестве названия данной рыбы находит отражение на страницах «Древнетюркского словаря»³ и почти идентичен по своей форме с башкирским названием этой рыбы (сравни: *ĉabaq* и *сабак*).

Ельцу дается подробная характеристика в «Записках...» С. Т. Аксакова. «Блестящей серебряной чешуей она сходна с **уклейкой**, – отмечает он, касаясь физических особенностей этой рыбы, – но она белее, не плоска, а брусковата, похожа складом на голавля. Длинною бывает с небольшим в четверть, а толщиною пальца в полтора; глаза, перья и хвост какого-то неопределенного серовато-сизого цвета, а спинка потемнее»⁴.

В отличие от предыдущих видов рыб при ужении ельцов рыбакам не приходилось уходить далеко от населенных пунктов. Их можно было ловить где угодно по всему течению реки, за исключением более крупных экземпляров. Последние водились чаще всего там, где хариусы. Способ ловли ельцов удочкой мало отличался от техники ужения хариуса*. Объяснялось это, с одной стороны, тем, что ельцы кормились теми же насекомыми, чем питались хариусы, с другой – излюбленными местами для обоих видов рыб являлись речные перекаты с ямами.

Способы ловли этой рыбы зависели больше от времени года, чем от других факторов. Весной при большой воде на ельца рыбачили обычно со дна, используя в качестве насадки навозного червя. А летом с обмелением рек и просветлением воды ельцы держались чаще всего на поверхности воды и питались разными насекомыми, падающими с веток деревьев, а также с их листьев. В это время, как и хариусы, ельцы особенно обожали кузнечика. Поэтому с хорошим уловом рыбы возвращались домой те рыбаки, которые учитывали эту особенность при ужении.

По вкусовым качествам мясо ельца уступало лишь мясу хариуса и форели, не говоря уже о мясе тайменя. Данное мнение поддерживали и информаторы, сре-

¹ Полевые записи автора 2004 г. С. 51.

² См.: Полевые записи автора 1982, 1984, 1990, 1993, 2000–2003 гг.; Башкирско-русский словарь. Уфа, 1996. С. 523.

³ Древнетюркский словарь. Л., 1969. С. 135.

⁴ Аксаков С. Т. Записки... С. 321–322.

* См. об этом выше.

ди которых немало было и рыбаков. Этим вопросом интересовался в свое время и С. Т. Аксаков: «Вкус ельца составляет нечто среднее между плотицей и уклейкой»¹. Если автор книги в данном случае имел в виду ельцов, обитавших в мельничных прудах и реках лесостепной зоны, то он, несомненно, был прав. Однако такое замечание было совершенно несправедливо в отношении ельцов, которые водились в водоемах горной части. По мнению рыбаков, живущих по бассейнам рек Белой (верхнее течение) и Урала, а также их притоков, елец имел вкусное и ароматное мясо, и оно по качеству уступало лишь мясу хариуса, форели и тайменя².

До сих пор мы говорили о ельцах. Теперь перейдем к ужению **голавля**. Однако сначала необходимо сказать несколько слов о его распространении в наших водоемах.

В отличие от вышеописанных видов рыбы, особенно хариуса и форели, не говоря уже о таймене, голавль встречался и встречается теперь повсеместно в реках с холодной водой. Башкиры называют его *ажсу*³, местами – *кушбаш*⁴. В ряде деревень жители путают голавля с язем. Как ни странно, это явление находит отражение и в научной литературе. Так, например, С. В. Кириков переводит башкирский термин «*опто*» на русский язык как «голавль»⁵. Рыболовы сами легко различают их. Известный охотник-любитель и заядлый рыбак из д. Кургашлы (Бурзянский р-н) Гали Хуббутдинович Ямангулов (1935 г. р.) главным отличием голавля от язя считает сравнительно большую голову. Кроме того, по его мнению, эта рыба гораздо толще в спине по сравнению с язем⁶. «Помимо широкого лба, голавль отличается от язя также своим внешним видом, – подчеркивал учитель-ветеран из д. Абдулькаримово (Баймакский р-н) Нурислам Усманович Ахметов (1939 г. р.). – Эта рыба гораздо красивее, чем язь. От последней рыбы голавль отличается и хвостом, который бывает почти черным»⁷. Оценка, которую дали башкиры голавлю, находит подтверждение в описании С. Т. Аксакова. «Голавль не так широк, как язь, – отмечает он, прекрасный знаток фауны и флоры Башкирии, определяя особенности этой рыбы, – длиннее его и гораздо толще в спине... Он гораздо красивее язя: чешуя крупнее и серебристее, а каждая чешуйка по краям оттенена тонкою, блестящею, коричневою каемкой. Рот имеет довольно большой, глаза темные; нижние перья красноваты, а верхние, особенно хвост, темно-сизого цвета, так что когда в полдневный пригрев солнца рыба подымается со дна на поверхность воды, то сейчас отличишь голавлей по темно-синим, черным почти хвостам»⁸.

¹ Аксаков С. Т. Записки... С. 321–322.

² Полевые записи автора 1990 г. С. 9; 2004 г. С. 3.

³ Башкорт теленең һүзлеге ... 1-се т. 31-се б.

⁴ См. Полевые записи автора 1976, 1978, 1982, 1993–2002 гг.; Башкорт теленең һүзлеге... 1-се т. 710-се б.

⁵ Кириков С. В. В лесах и степях... С. 120.

⁶ Полевые записи автора 2004 г. С. 5.

⁷ Там же.

⁸ Аксаков С. Т. Записки... С. 330.

О технике ужения голавля мы уже частично говорили. Этот вопрос обстоятельно рассмотрен в литературе¹. К сказанному можно добавить лишь то, что любимой пищей для голавля являлась личинка жука-носорога, на которую особенно охотно клевали крупные экземпляры этой рыбы. В этой связи нелишне сослаться на книгу С. В. Кирикова «В лесах и степях Южного Урала», где автор подробно описывает процесс ужения голавля на белого червя на р. Сакмаре в 50-е годы XIX века².

Если верить словам местных рыболовов бассейнов рек Белой, Уфы, Быстрого Таныпа, Сюнь, Ика и других более или менее значительных рек нашего края, то для голавлей отличной приманкой служило также тесто, заготовленное из ржаной муки³. Кроме того, башкиры голавлей ловили на живца. В последнем случае удочку с насадкой оставляли в воде на ночь где-нибудь в укромном месте, надежно прикрепив удилище к берегу.

Необходимо заметить, что у информаторов язь особой популярностью не пользовался. Местные рыбаки почему-то мало рассказывали об этой рыбе. Судя же по литературным сведениям, **язь** относится к числу лучших рыб как по качеству мяса, так и по своей величине. «Язь, – пишет С. Т. Аксаков, сравнивая его с голавлем, – довольно широк, но уже не кругловат и ровнее плотицы; иногда достигает трех четвертей длины и двух вершков толщины, разумеется, в спине; хвост и нижние перья имеет красные, а верхние – сизые, глаза светло-коричневые; покрыт чешуей, которая около спины крупнее и темнее, по большей части серебристого цвета, но попадаются изредка язи в одной и той же реке желтовато-золотистые. Они водятся только в чистых водах: реках, проточных прудах и бывших озерах...»⁴.

На основании наших многочисленных наблюдений во время экспедиционных поездок по районам Башкортостана и соседних областей можно утверждать, что язь был характерен больше для рек лесостепной и степной зоны нашего края, чем для остальной части Башкортостана. Об этом же сообщали рыбаки лесостепной зоны Башкортостана. Мне иногда приходилось рыбачить в таких реках, как Сюнь и Маты, Ик и Усень, и при этом мой улов в большинстве случаев состоял из одних язей и ельцов. Голавля среди них не было. Отсюда следует, что язь – это рыба, обитающая в водоемах лесостепной и степной зоны.

При описании ужения рыбы у башкир не следует упускать из виду также и **подуста**, которого было много в реках как горной части нашего края, так и в проточных водоемах лесостепной зоны. Внимание рыболовов он привлекал прежде всего своим жирным и вкусным мясом, хотя и было в нем немало мелких костей. Так что трудно согласиться с той оценкой, которая дается мясу подуста в «Энциклопедическом словаре Русского библиографического института Гранат», где считается оно

¹ Аксаков С. Т. Записки... С. 330; Сабанеев Л. П. Жизнь и ловля пресноводных рыб. Киев, 1970; Цеханович Ю. В. Рыбы Урала и их ужение. М., 1937; Кириков С. В. В лесах и степях... С. 121; За голавлями // Сельская жизнь. 1982. 10 сент.

² Кириков С. В. В лесах и степях... С. 121.

³ См.: Полевые записки автора 1990–2002 гг.

⁴ Аксаков С. Т. Записки... С. 327.

«невкусным»¹. В большей части нашей республики подуст известен под названием *бурый*². Местами эту рыбу называют *тубан ауыз* и *һандык ауыз*³. Последнее название подуст получил на том основании, что в отличие от других рыб у него носовая часть выступает несколько вперед, из-за чего рот располагается в нижней части челюсти. Рыба имеет и другую особенность, в частности, в ней брюшная плева обычно бывает «темной», почти «черной». Не случайно местами называли и называют эту рыбу «чернопузкой».

Ареал распространения подуста на территории нашего края был довольно широк. На восточной части он ограничивался р. Урал⁴, на юге – Сакмарой⁵, на западе – более или менее значительными реками Бугульминско-Белебеевской возвышенности⁶.

Подусты никогда не плавали в одиночку. В отличие от вышеописанных видов рыбы они держались стаями (*өйөр*). Другой характерной особенностью подустов являлось то, что даже тогда, когда они стояли на одной точке, время от времени повертывались и ложились то на один, то на другой бок. Кстати, на эту черту в поведении рыб указывает и С. В. Кириков, наблюдавший за движением подустов в водах рек Белой и Сакмары в 40-е годы XIX века⁷.

Так что даже молодым, малоопытным рыболовам, не трудно было обнаружить местонахождение этой своеобразной рыбы. Как только подусты встали в каком-нибудь омуте, рыбаки осторожно и незаметно подходили к стае берегом или прямо по воде и начинали удить рыбу. Для ловли подуста использовались крючки маленького размера. Башкиры удили эту рыбу на навозного червя, чаще всего летом или же ближе к осени. В технике ужения подуста были свои тонкости, о которых достаточно подробно сообщается в книге Л. П. Сабанеева «Рыбы России...»⁸. Следовательно, здесь остается сказать лишь о некоторых моментах, имевших место в башкирском рыболовстве. В частности, один из информаторов рассказывал, что в технике ужения подуста были свои особенности. Если голавль, тем более елец, насадку брали сразу, то подуст не спешил это делать. Во-первых, он очень осторожно подплывал к приманке, во-вторых, пробовал ее почти незаметно, слегка прикасаясь к ней губами. Абсолютно невозможно было определить через удочку: имеется ли рыба у насадки или там ее еще нет. Поведение и действия подуста мог почувствовать лишь тот рыбак, который хорошо знал его повадки и имел немалый опыт в рыболовстве. Хотя рыбы достаточно долго крутились возле приманки, тем не менее одна из них все равно решалась и брала червя в пасть, но никуда ее не тащила... Достаточно было

¹ Энциклопедический словарь Русского Библиографического института Гранат. 11-е изд. Б. м. и б. г. Т. 32. С. 458.

² Башкортса-русса һүзлек... 1996. 111-се б.

³ Шунда ук. 648-се б.; Полевые записи автора 1984 г. С. 13, 36.

⁴ См.: Берг Л. С. Рыбы... Пг., 1914. Т. 3. Вып. 2. С. 382.

⁵ Полевые материалы автора 1997 г. Тетр. № 2. С. 2.

⁶ Там же. 1998 г.

⁷ Кириков С. В. По Южному Уралу... С. 45; Он же. В лесах и степях... С. 82–84.

⁸ Сабанеев Л. П. Рыбы России. Жизнь и ловля (ужение) наших пресноводных рыб. 3-е изд. / Под ред. Н. В. Туркина. М., 1911. С. 759–778.

попасть на удочку одной из них, ее примеру следовали остальные рыбы из косяка. Задача рыбака заключалась в том, чтобы снимать каждую рыбу, не допуская срыва какой-либо из них. Губы подуста твердые, так что рыба редко срывалась с крючка, хотя она считается достаточно бойкой и довольно сильной¹.

Подуст – рыба костистая, но имеет очень вкусное и жирное мясо. Большинство жителей употребляло его в пищу в копченном или в сушеном виде. Для копчения рыбы башкиры использовали ольховые дрова. В последнее время в этих целях употребляется чаще всего сухая солома. Иногда рыба оставлялась в духовке до утра. По словам информаторов, за это время тушились не только мясо, но и кости рыбы.

Среди рыб, на которых охотились башкиры, мы видим также **леща** и **подлещика**. Судя по полевым материалам, относящимся ко многим районам Башкортостана, его ужением больше всего занимались на западе республики². Объяснялось это не столько страстью местных охотников к данному виду рыболовства, сколько обилием здесь этой рыбы, приспособленной жить и размножаться в водоемах с богатой растительностью, слабым течением и характеризующихся глубоководностью. Не случайно в реках и озерах западных районов мы встречаем таких рыб, какими являются лещ, густера, красноперка, подлещик и сом³. В верхнем течении р. Белой нет ни подлещика, ни сома. Очень редко встречается здесь также лещ. Впрочем, не будем вдаваться в подробности данного вопроса; это – задача других исследователей.

Вернемся снова к лещу. Башкиры эту рыбу называют *корбан балык*, *корман балык*⁴. обстоятельную характеристику леща мы находим в работах Л. П. Сабанеева⁵, Л. С. Берга⁶, С. Т. Аксакова⁷ и ряда других авторов. Наиболее полно и красочно характеризует эту рыбу С. Т. Аксаков. «Круглой, плоской, широкой своей фигурой лещ отличается от всех других рыб, – отмечает писатель, – голова у него небольшая, особенно кажется такою по ширине склада, рот еще меньше относительно величины всего тела. Лещи бывают огромной величины и весу: достигают почти аршинной длины, двух четвертей ширины и в то же время только до двух вершков в спине... Они бывают желтовато-золотистого и серовато-серебристого цвета, но первые редки; брюхо – белое. Чешуя на них крупная, хвост и перья сизые и очень небольшие, глаза белые с темными зрачками»⁸.

В этой связи нельзя не вспомнить об одном случае, имевшем место в истории д. Миндигулово (Бурзянский р-н). «В 60-х годах XX века близ нашей деревни у са-

¹ Эти слова подтверждали и другие рыбаки во время беседы по данному вопросу (см.: Полевые записи автора 1990, 1993, 1995, 2000 и 2001 гг.).

² Полевые записи автора 1979 г. Тетр. № 1. С. 10; Тетр. № 2. С. 90; 2001 г. С. 1.

³ См. об этом подробнее: Животный мир Башкортостана / Под ред. М. Г. Баянова и Е. В. Кучерова. Уфа, 1995. С. 202, 2003–2004.

⁴ Башкирско-русский словарь... 1958. С. 339; Башкирско-русский словарь... 1995. С. 370.

⁵ Сабанеев Л. П. Серебряные зеркала... 1993. Т. 2. С. 126–157.

⁶ Берг Л. С. Указ. соч. Л., 1933. Т. III. Вып. 3. С. 828.

⁷ Аксаков С. Т. Записки... С. 332–334.

⁸ Там же. С. 333.

мого глубокого омута р. Белой причалила большая лодка с русскими рыбаками, — рассказывал один из местных жителей. — Вместе с нами они зашли в омут для ловли рыбы. В первый раз ее набралось в невод столько, что мы не могли вытащить на берег. Пришлось вынимать ее руками, класть в сетки, в посуду. И во второй раз улов был велик и состоял главным образом из тайменей и сомов, жереха и леща. Их грузили в лодку попеременно с крапивой. Остальную рыбу получили башкиры»¹.

К сожалению, теперь таких лещей нет не только здесь, но и в других местах р. Белой, по крайней мере, в Бурзянском районе. Сами рыбаки причину этого явления видят, с одной стороны, в попадании в реки остатков химических удобрений с полей, а с другой — в обмелении рек горной зоны в результате хищнической вырубки леса.

При рассмотрении интересующего нас вопроса основой послужил полевой материал, собранный нами в западной части Башкортостана. В частности, во время беседы некоторые рыбаки Бакалинского, Туймазинского, Краснокамского, Калтасинского, Балтачевского, Бижбулякского, Шаранского, Еремеевского, Миякинского, Буздякского, Альшеевского и других районов говорили, что раньше лещей было много, местами встречается до сих пор в таких реках, как Кама, Ик, Буй, Сюнь, Быстрый Танып, Усень и Дема². Ловили их удочкой весной, летом и осенью. В первое время наиболее подходящей насадкой при ужении леща считались навозные черви. Рыба особенно охотно шла на эту приманку в мутной воде, т. е. ранней весной. С просветлением воды рыбаки перешли к другим видам приманки. В частности, летом в качестве насадки широко использовались распаренные зерна (перловка, пшеница и др.). В настоящее время, прежде чем идти на рыбалку, предварительно подкармливают рыбу остатками пищи (вареной вермишелью, рисовой или перловой кашей). Раньше в этом не было необходимости, в местных водоемах рыба была в изобилии.

Лет двадцать тому назад нам удалось наблюдать за процессом ужения леща в реках Кама и Быстрый Танып. Рыбаки ловили эту рыбу на размоченный горох и вытаскивали из воды хороших лещей.

Мясо леща вкусное и жирное. Охотно ели башкиры особенно реберную часть его тела, ибо эта рыба костлявая. В большинстве случаев из него варили уху.

Говоря о местных рыбах нашего края и о способах их ужения, следует сказать и о **щуке** (*суртан*)^{*}, которая встречалась в изобилии как в реках, так и в озерах. Каждому возрасту рыбы соответствовало отдельное название. Так, например, 2–3-летнюю щуку раньше называли *сурагай*³. Примечателен также тот факт, что данные термины в различных вариантах встречаются и у других народов: *чортан* — у казанских татар, *сартан* — у чувашей, *сордон* и *сордохай* — у якутов, *цурохай* — у монголов и *чурохай* — у бурят⁴.

¹ Полевые записи автора 1966 г. С. 10.

² См.: Полевые записи автора 1979, 1990, 1995, 2001 гг.

^{*} Этот термин дается в качестве башкирского названия щуки и в словарях (см.: Башкирско-русский словарь... 1995. С. 457).

³ Там же.

⁴ См.: *Сабанеев Л. П.* Рыбы России: жизнь и ловля... 1911. С. 760; Русско-монгольский словарь. М., 1960. С. 762.

Щука – крупная и сильная рыба. В этом отношении она нисколько не уступает сому, про которого существуют разные легенды. Она относится к группе хищных рыб, питающихся в большинстве случаев мелкими рыбами. Щука редко кидается на червя, тем более на насекомых, служащих основной насадкой для обычной удочки. Не случайно, слух о человеке, поймавшем щуку на обыкновенную удочку, тут же распространялся по всей деревне. Считалось, что щука идет на удочку только счастливого рыбака. Получалось так, что не человек охотится на щуку, а она выбирает рыболова.

Тем не менее следует отметить, что обыкновенная удочка не пригодна для ловли щуки. Последняя, будучи сильной и самой подвижной рыбой, а также имея острые зубы, попавшись на удочку, либо сразу порывала тонкую леску, либо откусывала насадку с крючком. Ведь не случайно некоторые рыбаки носили с собой и вторую удочку, более подходящую для ловли крупной рыбы, а иные имели еще более толстую леску и запасные крючки. При необходимости рыбак менял снасти и, насадив живую рыбку на крючок, начинал охотиться на щуку. Кстати сказать, процесс ужения щуки достаточно подробно описан в литературе¹. «На этот раз я взял еще одну удочку с самой толстой жилковой леской, – отмечает С. В. Кириков, рыбачивший вместе с башкирами на р. Сакмаре. И далее продолжает: – «Мы быстро поймали несколько пескарей и, насадив самого крупного из них, я забросил удочку под пену. Щука, у которой так неудачно складывалась в этот день охота, не замедлила схватить наживку. Я подсек и тотчас почувствовал по тяжести, что, должно быть, попалась та самая рыба, которая бралась утром. Не раз она бросалась вглубь, и с трудом отводил ее в сторону, но наконец рыба утомилась, и я вытащил ее на гальку. «Вот мой кармак (крючок), – закричал Ильдар, – заметив конец жилки, торчавшей из огромной щучьей пасти»².

Для ловли щуки башкирами чаще всего использовалась **жерлица** (*суртанлык*)*. Жерлица представляла собой рогульку, на которую наматывалась крест-накрест бечевка с поводком и крючком на конце. Рогулька (*сатамай*) изготовлялась из дерева. Для этого чаще всего использовалась развилка молодой березы или черемухи. Рогулька должна была быть строго правильной формы, и обычно она имела крепкие рожки (*сата агастары*). На концах для защемления бечевки делали срез. Бечевка (*суртанлык ебе*) раньше делалась из конского волоса³, лишь позже ее стали вить из конопляных волокон. Длина бечевки могла быть различной; чаще всего она зависела от ширины реки, а толщина же – от величины ловимой рыбы. Чтобы бечевка, свитая из конопляных волокон, была прочнее и как можно дольше служила, иногда ее натирали воском. Что же касается поводка, то его чаще всего делали из тонкой стальной проволоки. А в отсутствие такого материала в качестве поводка служила слабо

¹ См.: Аксаков С. Т. Записки...; Сабанеев Л. П. Указ. соч., С. 270–326; Кириков С. В. В лесах и степях... С. 66, 122–123.

² Кириков С. В. В лесах и степях... С. 122.

* Местами эта рыболовная снасть известна под названиями *ерэ* и *суртангы*. Оба термина встречаются в указанных выше башкирско-русских словарях (см.: Башкирско-русский словарь... 1958. С. 186; Башкортса-русса һүзлек... 1996. 186, 557-се бб.).

³ Полевые записи автора 2004 г. С. 54.

свитая шелковая нить. К поводку прикрепляли якорь (*суртан кармагы*), сделанный чаще всего местными мастерами. В ряде случаев для жерлицы использовались двойные крючки или просто один большой крючок.

Над водой жерлица поддерживалась с помощью шестика (*таяк*), который острым концом втыкался в берег. Если там, куда намеревались ставить жерлицу, рос ивняк с наклонившимися к воде ветвями, то рогулька привязывалась непосредственно к ним. Способы установки жерлицы для щуки изучены основательно и описаны в классическом сочинении Л. П. Сабанеева¹.

С помощью жерлицы рыбу ловили круглый год. Зимой их устанавливали либо в прорубях, либо в полыньях и оставляли на ночь. Последний способ практиковался чаще и шире: во-первых, не нужно было затрачивать время на прорубание лунок, во-вторых, в полыньях скапливалась рыба. Информатор Иргали Хажирахметович Баймурзин сообщал, что в установленные его отцом жерлицы всегда попадались щуки².

Возвращаясь снова к затронутому вопросу, необходимо отметить, что ловить щуку на жерлицу было делом нелегким. Рыбак должен был знать, где прячется и охотится эта хищная рыба. Если же он находил такое место, то должен был определить, куда и как ставить жерлицу и т. д. Во многих деревнях были свои рыбаки на щуку, так называемые щукари. Каждый из них хорошо знал повадки этой рыбы, умел ловить хищницу не только с помощью жерлицы, но и обычной удочкой.

Щуки в зависимости от возраста имели свои названия. Малек щуки назывался *серем*, или в ряде мест – *шүрәнле*³. Годовалая рыба длиной от среднего пальца до запястья в одних местах называлась *кәләм*, а в других – *шүкә*, от того же пальца до локтя – *сурагай* или *зурикай*. И наконец, взрослая щука длиной от среднего пальца до плеча обозначалась словом *суртан*⁴.

Раньше в реках и озерах нашего края щук было много. Иногда их даже били обыкновенной косой. В р. Белой встречались очень крупные экземпляры этой рыбы, местные жители называли их *оло суртан*. В этой связи хочется обратить внимание на книгу Р. Ахмедова «Слово о реках, озерах и травах», где он подробно описывает рыбу, увиденную в озере Аслыкуль⁵. Этот труд заслуживает внимания и в том отношении, что в нем приводятся интересные сведения о размерах рыб, в том числе и щуки.

Не меньше башкиры рыбачили также на **окуня**. Рыба эта сильно отличается от вышеописанных видов как внешней окраской, так и своей конфигурацией⁶. Окунь – не менее хищная рыба, чем щука. В этой связи приведем оценку, данную окуню зоологом и ихтиологом Ю. Симашко: «Эта рыба чрезвычайно хищная, но вред жадности

¹ Сабанеев Л. П. Серебряные зеркала... С. 299–303, 356–359 и др.

² Полевые записи автора 2005 г. Тетр. 1. С. 54.

³ См.: Башкирско-русский словарь. Уфа, 1996. С. 774.

⁴ Мәжит Гафури. Әсәрҙәр. Өфө, 1959. 6-сы т. 346-сы б.

⁵ Ахмедов Р. Слово о реках, озерах... С. 215–223.

⁶ Подробнее об этом см.: Аксаков С. Т. Указ. соч. С. 342–343; Сабанеев Л. П. Указ. соч. С. 8–10; Симашко Ю. Русская фауна. Б. м. и б. г. С. 6–15 и др. работы.

ее обуздывается незначительною величиною тела... Она даже жаднее щуки. Она хватает окуней и ершей, никогда не трогая колючек из опасения их шипов; а жадность окуня лишает его и этой осмотрительности: он бросается на все...»¹.

Окунь известен башкирам под названием *алабуга*. Правда, раньше, наряду с этим термином, употреблялись и другие названия. Так, Л. П. Сабанеев в качестве одного из башкирских названий окуня приводит термин *алабага*, а С. В. Кириков зафиксировал у некоторых башкир Сакмарского бассейна термин *алантай*².

Окунь – одна из красивейших рыб Южного Урала³. Его вкусное мясо преимущественно используется для приготовления ухи. Из кожи окуня и ерша, а также налима и сома раньше изготовляли клей⁴, который применялся в том числе и для склейки отдельных частей башкирских луков и седел. К сожалению, нам не удалось получить тех или иных сведений по технологии изготовления такого клея.

Во время своих путешествий И. И. Лепехин наблюдал у казаков с низовьев Волги изготовление клея из воздушных пузырей стерляди, осетра, белуги, севрюги и сома: «Сперва, проявив несколько пузырей, кладут в чистое полотно и трут его до тех пор, пока от нее верхняя пелена (в)отстанет и тонкие жилочки вынуты и отделятся от своей влажности. Выбрав жилки и стянув пленку, получают самый чистый клей... Стерляжий клей почитается за самый чистый... К стерляжьему клею добротою подходит севрюжий клей, которого приуготовление от стерляжьего ни в чем не разнится...»⁵. Лапландцы же делали клей из кожи рыб следующим образом: «Сдирают кожу с больших окуней, – отмечал Ю. Семашко, – сушат ее и, сняв чешуи, для чего смачивают ее холодною водою, опускают в кипяток, придавливая камнем; чтобы <куски> кожи не намокли при этом, берут их по четыре или пять штук и обертывают берестой или кладут в олений пузырь. Прокипев с час, кожа делается мягка и липка, и тогда ею натирают дерево луков, отчего оно получает большую упругость»⁶. Если учесть, что, по словам И. И. Лепехина, «крепостию в клейке превосходит клей, состоящий из разных частей севрюжьего и стерляжьего»⁷, то не приходится сомневаться в прочности башкирского клея, при изготовлении которого использовалось сырье семи видов рыб⁸.

Способы ловли окуня удочкой как у башкир, так в целом у соседних народов мало чем отличались, ибо в результате их тесного контакта друг с другом в течение ряда лет здесь сложились единые культурные традиции. Поскольку техника ужения

¹ Семашко Ю. Указ. соч. С. 6.

² Сабанеев Л. П. Записки... С. 8; Кириков С. В. В лесах и степях... С. 120. В настоящее время эти термины вышли из употребления.

³ См.: Аксаков С. Т. Записки... С. 342–343; Семашко Ю. Указ. соч. С. 6.

⁴ Подробнее см.: Полевые материалы автора 1990 г. Тетр. 2. С. 9; Там же. 2001 г. С. 18.

⁵ Дневные записки путешествия доктора и Академии наук адъюнкта Ив. Лепехина по разным провинциям Российского государства, 1768 и 1769 году. СПб., 1771. Ч. 1. С. 247–248.

⁶ Семашко Ю. Указ. соч. С. 8.

⁷ Дневные записки путешествия доктора и Академии наук адъюнкта Ив. Лепехина по разным провинциям Российского государства, 1768 и 1769 году. СПб., 1771. Ч. 1. С. 248.

⁸ Башкорт халык ижады. Өфө, 1959. 2-се т. 77-се б.

этой рыбы, как и всякой другой, в той или иной мере рассмотрена в литературе*, мы переходим к другой рыбе.

Налим известен башкирам под названием *шамбы*. Различные сведения об этой своеобразной рыбе читатель может получить из трудов вышеуказанных авторов, также из книги П. П. Сушкина и Д. Пашина¹.

Налим – ночная рыба. Возможно, поэтому у башкир особо не практиковалось его ужение днем. В большинстве случаев он попадался на жерлицу, которая ставилась на других хищных рыб, в частности на щуку и тайменя. Однако следует заметить, что и на эту снасть налим не всегда попадался. Часто бывало так, что наживка или становилась пищей для других хищников, или два-три дня оставалась нетронутой.

Особой популярностью у местных рыбаков, в частности у башкир, налим не пользовался, хотя и имел немалое практическое значение в их жизни. Достаточно сказать, что налимя кожа часто заменяла стекло в башкирских избах², а также использовалась при изготовлении клея. Налим относится к числу тех рыб, которые не имеют чешуи, зато на нем много слизи. Поэтому его трудно чистить. С другой стороны, налим чем-то похож на змею. А как относились наши предки к последним, читатель знает из работы И. И. Лепехина³. Была еще третья причина, которая вызывала у башкир неприязнь к этой в принципе безобидной рыбе: налим питался также падалью, в том числе и мясом утонувших животных.

Тем не менее люди ценили налима из-за его высококалорийного мяса и вкусной печени. Налим не имеет мелких костей, и уха из него превосходна, если приправлена сметаной и диким луком.

Среди рыб, на которых охотились башкиры, мы увидим также **сома** (*йэйен*). Внешне эта рыба вроде бы похожа на налима, однако имеет отличия. Говоря словами С. Т. Аксакова, рот сома «шире, голова сливается с туловищем»⁴. Относительно его размеров, он отмечает: «[сомы] бывают чудовищной, баснословной величины, что проглатывают не только детей, но и взрослых»⁵. Судя по данным А. Игнатовича, в р. Сакмар в XIX в. водились «сомы, достигающие до 16 четвертей...»⁶. Информаторы из деревень Дюртюли Давлекановского, Новосеяшево, Алдарово, Старые Балгазы и Кипчак-Аскарново Альшеевского и Абишево, Ильчигулово Миякинского районов Башкортостана давали такие сведения, согласно которым были случаи, когда крупные сомы сбивали хвостом овцу или даже теленка в воду⁷.

Башкиры ловили сома преимущественно на жерлицу, заправленную большим крючком. Судя по сведениям С. Т. Аксакова, величина крючков бывала под размер

* Достаточно указать хотя бы на известные труды С. Т. Аксакова, Л. П. Сабанеева, Л. С. Берга и Ю. Симашко.

¹ Сушкин П. П., Пашин Д. Определитель рыб Европейской России. М., 1923.

² Георги И. Г. Описание всех обитающих в Российском государстве народов... Ч. 2. С. 95–107.

³ Лепехин И. И. Продолжение дневных записок путешествия... Ч. 2. С. 172–174.

⁴ Аксаков С. Т. Заметки об ужении рыбы // Собр. соч. М., 1896. Т. V. С. 126.

⁵ Там же.

⁶ Игнатович А. Башкирская Бурзянская волость // ОГВ. 1862. № 6. С. 11.

⁷ Полевые записки автора 1982 г. Тетр. 2. С. 5.

«пожарного багра с соразмерною зазубриною, которые привязывали на крепкие веревки»¹. Приманкой для них чаще всего служили куски мяса, очищенные напополам куры или утки. Нередко бывали случаи, когда их ловили на рыбу, либо лягушку. По данным Л. П. Сабанеева, «лучше всего сом брал на карася, подлещика...»². Жерлицы ставились на открытых местах, где не было водорослей, других трав, и там, где отсутствовали коряги. Шест для поддержки жерлицы должен был быть березовый или из черемухового дерева, обладающего прочностью и гибкостью. Однако считалось более целесообразным привязывание жерлицы к прибрежной иве, которая легко сгибалась и разгибалась, благодаря чему приманка рыболовной снасти привлекала к себе рыбу и в то же время последняя не могла порвать леску³. В том случае, если жерлица прикреплялась к колу, вбитому в землю или ко дну водоема, то приходилось особо следить за его устойчивостью, чтобы сом не мог вырвать кол вместе с жерлицей. Башкиры охотились на сомов преимущественно в таких реках, как Белая (среднее и нижнее течение), Уфа, Дема, Сим, Ик, Сакмара, Таналык, Урал и др. На некоторых из них рыбакам даже в наше время удавалось вытащить крупные экземпляры этой рыбы. В этой связи, несомненно, привлекают внимание конкретные факты из мест, на двух из которых мы хотим остановиться здесь. Первый связан с ловом сома в р. Сим⁴, второй – в верхнем течении р. Белой^{*}.

Следует заметить, что в наше время наблюдается интересная картина, связанная с миграцией этой рыбы из первоначальных мест обитания. В частности, насколько свидетельствуют об этом полевые материалы, раньше сом мало встречался в верхнем течении р. Белой, зато теперь его вылавливают в Белорецком и Бурзянском районах. Сом поднимался выше по Уфе и Деме, Сакмаре и Таналыку, а также по Уралу. Сами старожилы причину этого явления видят в строительстве и функционировании таких крупных водохранилищ, как Юмагузинское, Нугушское, Павловское, Таналыкское и Абдулкаримовское⁵.

Естественно, лов рыбы удочкой у башкир не ограничивался указанными видами. В качестве объекта ужения выступали также подлещик (*караганат*), речной синец (*күкен, күксэй*), плотва (*сабак*), судак (*һыла*), белоглазка (*аксәгер*), ерш (*шырт*), пескарь (*һөмбәш*) и др. Ясно, что мясо этих рыб по вкусовым качествам уступало мясу рыб вышеописанных видов. Поэтому в башкирском рыболовстве только что перечисленные рыбы имели второстепенное значение.

¹ Аксаков С. Т. Заметки об ужении рыбы... С. 127 и др.

² Сабанеев Л. П. Рыбы России... С. 958.

³ Полевые записи автора 1982. Тетр. 2. С. 16.

⁴ См.: Стасюконис А. Сом из Сима // Республика Башкортостан. 2003. 12 нояб. Например, такое счастье улыбнулось рыбаку-любителю Виталию Мартынову, преподавателю Уфимского государственного авиационного технического университета, который выловил в Симе сома весом 20 кг.

^{*} Заслуживает внимания также сом, пойманный рыболовом-любителем Ишмуратом Муллагуловым в р. Белой у д. Мурадымово. Он не мог унести рыбу домой один, и ее пришлось разрубить на части (устное сообщение указанного информатора, 2006 г.).

⁵ См.: Полевые записи автора 2000–2005 гг.

Ловля рыбы на перекатах

Летом на обмелевших реках и с потеплением воды после окончания весенних полевых работ начиналась ловля рыбы на перекатах (*шаршы*). Ловили рыбу все: и местные рыбаки, и приезжие. Рыбачили, стоя в воде на перекате (*шаршылатып һалыу*), без поплавка и грузил; и удилищем пользовались редко. Вместо него применялась небольшая дощечка (*таббалдерек*) длиной 15–20 см, имеющая углубление на концах, куда и при необходимости собиралась сама леска. Часть лески с крючком, насаженным живым кузнечиком или личинкой жука-носорога, забрасывали в воду, затем постепенно отпускали всю леску длиной до 10 м по течению. Чтобы крючок не застрял на дне, леску время от времени подергивали. За счет этого приманка находилась в постоянном движении, что и приманивало к ней рыбу. Данный способ ловли был более эффективным по двум причинам: во-первых, рыба сразу попадалась на крючок (без подсечки), во-вторых, в основном это были крупные особи.

Вытаскивание из воды на перекатах требовало большого мастерства. Остановимся на этом подробнее.

Рыбак должен был следить, чтобы первая рыба не сорвалась с крючка, потому что все остальные особи могут уйти из этого места. Убедившись в том, что на крючок попала крупная рыба, он сразу же ослаблял леску и делал несколько шагов по направлению к добыче, которая, пытаясь освободиться, бросалась то влево, то вправо. После того как обессилевшая рыба всплывала наверх, он начинал осторожно подтягивать ее к себе, постепенно выходя на берег. При этом леску нужно было тянуть слабее, чтобы она не порвалась. Приближаясь к суше, он резко ускорял шаги, чтобы выбросить рыбу на берег.

Чтобы показать, как много значит практический опыт при ужении рыбы, приведем конкретный пример. Около полвека назад мы с заядлым рыбаком из д. Старомунасиново Бурзянского района Факилом Нажметдиновичем Бикметовым пошли на рыбалку и вскоре оказались на арале – месте скопления рыбы, где текущая на юг р. Белая, встретив на своем пути скалу, резко поворачивает на запад. Здесь ее течение преграждается огромным камнем, вызывающим мощную пену на поверхности. Мы вошли в воду на самом перекате выше этого камня и, насадив на крючки живых кузнечиков, забросили удочку по течению. Не прошло каких-нибудь двух-трех минут, как удочка моего соседа сильно задергалась. Кажется, попала крупная рыба. В этот момент на поверхности на мгновение показался большой *агасак* (жерех) и, изогнувшись полукольцом, ударился о пенистую воду. Я подумал, что он, наверное, порвал леску, но, оказывается, Факил-агай успел ослабить ее и принялся изматывать бьющуюся рыбу. Сопротивлялась она еще долго, но через некоторое время обессилела и была выброшена на берег. Такую крупную рыбу редко удастся успешно вытащить из воды, но опытный рыбак мастерски справился с этой задачей. Размер рыбы оказался равным длине человеческой руки*, а вес – более трех килограммов.

Вскоре удача улыбнулась и мне – на крючке забился и стал тянуть меня в воду красивый голавль. Идти за ним я не мог, ибо впереди был глубокий омут. Мой напарник

* Башкиры так измеряли рыбу. Это примерно 50 см.

закричал: «Бросай леску, с рыбой ничего не случится, она далеко не уйдет». Я послушался, и, действительно, через некоторое время на поверхности воды на самом глубоком месте омута показалась дощечка с намотанной леской. Мы ждали, пока она приблизится к берегу. Вскоре голавль успокоился, и мы без труда вытащили его из воды.

Теперь несколько слов о том, как поступали местные рыбаки в том случае, если рыба срывалась с крючка или обрывала леску. Во-первых, они сразу переходили на новое место, например, на 5–6 шагов вниз по течению реки, во-вторых, меняли насадку – скажем, кузнечика заменяли личинкой короеда или оводом.

Зимнее ужение

Как уже говорилось выше, зимой ловлей рыбы в основном занималось население Зауралья, что объяснялось его географическим положением. «Башкиры Екатеринбургского уезда, – читаем в сочинении Н. С. Попова, известного историка Уральского края, – занимают южную часть одного по рекам Зюзельке, Тече, Караболке, Синаре и около озер, между ними лежащих»¹. Последних особенно много было в юго-восточной части Екатеринбургского и Шадринского уездов, где основную часть населения составляют башкиры. По сведениям Л. П. Сабанеева, на территории только одного Шадринского уезда насчитывалось 150 больших и малых озер². Что же касается Челябинского уезда, то здесь их было еще больше. Судя по сведениям архивного документа, в XIX в. в Зауралье числилось 1 145 озер³, подавляющее большинство из которых относилось к числу пресноводных, т. е. рыбных⁴. Все это, несомненно, способствовало развитию здесь рыбной ловли. Зимнее ужение рыбы практиковалось не только в Зауралье, но и по нижнему течению р. Белой и в Прикамье⁵. Распространение здесь зимнего ужения объяснялось многими причинами. Укажем на некоторые из них. Во-первых, в озерах Зауралья и в реках Белой и Каме, как и во многих водоемах таежной зоны Евразии, в зимнее время из-за недостатка кислорода ежегодно происходил массовый мор рыбы, а уцелевшая часть устремлялась к полыньям у ключей или же к проруби. Ловля их удочкой и другими способами в это время осуществлялась легко. Во-вторых, именно к концу февраля у башкир заканчивались запасы пищи⁶, и единственным способом для существования становилось рыболовство. В-третьих, зимой башкиры были свободны от хозяйственных работ и могли

¹ Попов Н. С. Хозяйственное описание Пермской губернии. СПб., 1813. Ч. 3. С. 5.

² Сабанеев Л. П. Очерки Зауралья и степное хозяйство на башкирских землях. М., 1873. С. 30.

³ Тимофеев А. Собрание описаний Оренбургской губернии // Архив РГО. Ф. 26. Ед. хр. 19. С. 48.

⁴ Краткое описание Оренбургской губернии в 1817 г. // Там же. Ф. 26. Оп. 1. Ед. хр. 15. С. 2; Сабанеев Л. П. Очерки Зауралья... С. 30; Вишняков В. И. Рыболовство и законодательство. СПб., 1894. С. 88–89.

⁵ Черемшанский В. М. Описание Оренбургской губернии... С. 444; Руденко С. И. Башкиры. Опыт этнологической монографии. Физический тип башкир // Записки РГО. СПб., 1916. Т. 43. Вып. 1. С. 4–5, 11–12.

⁶ Тимофеев А. Собрание описаний... С. 31; Симон Ф. П. Общественные работы, производившиеся в Оренбургском и Орском уездах в 1899 году, и значение их для этих местностей // Изв. Оренбургского отдела ИРГО. Оренбург, 1900. Вып. 14. С. 94, 97.

заниматься разными делами: охотой, рыболовством¹, заготовкой и вывозом леса, кустарничеством и т. д. В-четвертых, в это время года рыба не портилась и сохранялась дольше.

Остановимся на этом подробнее. Судя по словам башкирских рыболовов Зауралья, здесь, как и на остальной части расселения башкир, наиболее подходящим материалом для лески зимней удочки служил конский волос, снятый с хвоста жеребца. Он был прочнее кобыльего. «Лески зимою повсеместно, за редким исключением, употребляются волосяные, – подчеркивал Л. П. Сабанеев, – потому что, во-первых, всякая рыба зимою не требует крепкой снасти, а главным образом потому, что шелковые (пеньковые) лески чаще обмерзают на морозе, примерзают к проруби, чем волосяные»².

Крючки на удочках были простые, в большинстве своем без бородки. По сведениям, полученным у башкир Курганской и Челябинской областей, подобные крючки были более практичными³. Вынимать в мороз, как это правильно отмечает Л. П. Сабанеев, голый рукой крючок, заглотанный колючим ершом, было не особенно приятно.

В зимнее время при ловле рыбы удочкой башкиры редко пользовались поплавком. Другой особенностью башкирской удочки являлось то, что на ней не было рогульки, куда обычно наматывалась леска⁴.

В Зауралье рыбаки, особенно башкиры, редко пользовались и грузилом.

В качестве приманки для рыбы чаще всего использовался мормыш (*мәнка*) – бокоплав (*Gammarus Lacustris*), широко распространенный в башкирских озерах Зауралья, а также в оз. Большие Учалы*. Ловили их следующим образом: «На конец палки привязывался пук мочала. Влажную массу обильно посыпали мукой и опускали в прорубь. На муку собиралась масса мормышей, которые облепляли мочалу. Пойманных рачков укладывали в деревянный ящичек (*калта*), вырезанный из цельного дерева с задвижной крышкой. Чтобы мормыши не замерзли, ящичек этот во время ловли рыбы держали за пазухой шубы. Пока крючок с такой приманкой находился в воде, рыбак пару рачков держал во рту с тем, чтобы быстрее после клева рыбы насадить живую приманку на крючок»⁵.

Там, где мормыша не было, в качестве приманки использовались навозные черви, которых выкапывали осенью и хранили в подвале в специальном ящике с увлажненной землей.

¹ Сабанеев Л. П. Очерки Зауралья... С. 30–37.

² Он же. Рыбы России... 1911. С. 67.

³ Полевые записи автора 1971 г. Тетр. 1. С. 75; 1972 г. Тетр. 1. С. 16; 1997 г. Тетр. 5. С. 54, 78–79.

⁴ Сабанеев Л. П. Рыбы России... С. 66.

* «В озере Большие Учалы, где его (мормыша. – М. М.) достаточно много, плотва и окунь всегда имеют большой вес и высокую упитанность по сравнению с рыбами соседнего озера Ургун» (Животный мир Башкортостана. Уфа, 1995. С. 90).

⁵ Руденко С. И. Башкиры... 1955. С. 94. Существовали и другие способы добычи мормыша. Так, например, башкиры д. Калмык-Абдрашитово (Сафакулевский р-н, Курганская область) ночью с факелами выходили на озеро и разбивали прибрежный лед. Рачки, привлеченные светом, облепляли лед снизу. Их сгребали оттуда с помощью загнутой палки с сеткой на конце (*һәзгәс*). Добытого мормыша хватало даже на продажу: его охотно покупали приезжающие на башкирские озера рыбаки (Полевые записи автора 1997 г. Тетр. 1. С. 54).

Как мормыша, так и червя охотно брали особенно ерш и окунь. «Но так как всякая рыба зимою, а тем более ерш, берет только там, где стоит, — подчеркивал Л. П. Сабанеев, касаясь рыбной ловли у башкир Зауралья, — то прежде всего надо было отыскать становище, а потому приходится прорубить до десятка и более лунок, прежде чем попасть на место»¹. Следует отметить, что рыб тогда было невероятно много почти в каждом озере. «Обилие это зависит, — писал вышеупомянутый автор, — от обилия питательных веществ, вследствие чего рыба вырастает необыкновенно быстро»². И на крючок она шла безотказно. По сведениям Л. П. Сабанеева, «зачастую рыбак в короткий зимний день науживал до двух пудов». Чтобы не быть голословным, позволю себе привести конкретный пример. «В Теренкульчике, небольшое горное озеро в сто сажин длины и три сажин глубины, которое долгое время считалось безрыбным, — читаем, в частности, в книге «Очерки Зауралья...», — до сорока рыбаков выживали каждодневно в продолжение нескольких недель по 3, 4 и 5 пудов окуней в полфунта и фунт». Автор указанной книги добавляет: «Башкирец, сделавший это открытие*, ловил несравненно более»³.

Зимнее ужение рыбы в Зауралье получило наибольшее распространение в горной и лесостепной зонах, т. е. на стыке Уральских гор со степью. У жителей Аргаяшского и Кунашакского районов Челябинской области, Альменевского и Сафакулевского районов Курганской области оно практиковалось мало.

Вполне понятно, что излишки рыбы шли на продажу. Судя по нашим полевым исследованиям, местные рыбаки ездили со своим уловом в такие города, как Щучье, Шумиха, Челябинск, и другие крупные населенные пункты⁴.

Глава 5

ЛОВ РЫБЫ С ПОМОЩЬЮ ПРИСПОСОБЛЕНИЙ И ЛОВУШЕК

Наиболее распространенной рыболовной снастью у башкир являлась **морда** изготовленная в большинстве случаев из ивовых прутьев. Ее плетение не представляло особой сложности. При изготовлении морды работа начиналась с приготовления ободка (*тирәс*). Делали его из лозы, придавая ей дугообразную или четырехугольную форму. Затем к этому ободку приплетали прутья головки морды скрепляя их толстые концы с соседними. Когда остов был готов, основные прутья скрепляли более тонкими поперечными, пропуская их то с одной, то с другой стороны. Повторив подобный переплет 3–4 раза, заканчивали плетение передней части морды (*бала мурза*). Для плетения корпуса (*мурза инаһе* или *мурза корһаһы*) использовали более толстые ивовые прутья длиной в 1,5 м. Последние прикре-

¹ Сабанеев Л. П. Рыбы России... С. 67.

² Он же. Очерки Зауралья... С. 36.

* Первыми обнаружили рыбу в этом озере башкиры.

³ Сабанеев Л. П. Очерки Зауралья... С. 37.

⁴ Полевые записи автора 1972. Тетр. 1. С. 16.

плялись к первому переплету головки аналогичным же способом. Для прочности корпуса в морду вставляли два-три ободка (*корһак тугыны*) несколько большего диаметра, чем диаметр первого переплета.

Местами башкиры делали рыболовные снасти и со сплошным переплетением, но способы их изготовления оставались в основном те же, что и при плетении морды.

Башкиры бассейна р. Тьюй делали морду с усиками¹, приплетая для этого к ее ободку дополнительные прутья длиной в 1,2 м. Таким образом, у башкир морда целиком делалась из ивовых прутьев. Это важная конструктивная особенность, ибо у ряда народов, например у карел, из прутьев был только каркас морды, тогда как большая часть ее состояла из сети².

Тут нам хочется остановиться на «туйском» типе морды еще раз. Судя по полевым материалам, в подобную снасть рыба попадала чаще и гораздо больше, чем в обычную³. Вполне возможно, ибо боковые «усики» морды не пропускали рыбу, поднимающуюся вверх против течения. Последняя вынуждена была проходить в устье морды. С другой стороны, «туйская морда» была больше и размерами, как в длину, так и по диаметру. Эта особенность играла немалую роль при ловле рыбы в весеннее половодье.

Начиная с 60-х годов XX века у башкир, как и у многих других народов республики, появились металлические морды, чаще всего из алюминиевой проволоки. Следует заметить, что при этом форма и размеры морды сохранились, зато изменился вес, она стала несколько тяжелее и менее удобной при транспортировке с места на место. По словам рыбаков, в такую морду рыба шла неохотно. С деревом и другой растительностью рыба всегда была в органической связи, а металл для нее являлся инородным телом. Не случайно морду старались делать преимущественно из зеленой ивы*, ибо такая снасть не пугала рыбу, наоборот, притягивала ее к себе.

Обилие строительного материала, в частности тальника**, и несложная технология изготовления⁴ делали морду широко распространенной рыболовной снастью. Даже теперь ее можно увидеть во многих деревнях, расположенных по берегам рек и озер, а также искусственных водоемов. На вопрос: «Чем ловили рыбу башкиры раньше?» – везде и всюду вы получите ответ: «Мордой».

Мордой ловили рыбу круглый год. Она упоминается в трудах Н. Казанцева, В. М. Черемшанского, Д. П. Никольского, С. И. Руденко, С. В. Кирикова и ряда других исследователей⁵.

¹ Полевые записи автора 1979 г. С. 17.

² Тароева Р. Ф. Материальная культура карел. М.; Л., 1965. С. 38.

³ Полевые записи автора 1979 г. С. 17.

* Подтверждает этот факт и его сын Хакимьян Гильмутдинович Муллагулов (1930 г. р., д. Старомунасиново).

** В Башкирии трудно найти речку или реку, где бы не были массовые посадки тальника. Если верить сведениям из периодической печати, то на территории Южного Урала растет 26 видов ивы.

⁴ См.: Муллагулов М. Г. Лесные промыслы башкир. Уфа, 2002. С. 116–117.

⁵ Казанцев Н. Описание башкирцев // ОГВ. 1850. № 20; Черемшанский В. М. Описание Оренбургской губернии... С. 35–36, 65; Никольский Д. П. Из поездки к лесным башкирам // Землеведение. 1895. Т. 2, кн. 4. С. 13; Руденко С. И. Башкиры, 1925. С. 29; Кириков С. В. По Южному Уралу и Башкирии / Под ред. Н. Н. Воронцова. М., 1989. С. 101.

Мордой башкиры широко пользовались также в запорном рыболовстве. Она шла в ход сразу же после таяния снегов. «Полая вода вышла из берегов, – писал С. В. Кириков, – и полилась по протокам. Сакмагушские жители, любившие ловить рыбу, стали устраивать на них езы. Самыми большими любителями были усатый Мухамедзян... и Калиулла, плотный и коренастый, как дуб.

Стоя по пояс в ледяной воде, они вбивали в дно четыре кола попарно и переплетали их сверху черемуховыми или тальниковыми ветвями. Затем вырубали две жерди и клали их одним концом на промежуток между кольями, а другим – на берег протоки. Затем вбивали ряд кольев, прислоняя их к жерди и заполняя тальником промежуток между кольями. Посредине загородки оставляли проход и ставили в нем морду горлом против течения. Рыба в половодье идет вверх, встретив ее, она устремляется в проход и попадает в морду»¹.

Морда помогала населению ловить рыбу, когда та шла на нерест. В это время отдельные рыбаки загораживали речку углом вверх – речными камнями или плетнем из черемуховых прутьев, оставляя при этом окно на углу, и ставили туда морду устьем вниз. Поскольку скорость течения реки была непостоянной, то рыба иногда проходила мимо ловушки. И все же какая-то часть ее попадала в морду. Ловля эта длилась недолго. Со спадом уровня воды рыба переставала идти в верховья. Ловить рыбу становилось труднее, поэтому башкиры прибегали к помощи так называемого *сыуана*, о чем будет сказано ниже. Там, где такой способ не применялся, рыбу ловили с помощью петли или удочки.

В летний период, примерно с конца июня, любая рыбалка, в том числе и с помощью морды, временно прекращалась: все были заняты на сенокосе. Если у кого и было время для рыбной ловли, то он использовал для этого морду с приманкой. В качестве последней (*алдаткыс*) брали свежую коноплю (*киндер*) или овес (*һоло*), пучки которых привязывались внутри морды к верхним прутьям как можно ближе к ее хвосту. Зачастую рыбаки использовали для этого прошлогодние овсяные колосья. Конопляная приманка привлекала рыбу специфическим запахом и вкусом, а овес являлся для нее лакомством. Гораздо реже морду заправляли специально засушенными для этого кусочками хлеба, которые привязывали внутри верхней части.

Ставили морду в омуты (*яттыу*). В большинстве случаев это были места, где кончаются перекааты (*шаршы*), или же плесы (*оло яттыу*). Рыба хорошо шла в морду там, где берег резко обрывался вниз и образовывал яму (*ярзау*). Рыба любила спокойные заводи с зарослями кувшинок и водорослей.

Чаще всего в морду ловились голавли, красноглазки и ельцы. Окунь и щука попадали туда, охотясь за рыбой. Иногда крупные особи застревали в горловине ловушки и сдвигали морду с места на значительное расстояние.

Осенью башкиры возвращались с сенокоса. Теперь рыбаки могли заняться своим любимым делом. У кого не было морды, изготавливали ее на скорую руку. Осенью

¹ Кириков С. В. По Южному Уралу... С. 101.

рыба хорошо идет в морду с приманкой, и рыбаки старались найти места ее скопления. Улов обычно был богатым*.

Зимой морда ставилась в озеро без какого-либо дополнительного приспособления. Рыба приманивалась хлебом или другой насадкой.

В горной зоне лов рыбы мордой в речках производился несколько иначе. В частности, для этого делали забойку – перегораживали часть реки плетнем. Плетень (*шаран*) состоял из тоненьких прямых палочек или дранок, связанных между собой мочалом или бечевкой. Длина *шарана* зависела от величины участка реки, где планировалась ловля, и в целом составляла 10–20 м, а высота – 0,75–1,2 м в зависимости от глубины водоема. При установке шарана во льду прорубался канал шириной 12–15 см и такой длины, чтобы в него поместился плетень. После этого в канал забивали 4 и более кольев (*казак*), к которым затем сверху и снизу привязывали жерди. К верхней жерди привязывался *шаран*. Посередине *шарана* имелось окошко для морды. Прежде чем установить в него морду, к ее горловине вертикально привязывали мочалом палку длиной 2 м с рогатиной (*сата*) на конце сверху. Затем для морды делали прорубь (*мурза яткыс*). Для того чтобы прочно закрепить морду в проруби, в снасть клали камни, а массивный камень привязывали к ее хвостовой части. Опускали морду в воду, придерживая за палку. Как только она ложилась на дно, на рогатину накладывали две жерди с толстыми концами, чтобы обеспечить устойчивость снасти. Далее, положив поперек два обрубка дерева на прорубь с мордой, бросали на них три-четыре ветки с верхушкой. Чтобы вода в проруби не замерзла, ее закрывали сеном или соломой и забрасывали снегом. В последнее время прорубь стали закрывать специальным дощатым настилом. Принцип ловли рыбы с помощью шарана заключался в следующем: шедшая вверх по течению рыба, встретив на пути *шаран*, вынуждена была обходить его справа или слева. В первом случае ей мешал берег, а во втором – она попадала в морду. Такого рода *шаран* получил распространение особенно по бассейну р. Белой.

У ряда башкир юго-восточной зоны, в частности у усерган, *шаран* был несколько иной конструкции. В отличие от вышеописанного он не имел «окошка» для морды. Последняя устанавливалась внутри *шарана* устьем вверх и соединялась с перпендикулярно стоящей к нему (забою) перегородкой длиной в 1,5–2 м и шириной 0,5–0,8 м. Поднимавшаяся по течению реки рыба, доходя до *шарана*, вынуждена была идти вдоль перегородки вниз. Поскольку перегородка нижним концом входила в горлови-

* Однажды известный рыболов с верховьев Белой Хайетдин Бикметов предложил мне посмотреть его морды, лежащие под большим перекатом у горы Сандалы. Ранним утром мы пошли к реке. Хайетдин-бабай разделся по пояс, потому что морды находились далеко от берега. К счастью, обе они были почти полны рыбы. В одной из них оказалось две щуки, одна из которых была достаточно крупной. Рыболов вытаскил морды с большим трудом, постепенно идя по течению и одновременно приближаясь к берегу. Вскоре были освобождены от рыбы обе снасти. Далее, привязав в каждую из них пучки овса и коноплю, он снова положил морды туда же. Мы еле дотащили улов домой.

Во время обеда или после него мы снова пошли с ним смотреть свои ловушки. Придя к месту, мы обнаружили, что морд на месте нет. Оказывается, они были сдвинуты с места рыбами. Улов был большой. Хайетдин-бабай на сей раз решил раздать эту рыбу своим соседям. Вечером запах вареной рыбы распространился по деревне. Подобный поступок – древнее явление, свидетельствующее о том, что рыболовством предки башкир занимались не меньше, чем другими видами хозяйственных занятий.

ну морды, то рыба так или иначе попадала в морду. Аналогичная картина наблюдалась и на другой стороне перегородки. Ясно, что, прежде чем опустить перегородку и морду в воду и прикрепить их ко дну реки, сначала прорубали отверстия во льду для каждой из них. Перегородка, как и морда, привязывалась к вбитым в дно кольям. По словам рыбаков, такой *шаран* был гораздо производительнее в ловле рыбы, чем приспособление вышеописанного типа. Вполне возможно, рыба шла в морду по обеим сторонам перегородки. Чтобы не было сомнения в сказанном, приводим здесь два примера. Один из них отражает реальную картину рыбной ловли в западной части Башкортостана*, а другой – показывает нам, насколько выгодным было рыболовство зимой по бассейну р. Инзер**.

Морду проверяли каждое утро. В нее попадали чаще всего щука и налим. Впрочем, это зависело от того, когда и какая рыба поднималась по реке¹.

Ловля рыбы в зимних условиях, тем более с помощью *шарана*, была занятием трудоемким, требовала она не только умения, но и немалой физической силы. Возможно, поэтому шаранщиков среди рыболовов было мало. Рыбаки, получившие широкую известность не только в своей деревне и районе, но и за их пределами – это в Хайбуллинском районе – Рахматулла Гимранович Каюпов (д. Сагитово), Гайнетдин Шайхетдинович Юнусов (д. Сакмар-Назаргулово), в Баймакском – Юлбарс Кираманов (д. Кусеево), в Бурзянском – Гилмитдин и Хайетдин Муллагуловы (д. Старомунасиново), Хажиахмет Баймурзин, Хубутдин Ямангулов и Адигам Мурзабаев (д. Тимирово), Шагит Карагулов (с. Байназарово), в Белорецком – Абдрахман Шаяхметов (д. Зуяково), в Учалинском – Катип Каримов (д. Наурозово), в Мечетлинском – Вали Абдрахманов (д. Каранаево), в Янаульском – Абдельгалим Якупов (д. Старонагаево), в Калтасинском – Махтум Бахтияев и Муллахмет Гареев (д. Староянзигитово), в Сафакульском районе Курганской области – Закир Абдуллин (д. Азналы), Хафиз Хасанов и Муса Гайсин (д. Бакеево)².

* «Я обычно ловил рыбу удочкой, – рассказывал нам рыбак-любитель из с. Новокатаево (Бакалинский р-н) Зияз Зиязетдинович Сарваров (1924 г. р.), – когда и как наловчился я к зимней рыбалке, теперь уже не помню. Мой *шаран* стоял в одном из рукавов р. Маты. Раньше она была полноводной. Первый улов поразил меня: морда была полна рыбой. Чтобы выгнать ее из воды, я вынужден был прорубить лед до самого берега... естественно, всю рыбу невозможно было утащить. Часть рыбы осталась в сутробе, за которой я пришел после работы вечером. Улов не раз радовал меня: в остальное время я приходил к своему *шарану* с санками. Несколько лет подряд всю зиму ели рыбу не только мы сами, но и наши соседи. До 1960-х годов рыба хорошо ловилась в морду, потом она стала показываться реже» (Полевые записи автора 2000 г. С. 94).

** Житель д. Зуяково (Белорецкий р-н) Абдрахман Шаяхметов (1906 г. р.) вспоминал: «Нам частенько приходилось ловить рыбу и зимой. У меня было излюбленное место на р. Инзер, куда ставили *шаран* еще мои предки. Как-то подхожу к реке, чтобы посмотреть морду, оставленную с вечера. Открываю прорубь и ничего не вижу. Я стал тянуть веревку, и морда с большим трудом поползла по дну. Вынимаю ее из воды и вижу в ней три большие щуки. На другой день морда опять оказалась полна рыбы. На сей раз – налимами. Забираю только крупные, а остальные отпускаю. Прихожу домой и рассказываю своему соседу об этом факте. Он в ответ говорит: «Разве нельзя было их оставить в ловушке, а на другой день забрали бы их». Я ему говорю: «Они ведь помрут с голоду...» (Полевые записи автора 1975 г. Тетр. 2. С. 15).

¹ См.: Полевые записи автора 1990–2005 гг.

² Там же.

Ловля рыбы с помощью *шарана* практикуется до сих пор. Мы, например, видели действующие *шараны* по бассейнам рек Белой, Уфы и их притоков.

Более совершенной формой запорного рыболовства у башкир являлась ловля рыбы с помощью «*һеуән*», который был известен им в трех видах. Наиболее простой тип его описан С. И. Руденко в книге «Башкиры», подготовленной им к изданию еще в начале XX в. «Это просто длинный и узкий клин из плетня, обращенного острием вверх по течению. Рыба, подымаясь вверх по течению и заходя в этот клин, не в состоянии повернуться, и застаивается там, пока рыболов (*балыксы*) не добудет ее»¹. Ловлю рыбы подобным способом молодой ученый наблюдал у башкир бушман-кипчаков.

Достаточно самобытен и конструктивно оригинален тип *сыуана* (от слова *һеуән*), практиковавшийся у башкир-бурзян горной зоны и встречающийся иногда в бассейне р. Белой в верхнем течении в зоне пещеры Шульган-Таш. Судя по описаниям местных жителей – Галимьяна Шамсултановича Юлмухаметова (1933 г. р.), Азата Давлетбаевича Яникова (1933 г. р.), Абузара Закировича Худайгулова (1940 г. р.), Барыя Гумеровича Билалова (1944 г. р.), *сыуан* представлял собой узкое и длинное приспособление клиновидной формы с открытым верхом у головки размером 20х35 см и прямоугольным устьем, высота которого обычно равнялась 28, а ширина 50 см. Он изготовлялся из черемуховых прутьев длиной в 1,5–2,5 м на скорую руку (за 30 мин.). Каждый *сыуан* снабжался специальным порогом (*һикалта*), представляющим собой плетень высотой 8 см из тех же прутьев, из которых изготовлялся корпус самой снасти. Он устанавливался в *сыуан* у его головки в под углом 25° к речке по ее течению².

Весной с исчезновением снегов в горах и ущельях вода в речках постепенно спадала. Почти одновременно с ней подымавшаяся вверх по течению рыба скатывалась вниз. Пользуясь этим моментом, некоторые рыбаки, а в ряде случаев даже отдельные местные жители, запруживали горные речки углом вниз, в одних случаях просто речными камнями, в других – специальным плетнем, оставляя при этом просвет в центре, куда прочно устанавливали *сыуан* с устьем вверх, т. е. против течения. Рыба, скатывавшаяся сверху, попадала в устье *сыуана* и тут же, проходя через его порог, падала вниз вместе с водой и оказывалась у хвостовой части ловушки. Она уже не могла повернуться из-за сильного напора воды и была вынуждена скапливаться в узком пространстве. С заполнением узкой полости *сыуана* рыбой течение воды уносило следующих рыб вниз, спускавшихся сверху реки, минуя ловушку. Таким образом, *сыуан* в данном случае был рассчитан на небольшое количество рыбы. Кто изобрел, не известно, каких-либо сведений по этому вопросу нам не удалось получить и от местных жителей, среди которых было немало и опытных рыбаков, по крайней мере таких как А. Д. Яников (1937 г. р., д. Кiekбаево, Бурзянский р-н). Благодаря Азату Давлетбаевичу Яникову Музей археологии и этнографии Центра этнологиче-

¹ Руденко С. И. Башкиры... 1925. С. 28.

² Полевые записи автора 2005 г. Тетр. № 2. С. 32–35.

ских исследований УНЦ РАН располагает теперь уникальным и редким экспонатом: башкирский *сыуан* изобретен с учетом природоохраны нашим далеким предком, неграмотным, но любящим природу и бережно относящимся к окружающей среде.

Во время поездки в Баймакский район (1997 г.) нам удалось собрать сведения еще об одной разновидности *сыуана*. Рыболовную снасть, описанную заслуженным учителем Башкортостана и отличником народного образования России Мидхатом Закировичем Резяповым (1937 г. р., работал директором школы № 13 г. Сибая), изготавливали из длинных прутьев, которые скреплялись друг с другом более тонкими поперечными, пропускаемыми через них то с одной, то с другой стороны на пяти точках по кругу через определенное расстояние. Ободок *сыуана* в одном случае делался в виде квадрата, в другом – имел круглую форму. В зависимости от этого делался и корпус *сыуана*: одни из них имели вид острого клина, а другие напоминали своей формой удлиненный конус.

Сыуан описанной конструкции использовался для ловли рыбы с конца сентября до начала октября. В это время рыба спускалась по течению к большим рекам. Башкиры-бурзяне лесостепной части запруживали* иногда горные речки в местах сильного течения, устанавливая *сыуаны* устьем против течения. Попавшаяся в ловушку рыба не могла идти обратно из-за напора воды. Судя по словам информаторов из с. Темясово (Баймакский р-н), с помощью *сыуана* ловили рыбу в речке Шерда**, где ее было невероятно много еще лет 50 тому назад¹.

По устройству описанный *сыуан* отличался от подобной рыболовной снасти, бытовавшей у башкир горной зоны, живущих по бассейну р. Белой (верхнее течение). Он изготовлялся без порога, не было в нем также верхнего окошка. Отличие обнаруживалось и в названиях снасти: горные башкиры называли его *һеуэн*, а башкиры-бурзяне лесостепной зоны – *һуген*. Последний термин фонетически ближе к *суген* – термину, употреблявшемуся в качестве названия подобной снасти рыболовства у ряда тюркоязычных народов Сибири и Саяно-Алтайского нагорья².

Сыуан все же считался сезонной рыболовной снастью. Как мы убедились в этом выше, с его помощью ловили рыбу главным образом ранней весной или же осенью и то лишь местами.

Среди плетеных рыболовных снастей у башкир встречаются и корчаги. Например, у населения, проживающего в бассейнах рек Белая, Уфа и Инзер, а также в некоторых местах Челябинской и Курганской областей. В конструктивном отношении они мало интересны. Одни корчаги имеют конусообразную, другие – грушевидную фор-

* Одни для этого использовали речные камни, а другие запруживали воду плетнем, изготовленным из черемуховых или ивовых прутьев.

** Приток Сакмары.

¹ Полевые записи автора 1997 г. Тетр. 1. С. 58.

² См.: Бельгибаев Е. А. Материалы по традиционному рыболовству челканцев // Сибирские тюрки. Омск, 2002. С. 414; Назаров И. И. Рыболовство у кумандинцев (по материалам экспедиций 2001–2001 гг.) // Там же. С. 462; Насибуллина А. Х. Названия рыб и рыболовных снастей в тоболо-иртышском диалекте сибирских татар // Там же. С. 367.

му. Материалом для их изготовления служат ивовые прутья. Правда, в последнее время их стали заменять алюминиевой проволокой. Поскольку устройство башкирских корчаг ничем не отличается от корчаг русского горнозаводского населения, а в башкирском языке отсутствует собственный термин для их обозначения, то можно предположить, что это орудие рыболовства было заимствовано коренными жителями от переселенцев.

В рыболовстве башкир применялись также **сетные орудия**: саки, разнообразные сети (поднимающие, ставные, волоковые, плавные), ловушки. Обратимся к источникам, в частности к материалам, находящимся в нашем распоряжении. В первую очередь, конечно, к трудам П. И. Рычкова. Бывая на летних кочевьях башкир, он обратил внимание на очень крепкие веревки, которыми они укрепляли свои юрты. Из такого же материала были сделаны рыболовные сети. Для этого башкиры использовали волокна крапивы. «Башкиры в некоторых жительствовах, – читаем в одном из трудов П. И. Рычкова, – вместо пеньки и поскони (конопли. – М. М.) употребляют крапиву, которая во многих местах сама от себя растет. Башкирские женщины и ребята, приготовляя оную, прядут и делают из сей пряжи холстины добротой против посконных. Веревки и сети рыболовные из той же пряжи у них делаются...»¹.

О широком применении сети для рыбной ловли у башкир убедительно свидетельствуют архивные документы из книги «Материалы по истории Башкирской АССР»², на которые мы будем ссылаться в тексте.

В плане затронутого вопроса интерес представляют также сведения из «Отчета делопроизводителя Уфимского губернского кустарного комитета Н. П. Газова, составленного по поручению г. Уфимского губернатора Н. М. Богдановича». В частности, он здесь отмечает, что в пределах Чукады-Тамаковской волости Белебеевского уезда «находятся два больших рыбных озера: Аслыкуль и Кандрыкуль. Близость рыбных озер натолкнула окрестных жителей заняться рыболовством, а последнее в свою очередь породило два производства: вязанье сетей и мереж и приготовление лодок и челноков... Сети вяжет каждый рыбак большею частью для себя и в редких случаях для продажи»³. Для части населения деревень Алга, Бурангулово, Курьятмасово это занятие стало неотъемлемой частью хозяйственной деятельности. В 1920-е годы башкиры сообща изготавливали сеть длиной до 40 м и круглый год ловили рыбу артелью из 8–10 человек⁴.

Имеется аналогичный материал и по другим уездам Уфимской губернии. «Рыболовство, – отмечается в указанной же книге в отношении Мелькенской волости Мензелинского уезда, – заставило население научиться искусству вязать рыболовные сети и делать из тальника морды. На все эти рыболовные снасти материал идет местный, так как жители сеют достаточно льну, а тальнику очень много растет

¹ Рычков П. И. О крапивной кудели... С. 71–72.

² См.: МИБ. М.; Л., 1949. С. 30, 393, 435, 438, 442, 450, 452.

³ Газов Н. П. Кустарное дело в Уфимской губернии. Уфа, 1900. С. 21.

⁴ Полевые записи автора 1982 г. Тетр. 1. С. 56–57.

на их заливных лугах»¹. Здесь же находим необходимые данные по Уфимскому уезду. «Некоторые жители из деревень Ибрагимовой и Тукучеевой, – читаем в источнике, – вяжут вятили, сбывая их в г. Уфе за 30–35 к.»². Впрочем, сведения подобного характера содержат также «Сборники статистических сведений по Уфимской губернии»³. Все это далеко не полные данные, тем не менее они ярко свидетельствуют о применении различных видов сетных орудий в традиционном рыболовстве башкир. Теперь мы вернемся к тому вопросу, с которого начали свою работу.

Обращает на себя внимание способ ловли рыбы, практиковавшийся и практикующийся поныне у башкир-табынцев бассейна р. Белой (среднее течение)⁴. В частности, жители деревень Утяганово, Малай и некоторых других соседних населенных пунктов при ловле рыбы пользовались уникальным приспособлением, так называемым **носко**, состоящим из двух тоненьких шестов длиной до 4 метров, гнутых на одних концах в виде дуги и скрещенных друг с другом в верхней части. Сеть прикреплялась к шестам снизу и напоминала собой форму мешка в центре. По словам рыбака-любителя Гайсара Баимова (60 л.), размер сети зависел от длины шестов, т. е. от величины снасти⁵. Пользовались этой снастью ранней весной, как только река освобождалась ото льда. Рыба в это время устремляется к чистой воде и плывет против течения. Чтобы ловить ею рыбу, башкир опускал **носко** на глубокое место прямо у берега и вел ее перед собой на 180° по течению реки, и тут же поднимал снасть. Далее, освободив сеть от пойманной рыбы, снова повторял ту же операцию, оставаясь на том же месте. Судя по сведениям, полученным от информаторов Гайсара Каусаровича Баимова, Усмана (69 л.) и Ахата (62 г.) Ахметьяновых, Т. Батталова (55 л.), М. Батталовой (52 г.), попадалась в это приспособление разная рыба, но чаще всего крупная. Во всяком случае, в это время добыча была удачной. К сожалению, со спадом речной воды такая рыбалка с помощью этого хитроумного приспособления прекращалась⁶.

Башкиры-рыбаки этой зоны теперь уже обращались к другим способам рыболовства: одни – к морде, другие – к сетям, третьи – к особой снасти под названием «зак» (**жак**). В своей конструкции она напоминала обычные нитяные крыленки (**нэратэ**), только в отличие от них была несколько длиннее и шире по размерам и не имела крыльев (**канат**). В каждом **жаке** имелось не менее трех входных отверстий, следующих друг за другом. Так что попавшая сюда рыба не могла выйти. Подобная снасть известна самим утяганцам больше под названием **жак**. Они считают его русским изобретением, появившимся в недавнем прошлом. Надобно заметить, что жители села, с кем нам приходилось иметь дело при выполнении научной задачи,

¹ Газов Н. П. Указ. соч. С. 34.

² Там же. С. 107.

³ Сборник статистических сведений по Уфимской губернии. Т. V.: Бирский уезд. Уфа, 1900. С. 188–189, 202 и др.

⁴ Полевые записи автора. 2014 г. С. 1–50.

⁵ Там же. С. 1–4; I–IV.

⁶ Там же. 2014 г. С. 1–18.

все отнеслись ко мне внимательно, были доброжелательны, благодаря им нам удалось получить ценные сведения по традиционному рыболовству башкир.

Весьма оригинальным способом являлся лов рыбы **ручной сетью** (*кур ултырыу*), практиковавшийся лишь у части демских башкир. В частности, рыболовы деревень Старые и Новые Балгазы, Алдарово и Никифарово (Альшеевский р-н), Ильчигулово, Кункас, Абишево (Миякинский р-н) брали два шеста длиной 3–4 м и связывали их вместе в скрещенном виде в верхней точке, отойдя от концов шестов примерно на 60–70 см. Далее, прикрепив к этим шестам сеть длиной в 4 и шириной 2 м, отправлялись рыбачить на р. Дему. Выбрав подходящее место еще днем, рыбаки ночью опускали в воду свою рыболовную снасть в растянутом положении. Чтобы обеспечить ей устойчивость, между верхними концами шестов ставили опору (*таяу*), представляющую собой дощечку с вырезом на концах. Ждали, когда появится рыба в зоне охоты. По бечевке (*сиртекес*), привязанной к нижнему краю сети и проходящей по ее периметру, благодаря тому что она была привязана к руке рыбака, узнавали, попала рыба в нужную точку или нет. Обнаружив рыбу возле сети с нужной стороны, он тут же затягивал бечевку, одновременно смыкая концы шестов. Рыба оказывалась в ловушке, откуда она уже никак не могла выйти. Дальше оставалось лишь аккуратно вынуть снасть из воды и забрать рыбу из сети. В ловушке оказывались чаще всего крупные особи рыб, в одном случае налим, сом или щука¹, а в другом – голавль и лещ.

Ловили рыбу таким образом преимущественно ранней весной, когда вода в реке была еще мутной и грязной. Рыбы в это время ориентируются относительно плохо и не сразу замечают сеть.

Насколько был производителен в ловле рыбы *кур ултырыу*, теперь трудно утверждать. Можем сказать лишь, что среди башкир Демского бассейна были заядлые рыбаки, которые ловили рыбу преимущественно таким способом. Например, Даули-бабай, Сибатат Зайнуллин*, Кутлузаман-агай, Кашафутдин Сибататов и др.² Кстати сказать, «*кур ултырыу*» как способ ловли рыбы в данной зоне популярен до сих пор. Этим делом увлеченно занимаются весной некоторые рыбаки среднего поколения**. Правда, больше из спортивного интереса, чем с целью ловить рыбу для еды. Нам удалось увидеть эту оригинальную снасть в деревнях Абишево и Ильчигулово Миякинского района Башкортостана.

Вышеописанный способ рыбной ловли характерен только для башкир-минцев. Его не знают башкиры остальных групп – ни юрматинцы, ни табынцы, ни катаянцы, ни кипчаки, ни другие. Не известен данный способ рыболовства также тюркоязычным народам Урало-Поволжья, Сибири и Саяно-Алтайского нагорья, с одной стороны, Средней Азии и Казахстана – с другой. Так что мы имеем основание считать его чисто башкирским изобретением. Как объект материальной культуры «*кур*

¹ Полевые записи автора 1984 г. С. 17–36.

* «Без улова я никогда не приходил домой», – говорил Сибатат Зайнуллин, рыбак из д. Старые Балгазы Альшеевского района Республики Башкортостан (Полевые записи автора 1984 г. С. 17–30).

² Полевые записи автора 1984 г. С. 17–36.

** Среди них своей профессиональной увлеченностью особо выделяются Миннигали Ситдилов, Магафур Фазлетдинов, Миндигали Нафиков (Полевые записи автора 1984 г. С. 17–80).

улырыу», несмотря на свою несложную конструкцию, представляет собой оригинальную рыболовную снасть, где органически сочетаются ум и смекалка, простота и практичность.

Представляет интерес название *кур улырыу*, возникновение которого трудно объяснить.

По данным полевых материалов, из сетных орудий башкиры повсеместно использовали различные саки. Это сети в форме мешка, прикрепленные в одном случае к черемуховому обручу, в другом – к треугольнику, насаженным на длинный шест. Ими ловили рыбу во время ледохода с берега, когда рыбы, испугавшись льдов, искали укромные места по берегу. Сак использовался для ловли рыбы и ранней весной при грязной и мутной воде во время разлива рек. По конструкции и форме, а также по способу пользования ими саки у башкир мало отличались от общераспространенных типов подобной рыболовной снасти. Единственным отличием бытовавших у башкир саков было то, что местами для изготовления (плетения) сети использовался конский волос. По словам рыбаков пожилого возраста, саки с такой сетью были прочнее и служили дольше. В башкирском языке для этой рыболовной снасти нет термина. Это бесспорно говорит о заимствовании у русских.

Башкиры более активно ловили рыбу ловушками, плетеными из нити. Наиболее распространенный тип известен под термином *нарэ́тэ* (нитяные крыленки), который проник в башкирский язык в результате культурных контактов башкир с русским населением. Касаясь конструктивной особенности данной рыболовной снасти, С. И. Руденко отмечает, что «сеть-крыленка, или вентерь, накатывалась у башкир на три деревянных кольца (обруча – *коришәу*) диаметром около 80 см. Внутреннее малое кольцо – усынок (*тел*) – четырьмя веревочками привязывалось ко второму от входа в вентерь кольцу. Кутец был глухой. По бокам вентеря, у входного в него отверстия, прикреплялось два крыла (*канат*), растянутых на двух-трех палочках каждое»¹. Устанавливали *нарэ́тэ* на пяти кольях, вбитых в дно реки или озера: к первому колу она привязывалась своим хвостом; два кола ее поддерживали по бокам и к двум, стоящим на незначительном расстоянии друг от друга, *нарэ́тэ* прикреплялась своими крыльями. «Сеть для крыленки, – подчеркивает вышеупомянутый исследователь, – всегда изготовлялась густая, с ячейками не более 2 см»². Этот вид снасти более всего был распространен в бассейне р. Белой, особенно в ее верхнем и среднем течениях. Встречалась она также у зауральских башкир, но сравнительно реже.

Примерно до 40-х годов XIX века башкиры очень активно ловили рыбу с помощью *нарэ́тэ*. Способствовали тому различные факторы: во-первых, обилие рыбы в местных водоемах; во-вторых, несложное устройство самой снасти. По словам рыбаков пожилого возраста, научилась плести сеть для *нарэ́тэ* даже некоторая часть

¹ Руденко С. И. Башкиры... 1925. С. 30.

² Там же.

башкирской молодежи; в-третьих, традиция. Почти в каждой деревне встречались рыбаки, которые ловили рыбу с помощью данной снасти*.

Традиция ловли рыбы с помощью сетных орудий типа *нарэ́та* у башкир все еще сохраняется. Ставить сеть или морду, погружаясь по грудь в весеннюю холодную воду, не так-то просто. Не из легких также является работа по изготовлению самой сети. Наблюдается такая картина: рыбак где-то покупает сеть фабричного изготовления и сразу же меняет ее детали: вместо металлических обручей появляются деревянные, меняется конструкция горловины снасти, а сам снаряд приобретает старинную «дедовскую» форму в виде огурца. Все это, несомненно, свидетельствует об устойчивости традиции в области рыболовства у башкир.

Если по бассейну р. Белой и на ее более или менее крупных притоках получила распространение ловля рыбы с помощью *нарэ́та*, то на озерах, особенно зауральских, больше всего ставили *пител* (фитиль). Подобную снасть нам не приходилось видеть ни во время экспедиций, ни в индивидуальных поездках. Обращаемся к книге С. И. Руденко. «*Питель* так же, как и крыленка, – отмечает исследователь, – делается из густой сети, накатанной на три обруча (*курушау*) с таким же усынком (*тел*), но в отличие от последней он состоит из двух снастей (*еп пител*), соединенных между собой посредине крылом (*канат*). Как в крыленке, крыло расправлено на двух кольях, к которым привязываются кутцы обоих концов этой снасти»¹. Судя по полевым материалам, башкиры старались ставить *питель* чаще всего у родников, бьющих по берегам естественных водоемов, или же в устьях рек, впадающих в озеро. Если этой возможности не было, то ставили снасть с приманкой. В качестве последней служили чаще всего колосья овса, хлеб или пропаренные крупы в сетке.

В промысловой деятельности башкир значительное место занимало также **окружающее рыболовство** с помощью сети. Однако, прежде чем описать его, нам необходимо подробнее остановиться на вопросе о сетях и об их устройстве. Как мы уже упомянули выше, сети башкиры изготавливали из крапивных и конопляных нитей. Заготовкой и обработкой крапивы, так же как и конопли, и скручиванием из них волокон – нитей занимались исключительно женщины. А сети плели сами рыбаки,

* Так, в д. Тимирово Буззянского района Башкортостана, рыбак Хубутдин Ямангулов (1904 г. р.) ставил *нарэ́та* по р. Белой сразу в нескольких местах: одна, например, стояла у самой деревни, две – выше ее и три снасти были установлены в 5–6 км от деревни, у скалы «*Караңгы кая*» («Темная скала»), которая получила свое название из-за того, что никогда сюда не попадают лучи солнца. Омут, находящийся под скалой, славился своей рыбой, в частности, крупными особями тайменя и щуки. Особенностью этой скалы являлась пещера, свод которой нависал прямо над водой. Упомянутый выше рыбак зимой складывал туда лед, и пещера превращалась в надежное хранилище-холодильник, куда не могли добраться ни выдра, ни норка. Рыба лежала здесь 2–3 дня, после чего рыбак доставлял ее в заготконтору в с. Старосубхангулово. «Привозил он нам хорошую рыбу, – вспоминал, например, Ахметбабай. – Меня особенно поражали его щуки своими размерами, длина которых превышала более одного метра. Если бы не было этого случая, я вряд ли увидел красавца тайменя из р. Белой. Кстати, позволим себе заметить, что эта пещера в настоящее время известна под названием «*Хөбөтдин мәмерйәһе*» («Пещера Хубутдина»). Подобного рода естественные хранилища существовали и в других пещерах, расположенных у скал (Полевые записи автора 2005 г. Тетр. 1. С. 50).

¹ Руденко С. И. Башкиры... 1925. С. 30–31.

чаще всего опытные старики. Не будет ошибкой, если скажем, что в процессе изготовления сетей у башкир существовало разделение труда.

Инструментами для плетения (*үреү*) служили челнок (*әнә*) и мерка (*үлсәгес*). Размеры иглы и мерки были различны и зависели от того, для какой рыбы предназначалась сеть. Однако в д. Абултаево Сафакулевского района Курганской области нами был обнаружен способ плетения сети без мерки. По словам Минниял Галимовой (1921 г. р.), ее отец Мухаррям Мухаметшин (1890 г. р.) использовал для этого пальцы. В одних случаях он делал ячейки сети шириной в два сомкнутых пальца, а в других – в три. При этом ячейки были не прямоугольной формы, как обычно, а продолговатой. Это свидетельствует о самобытности местного рыболовства и о том, что раньше озерная рыба была гораздо крупнее¹.

Информаторы сообщали, что поплавки для сети раньше изготавливались из бересты, а грузило – из камня. На сетях, которые мы видели во время поездок по районам Башкортостана, поплавки в большинстве случаев были сделаны из осокоревой коры, а в качестве грузил служили железо или свинец. В отношении сетей первой группы С. И. Руденко замечает, что «башкирские названия поплавков (*ау туз*, *ау тузы*) и грузил (*ау таи*) позволяют думать, что раньше для сетей башкиры употребляли исключительно берестяные поплавки и каменные грузила»². Как бы то ни было, использование бересты и камня для рыболовной сети – древнейшее явление, что убедительно доказывается историческим материалом, обнаруженным археологами на обширной территории Евразии³.

В зависимости от способа ловли рыбы сети подразделялись на ставные (*ау*) и плавные (*йөзмә һөзгөс*). Старинных плавных сетей у башкир уже нет, о них почти не помнят и сами старожилы. Согласно сведениям С. И. Руденко, они бывали «в одно полотнище, двойные и тройные», чаще других употреблялись «тройные сети (мережи) из мелкоячейной ткани между двумя крупноячейными сетками (резовками)»⁴.

Вкратце остановимся на способах ловли ими рыбы. Ставные сети просто закидывались в озеро или в другой спокойный водоем на заранее выбранном месте, их оставляли там на некоторое время, чаще всего на ночь. Затем сети проверялись, с них снимался улов (*ау бөрсөү*), а потом они после просушки вновь ставились в воду на прежнее или новое место. Прежде чем закинуть *ау*, курганские башкиры выясняли, водится ли здесь рыба. С этой целью в водоеме выбирались четыре точки, куда попеременно устанавливалась морда. В то место, где в нее попадала рыба, забрасывалась сеть⁵.

Наиболее простейшей формой ловли рыбы плавной сетью являлось **окружение** зарослей камыша или водорослей, находящихся в водоеме подальше от берега. Суть его заключалась в следующем: сначала без шума и незаметно окружали выбранную заросль камыша или водоросли, плотно соединяли при этом концы сети друг

¹ Полевые записи автора 1997 г. Тетр. 3. С. 7.

² Руденко С. И. Башкиры... 1925. С. 31.

³ Семенов С. А. Развитие техники в каменном веке. Л., 1968. С. 329–334.

⁴ Руденко С. И. Башкиры... 1925. С. 31.

⁵ Полевые записи автора 1997 г. Тетр. 5. С. 79.

с другом. После этого несколько рыбаков, обычно их было два-три человека, с шумом и гамом ходили по заросли туда-сюда, одновременно хлопая палкой по воде. Находящаяся здесь рыба от испуга устремлялась в глубь реки, тем самым застревала в сетях. Исключение составляли только лишь крупные особи шук, которым иногда удавалось порвать сеть... Далее, вытащив сеть на сушу, освобождали ее от рыбы. Если имелись дырки в сети, тут же ее чинили и шли к следующей заросли. Так рыбачили до тех пор, пока не оставались довольными уловом. На подобную охоту башкиры выходили чаще всего летом, в обеденное время. Местами практиковалась ловля рыбы сетью ночью при искусственном свете. В том случае если заросли камыша были большими, тогда соединяли несколько сетей вместе.

Повсеместно башкиры использовали в рыболовстве **бредни** (*həzə, həzəc*). «Сеть для бредней, – отмечает С. И. Руденко, касаясь технологии их изготовления, – плелась густая, длина бредней доходила до 30 м. Бывали бредни с неглубокой мотней и без мотни»¹. С помощью бредня ловили рыбу обычно два человека, иногда и более – это зависело от размеров бредня. Рыбаки шли по грудь в воде вдоль берега и тянули бредень за концы. Такой способ ловли рыбы чаще всего применялся летом. Бредень использовался также для ловли рыбы с лодки. При этом рыбаки плыли по течению на лодках, между которыми была закреплена сеть. Время от времени рыбаки осматривали ее и вынимали улов. «Рыбу ловили столько, сколько было необходимо для разового питания», – объяснял нам один из рыбаков пожилого возраста (д. Кусяларово, Салаватский р-н)². В 1976 г. во время этнографических исследований в деревнях Аркаулово и Кусяларово Салаватского района, как-то переходя вброд р. Юрюзань, мы услышали женские голоса. Оказывается, это за аралом (речной остров) бреднем рыбу ловили женщины – явление редкое у башкир.

В д. Ябуляково мы наблюдали двух девочек-подростков, ловящих ельца, пескарей, язя и голавля сетью 4 м длиной и около 2 м шириной. На концах ее в качестве ручек были прикреплены палки. Ловля рыбы производилась следующим образом: стоя друг против друга, девочки опускали сеть на дно, а ногами мутили воду, чтобы привлечь рыбу. В качестве приманки использовались навозные черви, разбрасываемые по воде над сетью. Как только рыба собиралась над сетью, они резко поднимали эту снасть вверх и затем выносили ее на берег. Извлеки рыбу, они снова принимались за работу. Девочки работали ловко и слаженно. Третья девочка, помладше, с мальчишками трех-четырёх лет собирала выловленную рыбу в ведро³.

Ловля рыбы бреднем с лодок практиковалась преимущественно осенью, когда вода была уже холодной, а рыба – жирной. Бреднем ловили рыбу и ночью, используя для этого искусственное освещение, обследовав днем предварительно место будущей охоты.

Бывали случаи, когда бреднем ловил рыбу один человек. Вспоминается случай из детства. Однажды известный рыбак, житель д. Старомунасиново Бурзянского района,

¹ Руденко С. И. Башкиры... 1955. С. 91.

² Полевые записи автора 1975 г. С. 55.

³ Полевые записи автора... 1976 г.

Хайетдин-бабай отправился с бреднем* порыбачить на *арал* на р. Белой. Здесь у него имелся плот, сколоченный из трех бревен. Прошло много времени после того, как ушел рыбак. Вечером с жителем деревни Факил-агаем мы пошли за Хайетдином. У него оказался богатый улов. Факил-агай спросил, как один человек может поймать столько рыбы. Хайетдин-бабай ответил: «Очень просто – один конец бредня привязал к свисающему тальнику, а с другим его концом поплыл на плоту, охватывая все пространство омута. Поставив затем плот на якорь (привязанный камень), поправил сеть и на некоторое время оставил ее в воде. Через некоторое время вытащил ее конец и стал тянуть его арканом к берегу. Когда вытащил бредень, он был полон рыбы».

Ловля рыбы с помощью бредня особенно была распространена у башкир бассейна р. Белой и ее притоков, реже практиковалась она в районе озер. Ловля рыбы бреднем популярна у башкир и теперь, но уже с помощью сетей китайского, вьетнамского и корейского производства.

Рыбу в основном употребляли сами, излишком иногда делились с соседями.

Хотя бредень и был широко распространен, все же наиболее характерным орудием рыболовства в нашем крае являлся **невод**. Кстати сказать, на эту особенность указывал также С. И. Руденко. «Самая распространенная теперь у башкир рыболовная сеть – это невод (*йылым, елым*), – пишет он. – Им ловят повсюду, где занимаются рыболовством, и особенно на зауральских озерах»¹. В самом деле было так. Объяснялось это лучшей производительностью невода в ловле рыбы. Неводчики, например, редко возвращались домой без рыбы. По мнению С. И. Руденко, «башкирский невод ничем не отличался от общераспространенного в Приуралье великорусского невода. Сами башкиры, насколько мне приходилось наблюдать, невода не плели, а покупали у русских. Они были различных размеров, от 100 и более длиной и до 3 м шириной, всегда с мотней»².

Дополним эти сведения нашими полевыми материалами. В отличие от других сетей, невод всегда имел мотню (*ток, йатма*) в виде конусообразного мешка 3х2 м. Мотня расходилась на два крыла (*канат*), состоящих из разноячейных сетей. Их величина зависела от ширины реки. Сети крыльев, как и сама мотня, прикреплялись к верхним и нижним тетивам (*тызым*) лишь после того, как на них устанавливались поплавки и грузила. Против мнения С. И. Руденко о технологии изготовления башкирского невода вряд ли можно что-то возразить. Действительно, в результате культурных контактов народов в Урало-Поволжском регионе за многие годы выработался общий тип невода. Если и есть в изготовлении сетей какие-либо особенности местного характера, то они касаются главным образом материала: у некоторых народов сеть для невода, например, изготовлялась из крапивных или конопляных нитей, а у других – из льняного или же иного сырья. Еще могли быть различия в сетных поплавках и грузилах. У башкир поплавки, как правило, изготовлялись из бересты или осокоревой коры,

* Бредень изготовлялся из конского волоса, а в качестве поплавков использовались просверленные кусочки коры осокоря квадратной формы. Грузилами служили камешки из горного песчаника.

¹ Руденко С. И. Башкиры... 1925. С. 31.

² Он же. 1955. С. 92.

считавшихся отличными материалами для этой цели¹. На неводах, что нам неоднократно приходилось видеть у рыболовов в русских селениях во второй половине XX в., деревянные поплавки были токарной работы. Грузила на башкирских неводах были чаще всего каменными, в ряде случаев даже тщательно обработанными, с отверстиями для сетного аркана, тогда как у последних они были изготовлены из свинца или железа.

По своим размерам невода могли быть разными: у одних народов Башкортостана они были громоздкими, длина их местами превышала более двухсот метров, а ширина более двух метров, а у других, наоборот, меньшими – от 30 до 50 метров длиной. Впрочем, все это для башкир принципиального значения не имело. У них, за исключением жителей Зауралья, можно сказать, редко встречались большие неводы, и то появились они в годы советской власти в связи с организацией рыболовных бригад при колхозах и совхозах. За период многолетней полевой работы удалось зафиксировать ловлю рыбы у башкир большим неводом лишь в трех местах Башкортостана: первое – в д. Юсупово Дюртюлинского района (бассейн р. Белой)², второе – в д. Кункасово Альшеевского района (на р. Деме)* и третье – в д. Янтышево Хайбуллинского района (бассейн р. Сакмара)³.

Вызывает сомнение лишь второе мнение С. И. Руденко, согласно которому башкиры сами не занимались изготовлением неводов, а покупали их у великороссов⁴, что, конечно, в корне не верно. Этнографические материалы, собранные нами из различных источников, свидетельствуют об обратном. В частности, интересные сведения о плетении башкирами разного рода сетных орудий рыболовства мы находим в трудах П. И. Рычкова⁵, С. Т. Аксакова⁶ и Н. П. Газова⁷. Например, последний из них по Старомельниковской волости Мензелинского уезда Уфимской губернии сообщает, что некоторые жители «занимаются рыболовством, [которое] заставило население научиться искусству вязать рыболовные сети и делать из тальника морды»⁸. Сведения аналогичного характера имеются и по Белебеевскому, Бирскому и Уфимскому уездам⁹. Интересный фактический материал по данному вопросу содержится также в

¹ Подробнее об этом см.: Соколов Д. Н. Оренбургская губерния: географический очерк. М., 1916. С. 56; Муллагулов М. Г. Лесные промыслы... С. 43.

² Материалы этнографической экспедиции ИИЯЛ БНЦ УРО РАН: Полевые записи автора 1979 г. Тетр. 2. С. 14.

* Житель д. Кункасово Альшеевского района Башкортостана, известный учитель Гайнулла Хайруллович Юлбирзин (1905 г. р.) рассказывал, что ловлей рыбы неводом больше всего занимались рыбаки д. Алдарово (в том же районе), среди которых информатор назвал имена Сафы и Гардан-бабая, старожилы Исянгула и Муллагула, Дамина и Гирфана Мухамедьяновых (д. Кункасово). Там, где длины невода не хватало, его приходилось связывать из двух сетей. Рыбаки обычно начинали вести невод от д. Алдарово, останавливаясь у каждого населенного пункта вдоль реки и отдавая часть выловленной рыбы местным жителям. Улов состоял из шук, лещей, язя, голавлей и др. рыб. Такая рыбалка существовала до 1932 г. (Полевые записи автора 1984 г. С. 59).

³ О рыболовстве башкир данной деревни уже говорилось выше.

⁴ Руденко С. И. Башкиры... 1925. С. 31.

⁵ Рычков П. И. О крапивной кудели... С. 71–72.

⁶ Аксаков С. Т. Детские годы Багрова-внука. С. 317–318.

⁷ Газов Н. П. Кустарное дело... С. 20–21, 33, 34, 38, 55–56, 74, 90–91, 140–141.

⁸ Там же. С. 34.

⁹ Там же. С. 20–21, 33, 34, 55, 74, 107.

«Сборнике статистических сведений по Уфимской губернии»¹, изданном в 1899 г. И наконец, факты вязания сетей, в том числе и неводов, подтверждаются данными наших полевых исследований, осуществленных в последние 10–15 лет. В частности, нами установлено, что местные рыбаки не только умели вязать сеть, но и делали все рыболовные снасти сами. С другой стороны, если невод был заимствован башкирами у русских, то в башкирский язык непременно проникли бы такие термины, как «невод», «плавники», «грузила» и «мотня». Наоборот, для обозначения невода и его составных частей везде и всюду башкиры употребляют названия общетюркского происхождения². В ловле рыбы неводом, так же как и бреднем, башкиры были приучены тянуть очень тяжелые тони. Неслучайно их нанимали ловить рыбу русские рыбопромышленники, приезжавшие как из горных заводов, так и из-за пределов башкирского края. Мы часто наблюдали за ловлей рыбы сетью, тем более большим неводом. Она осуществлялась следующим образом: сначала определяли участок реки, достаточно глубокий, чаще всего это был плес с постепенным повышением дна к берегу. Рыбаки шли с неводом, захватывая весь водоем. Технология ловли рыбы мало отличалась от того, что мы уже описали. Необходимо обратить внимание на два момента: с одной стороны, на правила, содержащие важные требования, сутью которых было сохранение местной ихтиофауны и сбережение природных богатств; с другой – на обычай, регулирующий раздел добычи между участниками рыбной ловли. Раскрывая суть первого момента, необходимо заметить, что при ловле рыбы неводом или бреднем вся мелочь, попавшаяся в сеть, выбрасывалась обратно в воду, так как понимали, что рыбу нужно будет ловить и в следующем году. Каждый рыболов строго придерживался этого правила. Касаясь второго момента, следует подчеркнуть, что он производился всегда одним из старших участников, чаще это был старик, умудренный опытом и знаниями. Он в первую очередь делил долю на хозяина невода и себе из отборных рыб, затем разделял оставшуюся часть рыбы в зависимости от количества участников. Никто не оставался без рыбы. Между участниками никогда не было спора из-за рыбы. Каждый рыболов считал, что так положено. Корни этих явлений, как первого, так и второго, уходят в глубь веков³.

В ловле рыбы неводом особо выделялись башкиры Зауралья. В 1972 г. во время экспедиции мы с заведующим сектором этнографии ИИЯЛ БНЦ УрО РАН, ныне покойным, Н. В. Бикбулатовым также наблюдали за ловлей рыбы неводом на озере Иткуль (Челябинская область). Она заключалась в следующем: сначала рыбаки определили участок озера, где будут рыбачить, не забывая при этом о месте, куда они будут вытаскивать невод. Захватывая широкий круг, две лодки с соединенными сетями около 200 м длиной и более 2 м шириной каждая, плавали до места встречи, волоча сети за лодками. У берега, куда они направлялись из глубины озера, дугой стояли две лодки, соединившиеся друг с другом сетями. Собственно говоря, первые две лодки туда и гнали рыбу. Площадь круга постепенно уменьшалась, и там уже была немалая

¹ Сборник статистических сведений... Т. V. С. 188–189, 202 и др.

² См. выше.

³ См.: Колубовский И. Я. Первобытное хозяйство. Л., 1925. С. 127, 129 и др.; Семенов С. А. Развитие техники... С. 329–348.

рыба. Первые две лодки совсем приблизились к берегу, почти прикасаясь своими концами неводов внутренних сетей, оставшихся уже в зоне гонимых рыб. Рыбаки осторожно подтягивали соединенные неводы как можно ближе к берегу. Однако зря. Мотни были полны рыбой, которой было много и в круге. Их рыбаки снимали кто чем может: пошли в ход корзины и ведра, а также другие емкости. В улове особенно много было шук и окуней, которые поражали всех своими размерами и красотой¹.

Неводом ловили рыбу и **подо льдом**, делая в нем прорубь (*мэке*) в определенных местах. В частности, это осуществлялось следующим образом. Сначала на реке, недалеко от берега, делали большую прорубь (диаметром около 5 м) где-нибудь на рыбном месте. От нее по кругу отходили маленькие 4–5 лунок*, каждая из которых прорубалась через два метра. Затем брали жердь (*колга*) длиной не менее 3 м и к ее концу привязывали прочную веревку, к которой прикреплялся невод. Далее, опустив *колгу* в прорубь и направив ее в сторону первой лунки, подталкивали и выводили ее там. Такая работа продолжалась до тех пор, пока не выводили *колгу* в большую прорубь. Иначе говоря, сеть обходила по кругу все лунки и соединялась со своим концом. Подождав некоторое время, обычно ее оставляли в воде на 2–3 часа, вытаскивали сеть. Тащили ее осторожно 4 человека: двое за один конец невода, причем один из них тянул за верхнюю тетиву, а другой – за нижнюю, и двое – за другой. Вся операция ловли рыбы далее выполнялась в течение 6 часов, не включая сюда время, которое рыбаки тратили на подготовку проруби и лунок. Судя по словам самих рыбаков, которым не раз приходилось иметь дело с подобной работой, подготовка подходящей точки для ловли рыбы зимой обычно занимала целый день².

Несколько по-другому подготавливалось рабочее место, когда ловили рыбу подо льдом на большом расстоянии. В отличие от первого способа в данном случае делали две большие проруби на расстоянии, равном длине невода. Между ними прорубали лунки по прямой линии и пропускали через них жердь, тянущую за собой невод. При этом концы сети обязательно привязывались за колышки, проставленные во льду. Далее во льду делали отверстие для того чтобы протягивать с концов невода арканы длиной более 100 м, которые пропускали с помощью жерди аналогичным способом, как это делалось при первом случае. Помимо них лунки делались также там, где были глубокие места. Просунув в эти отверстия ботало (*дамбөр*), рыбаки вспугивали рыб и гнали их таким способом в расположение невода. После этой работы отвязывание и вытягивание невода не представляло особой сложности, тем более при том условии, если удачно выбирали место для лова рыбы**.

Теперь рассмотрим орудия, применявшиеся для долбления льда и вспугивания рыбы. Проруби и лунки выдалбливались пешней (*һөймән*), представлявшей собой палку длиной в 1,5 м и с железным наконечником. В деревнях Чебенли и Тубетеево были свои кузни. Местные мастера изготавливали разного рода рыболовные снасти, в том числе и пешни, и рыболовные крючки. Нам встречались пешни различных

¹ Полевые записи автора 1972 г. Тетр. 1. С. 43–44.

* Их количество зависело от величины сети.

² Полевые материалы автора 1984 г. Тетр. 1. С. 60–62.

** Имеется в виду гладкое дно в водоеме и удобное место для вытаскивания невода из воды.

видов: одни из них были в сечении прямоугольной, другие – плоской, третьи – закругленной формы. Несколько пешней хранится и в МАЭ УНЦ РАН (колл. № 2–5–7).

Лов рыбы большим неводом, тем более подо льдом, у башкир практиковался редко. При меньших масштабах лова и участии в нем небольшого количества людей делали тоже две проруби, стоявшие друг от друга на длину сети. Ее подобным же способом протаскивали подо льдом так, чтобы один его конец выходил из первой проруби, а другой выходил наружу из второй.

Если ловля рыбы мордой зимой у башкир все еще встречается и в настоящее время, то лов рыбы сетью подо льдом уже забыт. Объясняется это двумя причинами: во-первых, уменьшением рыбы в местных водоемах, во-вторых, трудоемкостью процесса ловли рыбы сетью в зимних условиях.

Возможно, не совсем равномерно, а в ряде случаев даже поверхностно и за недостаточностью полевого материала мы рассмотрели наиболее распространенные у башкир способы ловли рыбы. Разумеется, местная технология рыболовства не ограничивалась только ими. Можем указать и на такой широко распространенный способ ловли рыбы, как загон их в сеть, где участвовали случайные люди, далекие от рыболовства. Обычно на речке, где она почти не имела течения, протягивалась сеть по всей ее ширине. Группа людей, состоящая обычно из 10–15 человек, гнала рыбу вниз на расстояние 200 м, не оставляя нетронутыми ни береговые заросли камыша и кувшинок, ни водоросли, чем обычно сплошь и рядом покрыты бывают многие речки к осени. Естественно, напуганная рыба бешено стремилась вниз, спасаясь от преследователей и не зная о том, что ниже речка перекрыта сетью, и сама, этого не замечая, застревала в сети*. Нам удалось увидеть такую картину везде и всюду. Это поистине забавное зрелище для того человека, который впервые сталкивается с таким явлением. Кстати, такой способ ловли рыбы у башкир находит отражение и в трудах С. И. Руденко¹.

Некоторые рыбаки ловили рыбу таким способом летом глубокой ночью при искусственном освещении, погружаясь в воду. Разумеется, ночной улов всегда был более удачным. Таким образом ловили рыбу и осенью. Тогда они использовали лодки. Рыбаки-любители спускались по реке на нескольких лодках и гнали рыбу к сетям, ударяя по воде веслами и палками**.

Привлекает внимание также способ ловли, применявшийся у башкир Зауралья. С. И. Руденко, например, указывает на ловлю рыбы ранней весной с применением остроги. «Как только у берегов оттаает лед, – пишет он в своей книге, – рыба массами идет к берегам в камыши. Здесь рыболовы ее высматривают и бьют острогою»². Не менее интересен материал, относящийся также к промысловой деятельности башкир центральных районов республики. «В среднем течении реки Белой, – отмечается

* Таким способом ловили рыбу русские крестьяне, которым помогали представители других народов края.

¹ Руденко С. И. Башкиры... 1925. С. 33.

** Этот способ ловли рыбы сохранился до настоящего времени.

² Руденко С. И. Башкиры... 1925. С. 33.

в этнографической литературе начала XX в., – башкиры бьют рыбу острой также зимою при заморах. В это время рыба скапливается в более глубоких местах, в омутах над ними прорубается прорубь; к последней устремляется рыба, где ее и бьют»¹. Отсюда становится понятным тот факт, почему башкиры особо оговаривали свои права на ловлю «духовой рыбы» в документах, составленных в результате сдачи ими своих рыболовных угодий русским и другим промышленникам на оброчное пользование².

В трудах П. Назарова и С. И. Руденко мы находим интересный этнографический материал о ловле рыбы у башкир с помощью лука и стрелы, а также ружья³. «Иногда башкиры, – пишет последний в своей книге, – стреляют рыбу из ружей, а именно при метании ею икры в камышах у берегов озер»⁴.

С. И. Руденко в своей монографии отмечает, что «в стоячих водах, в озерах и прудах вместо *нәрәтә* башкиры устраивали *ыйсук*, *йыды* (котцы). Устройство их бывает разнообразное. Чаще всего *ыйсук* встречается в Центральной Башкирии у тангаурцев, отчасти у юрматинцев и у кипчаков»⁵. Однако нам не удалось получить каких-либо сведений об этих способах рыболовства ни у тех башкир, которые живут в настоящее время на той территории, где раньше расселялись тангаурцы и юрматинцы, ни у других, считающих себя потомками кипчаков.

Котцы сохранились у населения Зауралья до недавнего времени. Ими ловили рыбу круглый год. Зимой, чтобы вода в котцах не застывала, их сверху накрывали сеном или соломой*. Котцы состояли из сплошного ряда кольев, вбитых в дно озера на таком расстоянии друг от друга, чтобы в них попадала только крупная и средняя рыба**.

По словам С. И. Руденко, «*ыйсук*... делается... из тоненьких палочек или из драчинок, связанных между собой мочалом или бечевкой. Высота этой решетки бывает различна – от 0,5 до 2 м в зависимости от глубины водоема; над водой решетка выставляется сантиметров на двадцать пять. Иногда у входа в *ыйсук* бывает одно или два решетчатых же крыла»⁶. В отношении второго способа ловли рыбы у башкир С. И. Руденко замечает, что «котцы (*йиды*, *диды*) устраиваются главным образом на зауральских озерах. По форме они бывают или спиральные, или изгибаются наподобие *шандра*. Делаются они, как и *ыйсук*, из деревянной решетки. Попавшая в них рыба, как и *ыйсук*, вылавливается саком или большим деревянным ковшом»⁷.

¹ Руденко С. И. Башкиры... 1925. С. 33.

² МИБ. 1949. С. 393, 442, 450, 461 и др.

³ Назаров П. С. К этнографии башкир // ЭО. 1890. № 1. С. 3; Руденко С. И. Башкиры... 1925. С. 34.

⁴ Руденко С. И. Башкиры... 1925. С. 28.

⁵ Там же. С. 29.

* Информатор Ахтям Шаймарданович Кадыров (1927 г. р., д. Калмык-Абдрашитово, Сафакулевский р-н, Курганская обл.): Полевые записи автора 1997 г. Тетр. 5. С. 53–54.

** Информатор Нигмат Хадыевич Абдуллин (1935 г. р., д. Калмык-Абдрашитово, Сафакулевский р-н, Курганская обл.): Там же. С. 56.

⁶ Руденко С. И. Башкиры... 1925. С. 28.

⁷ Там же.

В заключение необходимо отметить, что вышеописанными способами ловили разную рыбу в зависимости от того, где производился лов рыбы. В горных речках в ловушку обычно попадались хариус, несколько реже форель, а иногда даже красуля, в реках – щука и окунь, голавль и елец, красноглазка и язь, в ряде случаев – сом и налим. Относительно улова в озерах приводим пример из архивного источника. «В озерах ловят, – констатирует А. Тимофеев, – линей, лещей, окуней, судаков, карасей, щук, язей и разных сортов мелкую рыбу»¹. Не менее интересны сведения Вл. Лоссиевского, касающиеся рыбных богатств озера Аккуль. Здесь «...ловятся сомы, лещи, судаки, окунь, голавль, ерш, щука и проч.», – отмечает он².

В качестве пищевого продукта рыба была хороша тем, что ее можно было быстро сварить. Она выручала башкир в конце зимы и в начале весны, когда ощущался дефицит продуктов питания, а также в экстремальных случаях (падеж скота, засуха и т. д.). По словам вышеупомянутого информатора Рухуллы Якупова, в засушливые 1930–1935-е годы многие башкиры спаслись от голода благодаря рыбе³.

Таким образом, башкиры ловили рыбу в основном для себя, чтобы есть ее, когда хотелось («*Балыкһыраган сакта*», букв. «когда захочется есть»).

Излишки рыбы башкиры иногда продавали, и то лишь там, где была для этого возможность⁴. Об этом имеются сведения в архивных и литературных источниках, в частности, в «Материалах по истории Башкирской АССР»⁵, в сочинениях академика Фалька⁶, А. А. Пекера⁷, Л. П. Сабанеева⁸, Н. Казанцева⁹ и некоторых других. А. А. Пекер, например, сообщает, что в «... г. Уфу крестьяне и башкиры привозят рыбу, которая добывается в соседних озерах и реках... Цена на рыбу очень изменчивая, смотря по времени года. Рыба здешнего лова, как-то судаки, окуни, караси, лещи, сорожки, харюзы, налимы, лини и другие продаются от 1,5 до 5 коп. за фунт, красная же рыба от 7 до 10 и 15 коп. за фунт. Лет двадцать раньше белорыбицу продавали от 40 до 65 коп. серебром за штуку, имея весу от 15 до 20 фунтов»⁹. Для интереса приводим цены на дичь и муку. В частности, рябчики продавались от 12 до 16 коп. за пару, мука ржаная 15 коп. серебром за пуд, овес – 15 коп.; пшеничная мука от 25 до 35¹⁰. Примерно через 25–30 лет Л. П. Сабанеев приводит такую статистику цен на озерную рыбу. «Цены на рыбу, – отмечал он, – несмотря на то, что удвоились в последние десятилетия, все еще не высоки, так, например, пуд крупного карася

¹ См.: Тимофеев А. Собрание описаний... С. 46–47.

² Лоссиевский Вл. Озеро Аккул в Стерлитамакском уезде Уфимской губернии // Архив РГО. Разр. 43. Оп. 1. № 10. С. 2.

³ Полевые записи автора 1997 г. Тетр. 5. С. 27.

* Рыбу продавали преимущественно в русских селениях.

⁴ См.: МИБ. 1936. С. 75, 124, 140, 141, 246.

⁵ Полное собрание ученых путешествий по России, издаваемое Императорской АН по предложению ее Президента. Записки путешествий акад. Фалька. Ч. I. СПб., 1824. С. 322.

⁶ Пекер А. Очерки г. Уфы // Вестн. ИРГО. 1860. Т. 29. С. 193–194.

⁷ Сабанеев Л. П. Очерки Зауралья... С. 35–47.

⁸ Казанцев Н. Описание башкирцев... С. 97.

⁹ Пекер А. Указ. соч. С. 193–194.

¹⁰ Река Белая // ОГВ. 1846. № 42. С. 506.

(2–3 ф. и более) стоит около 2 р. 50 к. серебром; пуд мелкого – 1 р., пуд самого крупного окуня (Чебаркуль) в 4–5 ф. – до 4 р. серебром; мелкого в четверть от 1 р. до 2 р. серебром; в той же цене стоит мелкая щука; мелкий чебак продается от 50–60 к. серебром; крупный – вдвое; язи от 2 р. 30 к. до 2 р. 50 к. Вся эта рыба идет зимой на север в Екатеринбургские заводы, в западную часть Пермской губернии, в Уфимскую, даже Вятскую и Казанскую губернии»¹.

Башкиры употребляли рыбу чаще всего в вареном виде. Уху стали варить лишь недавно под влиянием русского населения. В башкирском языке нет своего термина для обозначения ухи. Местами практиковалось сушение рыбы на солнце, в частности, об этом сообщает академик Фальк².

В наши дни башкиры употребляют рыбу и в жареном, и в вареном видах, а также пекут рыбные пироги. Повсеместно вошло в практику засаливание рыбы. А в копчении сельские башкиры и татары уже давно превзошли русское население*. В этом мы не раз убеждались в ходе своих полевых изысканий.

Пожалуй, самыми необходимыми орудиями снаряжения рыбака являлись карманный нож (*баке*) и маленький топор (*балта*). Нож он носил в кармане, а топор – на поясе или плече. Первым рыбак при необходимости резал веревку или же чистил пойманную рыбу, иначе она испортилась бы в летнюю жару; вторым он срубал прутья для рыболовной снасти, оказавшись в зарослях тальника. Топором же рыбак заготавливал подручные средства для сооружения плота или же с его помощью устанавливал колья, без которых он вряд ли мог ставить в воду ту или иную рыболовную снасть. Топор, как и нож, необходим был также в том случае, когда он ночевал на берегу реки.

В кармане любого рыбака раньше находился *сакматаш*** для разжигания костра; теперь он носит спички.

В качестве рыболовного снаряжения, более или менее характерного для башкир, мы можем упомянуть также плоты и лодки.

Плот (*кашмак*) составлялся из подручных средств. Чаще всего использовалось для этого сухое дерево, которое разрубали на 2–3 ровные части. Затем, сплотив в настил, скрепляли двумя жердями с помощью только что срубленных ивовых или черемуховых прутьев (*кулса*) или же мочалом.

В период лесосплава плот составлялся из бревен, для этого старались брать сухие бревна, чаще всего сосновые. Скрепляли их друг с другом аналогичным же образом³. Иногда рыбак даже не связывал бревна, переправлялся на них через реку, садясь верхом и прижимая их ногами.

Управляли плотом шестом (*таяк, ширда*), в мелководье – отталкиваясь, в глубокой воде приходилось грести.

¹ Сабанеев Л. П. Очерки Зауралья... С. 36–37.

² Полное собрание ученых путешествий... С. 322.

* Заметим, что в голодные годы башкиры (особенно в Зауралье) пекли хлеб из смеси рыбной и ледяной муки (см. III раздел данной книги).

** Огниво.

³ См.: Муллагулов М. Г. Башкирский народный транспорт. Уфа, 1992. С. 129–137.

Почти у каждого рыбака была собственная лодка (*камэ, кайык*). В конце XIX – начале XX в. встречалось несколько типов долбленых лодок, отличавшихся как по технике изготовления, так и по способу использования. Несложное устройство имела так называемая лодка-колода (*түмэр камэ*). Ее выдалбливали из ствола осокоря, осины, ветлы, липы и даже лиственницы и сосны. Распространенный размер лодок-колод: в длину 3–4 м и в ширину 70–80 см. Они имели грубо отесанный массивный корпус, слегка заостренный к носу. Дно было овальным, при этом сохранялась естественная форма ствола. Местами встречались лодки-колоды, имеющие сравнительно тонкие стенки и более или менее тщательно отделанные как с внешней, так и с внутренней стороны, однако их было крайне мало. Наиболее характерная разновидность такой долбенки была зафиксирована в 1970 г. в д. Больше-Абишево Хайбуллинского района Башкортостана.

У рыбаков лодки-колоды встречались повсеместно. В их устройстве имелись и локальные различия. Для долбленок, распространенных в деревнях Ташбулатово, Бурангулово (современный Абзелиловский р-н), было характерно наличие специального выступа на носовой части. Башкиры бассейна р. Зилим делали лодки с козырьком на корме. Подобные конструктивные дополнения вызывались определенными практическими соображениями: выступающий отросток на носу долбенки и козырек на корме служили удобными ручками, когда лодку переносили с одного водоема в другой. Они же предохраняли лодку от поломок при ударах концами о камень или скалу. Кроме того, как верно отметила С. Н. Шитова, на удлиненный нос долбенки можно было ставить таз или прикрепить к нему железную решетку с горящей щепкой¹, что делалось башкирами обычно при лучении рыбы ночью.

Лодки-колоды в воде были малоустойчивы, т. к. были узкие и имели округлое дно. В целях повышения устойчивости лодки прибегали к разным техническим приемам. Рыбаки-лодочники бассейна р. Нугуш по бокам долбенки привязывали бревна. В ряде мест устойчивость лодки повышалась за счет досок, прибитых к бокам долбенки по верхнему краю. Тем не менее плавать на подобных лодках по рекам с быстрым течением или же переезжать через них, особенно в весеннее половодье, было опасно. Ставить сеть с такой лодки было не просто. Бывало, когда рыбаки падали в воду и тонули. Поэтому некоторые рыбаки-лодочники, изготавливали лодки-долбенки с раздвинутыми стенками. Более подходящим материалом для лодки был осокорь (*кара тирэк*). «Из осокоря выделывают также лучшие лодки, – отмечал В. М. Черемшанский, касаясь хороших качеств этого дерева, – отличающиеся прочностью и легкостью»². Подобные долбенки местами встречаются и в наше время. Так, например лодка, которую мы видели в Калтасинском районе на Быстром Таныпе, была невероятно легкая. Изготовил ее рыбак из д. Кугарчино. Что интересно, ее мог транспортировать с места на место по суше один человек³.

¹ Научный отчет комплексной этнографической экспедиции за 1958 г. // Архив УНЦ РАН. Ф. 3. Оп. 29. Д. 20. Л. 202.

² Черемшанский В. М. Описание Оренбургской губернии... С. 345.

³ Муллагулов М. Г. Башкирский народный транспорт... С. 132–136.

Техника изготовления таких лодок достаточно подробно изложена нами в книге, увидевшей свет в 1992 г.¹ Можно добавить лишь, что рыбацкие лодки с раздвинутыми стенками были очень легкими*, удобными в пользовании и устойчивыми.

Под влиянием русских у башкир появились более устойчивые на воде дощатые лодки (*такта камә*). Однако на рубеже XIX–XX вв. их было ничтожно мало, они встречались главным образом у населения степной и лесостепной зон и Зауралья. Последние в конструктивном отношении были идентичны с лодками русских рыбаков. На эту особенность в свое время указывал и С. И. Руденко. «Дощатые и с нашивными бортами лодки, которые у них (у башкир. – М. М.) изредка встречаются, – писал он в монографии, – заимствованы ими от соседей и самими ими не изготавливаются»². Как свидетельствуют о том полевые материалы, раньше большинство таких лодок были плоскодонными. Лодки, которые встречались в Зауралье во время наших поездок в Аргаяшский и Кунашакский районы Челябинской, а также Альменевский и Сафакулевский районы Курганской областей, были достаточно разнообразными – наряду с плоскодонными лодками повсеместно встречались круглodonные. Обо всем этом мы подробно писали в нашей книге³.

Управляли дощатой лодкой, как и простой долбленкой, веслом (*ишкак, камә көраге*), а также шестом, что было характерно для горной местности в условиях мелководья. Весло представляло собой узкую деревянную лопату длиной в 1,5–2 м. Оно изготовлялось из липы, но были случаи, когда для этого использовали сосну или ель. В настоящее время, как и раньше, лодка изготавливается сообща.

В снаряжение рыбака входила еще веревка длиной в 10–15 м, которая всегда лежала обычно в лодке. В целом состав принадлежностей рыболовного снаряжения зависел от характера и вида рыбной ловли. Так, например, рыболов-удильщик, уходя на рыбалку, с собой брал про запас леску и крючки разных размеров, не говоря уже о других атрибутах удочки. Рыбаки, отправлявшиеся на рыбалку ночью, обязательно имели с собой несколько видов остроги. Без запасной нитки и другой соответствующей снасти не выходили на рыбалку сетью даже рыболовы-любители.

Теперь вкратце о той оценке, которую дает С. И. Руденко ловле рыбы у башкир. «Несмотря на значительное разнообразие приемов и орудий башкирского рыболовства, – отмечает он, – оно мало характерно для них и стоит, по-видимому, в непосредственной связи с рыболовством Волжско-Камского бассейна»⁴. И продолжая далее свою мысль, он замечает, что «огромное большинство рыболовных снастей (морды, вяжели-крыленки, плавные сети, мережи, бредни, невода и саки) помимо башкир встречается у татар, мешеряков, тептярей, чувашей, вотяков, мордвы и у

¹ Муллагулов М. Г. Башкирский народный транспорт... С. 138.

* Это качество башкирских долбленок особо выделяли, кроме В. М. Черемшанского, В. М. Билярский и М. В. Авдеев (см.: Билярский В. М. Пути сообщения в Оренбургском уезде // Справочная книжка Оренбургской губернии на 1870 г.; Авдеев М. В. Поездка на кумыс // Башкирия в русской литературе. Уфа, 1961. Т. 1. С. 334–335).

² Руденко С. И. Башкиры... 1925. С. 238.

³ Муллагулов М. Г. Башкирский народный транспорт...

⁴ Руденко С. И. Башкиры... 1925. С. 34.

великоруссов»¹. С первым мнением указанного исследователя трудно согласиться. Как мы видели выше, наряду с общеизвестными орудиями, в башкирском рыболовстве имелись и местные особенности – это прежде всего глубинный лов крупной рыбы небольшой сетью с помощью скрепленных шестов (*кур ултырыу*) и ловля щуки на живого самца этой особи, что наблюдал С. И. Руденко у башкир-тамьянцев. Можно еще привести несколько аналогичных примеров, но даже перечисленного достаточно, чтобы убедиться в том, насколько разнообразным было башкирское рыболовство.

Обычаи, представления, суеверия и приметы

При изучении рыболовства у башкир не меньший интерес вызывают обычаи, представления, суеверия и приметы, связанные с ужением и другими способами ловли рыбы. К сожалению, многие из них уже забыты народом*, а дошедшие до нас в большинстве случаев бытуют в виде фрагментов. Мы остановимся здесь на краткой характеристике лишь тех, что нам удалось зафиксировать во время беседы с информаторами.

Особое внимание привлекают обычаи, которые мы обнаружили при изучении ужения рыбы. В частности, рыболов-старожил, насадив червя на крючок, три раза плонул на последний и только после этого закинул леску в воду, приговаривая при этом следующие слова:

*Кап, балыгым, кап, кап,
Кап, балыгым, кап, кап,
Яр башында ялтырап ят!*²

*Ловись, рыбка, ловись,
Ловись, рыбка, ловись,
На берегу серебрись (окажись).*

Если при этом попадалась рыба, то ее тут же снимали с крючка и с силой ударяли о землю, приговаривая при этом:

*Биште тап!
Биштән башка
Биште тап!*

*Приведи еще пять!
Кроме них
Еще пять!*

В том случае если на удочку попадалась мелкая рыба, то ее выпускали обратно со словами:

*Һайт, һайт, һайт, һайт!
Бар өйөңә тизерәк кайт!
Ебәр атаң, әсәңде,
Атыу ярам әсәңде.*

*Гайт, гайт, гайт, гайт!
Вернись домой скорее.
Пошли отца, пошли мать,
Не то распорю живот.*

¹ Руденко С. И. Башкиры... 1925. С. 34.

* При написании данной главы мы не раз обращались к книге: Башкорт халык ижады. Йола фольклоры. Өфе, 1995. 5-се т.

² Полевые записи автора 1990 г. Тетр. 1. С. 71.

По словам информаторов, после этой операции, действительно, рыба стала клевать лучше и попадалась на крючок крупная особь.

В книге «Башкорт халык ижады» данное заклинание имеет несколько иное содержание. В частности, здесь читаем:

*Сабак балык, кап, кап,
Яр башында ялтырап ят!
Кесе булһаң, атаңа эйт,
Атаң булмаһа, әсәңә эйт!
Һап! һоп! һоп!*

*Ловись, плотва, ловись,
На берегу серебрись!
Если же ты мала – пошли отца,
Или же вместо него – мать!
Гоп! Гоп! Гоп! Гоп!¹*

В этом же источнике мы находим заклинание, обращенное к другой рыбе, например, окуню:

*Балык кап, кап, кап,
Яр башында ялтырап ят.
Йүгереп кап, йүгереп кап.
Яр башында ялтырап ят.
Үз ишенә кушыңды тап!
Яр башында ялтырап ят!
Алабуга, дөрмән, кап
Яр башында ялтырап ят!*

*Ловись, рыбка, ловись,
На берегу серебрись.
Ловись активно и активнее
На берегу окажись.
Приведи другую, себе подобную,
На берегу серебрись.
Ловись, окунь, и прочая,
На берегу серебрись!²*

При ловле рыбы сетью приговаривали несколько иначе. В частности, после того как мастер заканчивал плести сеть, он отдавал ее заказчику со словами:

*Котло булһын йылымың,
Балык төһһөн зурзан.
Ялтыраһын йылымың,
Калтыраһын йылымың.*

*Пусть этот невод принесет богатый улов,
Пусть попадет в него рыба крупная,
Пусть серебрится он всегда,
Да дрожит он от хорошего улова.*

Рыбак ставил сеть со словами:

*Уңы менән, Уңы менән
Балык тулы йылым менән.
Ашып сык, тулып сык,
Ау һаламын, ашып сык,
Ашып сык та тулып сык,
Күзе һайын бер балык.*

*С удачей, с удачей,
С полным рыбой неводом.
С богатым уловом,
Ставлю сеть на удачу,
С богатым уловом,
В каждой ячейке с рыбой³.*

¹ Башкорт халык ижады... 247-се б.

² Шунда ук.

³ Шунда ук.

Представляет интерес и такой обычай. В частности, в ряде деревень удильщики в надежде на хороший улов, прежде чем отправиться на рыбалку, просили девочек перешагивать через удочку¹. Последний обычай особенно интересен в том плане, что такое действие со стороны представителей женского пола строго запрещалось в отношении предметов конской упряжи. Например, девочки и девушки, а в равной мере женщины и старухи, не имели права перешагивать через оглобли или дугу, кнут или узду, а также через другие атрибуты конской сбруи².

Рыбак старался ловить рыбу в полном уединении. Делалось это для того, чтобы не показывать другим рыбакам свою снасть, не демонстрировать используемый в данный момент способ ловли рыбы.

У башкир важным предзнаменованием удачной или неудачной рыбалки считалась встреча с первым человеком – какой он: хороший или плохой³. В деревне в результате совместной жизни о каждом человеке складывалось определенное мнение. Так что если рыболов после выхода из дома встретил на своем пути «неудобного» человека, то предпочитал повременить с рыбалкой. Подтвердим сказанное на конкретном примере. Многие рыболовы-любители вышеупомянутой д. Старомунасиново избегали встречи с Хаят-аби, считая ее «небезучим» человеком⁴. Они же старались не показывать ей свой улов, каким бы он ни был, тем более тогда, когда улов состоял из крупных рыб. Башкирские рыбаки страшно избегали «сглаза» хорошего улова и рыболовной снасти, которой они пользовались⁵.

Как мы уже знаем, такие способы ловли рыбы, как лучение или оглушение, или же лов с помощью сети, тем более большим неводом, осуществлялись при участии нескольких людей. Поэтому организаторы рыбалки при формировании группы рыболовов старались не включать в ее состав «небезучих» лиц, так как считалось, что их присутствие отрицательно скажется на результате рыбалки.

Заслуживает внимания обычай, зафиксированный нами в д. Старые Карашиды (Иглинский р-н). Как сообщает об этом коренной житель деревни Гайзулла Калимуллович Калимуллин (1900 г. р.), раньше рыбаки-удильщики первую рыбу не брали, хотя она и была крупной. Сняв ее с крючка, сразу же убивали и бросали обратно в воду⁶. Здесь, по-видимому, имеет место жертвоприношение. Обряд совершался с целью, чтобы Хозяйка воды [реки] (*һыу әйәһе*) пригнала сюда много рыбы. Корни этого обычая, несомненно, уходят в глубь веков. Вполне возможно, что это связано с теми представлениями башкир, о которых сообщает в своих путевых записях арабский миссионер Ибн Фадлан, совершивший поездку в Волжскую Булгарию в X в.⁷

Завершая описание обрядовой практики местных рыболовов, необходимо сказать несколько слов и о тех приметах, которые нам удалось зафиксировать во время поле-

¹ Полевые записи автора 1990 г. Тетр. 1. С. 12.

² См.: Муллагулов М. Г. Башкирский народный транспорт...

³ Полевые записи автора 1990 г. Тетр. 1. С. 11–12; Там же. 2001 г. С. 77, 84.

⁴ Там же. 1982 г. Тетр. 3. С. 8.

⁵ Там же.

⁶ Полевые записи автора 1980 г. С. 1.

⁷ Ковалевский А. П. Книга Ахмеда Ибн Фадлана о его путешествии на Волгу в 921–922 гг. Харьков, 1956.

вой работы. По их представлениям считалось, что рыба хорошо клюет перед дождем после жаркой погоды. Наступление дождя башкирские удильщики определяли по следующим признакам:

- а) если сильно беспокоят мухи;
- б) если ласточки летают низко;
- в) если без времени поют петухи;
- г) если с вечера солнце садится в тучи;
- д) если к ночи кузнечики перестали петь и т. д.

Для рыболова исключительно большое значение имеет сводка о погоде. Если, например, зимой озеро Талкас начало «бунтовать», т. е. сильно шуметь, то рыбаки-башкиры д. Исяново и других находящихся близко к озеру населенных пунктов не выходили ловить рыбу, ибо они знали, что через два-три дня будет сильный буран¹.

По представлениям башкир рода кара-кипчак (д. Бикбулатово, Кугарчинский р-н), лини после высыхания озера Кашкатау² перекатились по росе к озеру Кызыл Яр, приняв форму колеса. Как убеждали в этом Даут Махиянович Киньябаев (1937 г. р.) и Минзагир Кашапович Алдашев (1937 г. р.), линь имеет легкие³. Интересно добавить, что представления такого содержания нами были зафиксированы также среди жителей деревень Старые Балгазы Альшеевского, Кункасово, Абишево и Ильчигулово Миякинского районов. В первом случае речь шла о сомах, а во втором – о налимах. По воззрениям башкир указанных деревень, оба вида рыбы могли передвигаться по суше в дождливую погоду с пересыхающего озера в р. Дему. В отличие от других рыб они имели легкие. О высокой приспособленности указанных видов рыб к среде обитания нам приходилось слышать много рассказов суеверного характера во время поездок по районам Башкирии, соседних республик и областей⁴.

Глава 6

ПОЧЕМУ ИСЧЕЗАЕТ ЮЖНОУРАЛЬСКАЯ РЫБА?

Вопрос об уменьшении количества рыбы в реках и озерах Среднего и Южного Урала не новый. Еще в 1902 г. в статье «Материалы по рыболовству и рыбоводству в Уральском крае» И. В. Кучин отмечал, что озера и реки Зауралья в результате вырубки лесов сильно обмелели, лишив рыб возможности размножаться и развиваться в необходимых естественных условиях. «Главной, основной, причиной постепенного убавления рыбы... является обмеление зауральских озер и рек и зарастание травами, – писал он. – Наряду с этими, естественными причинами, неблагоприятно отражается на жизни рыб деятельность человека, истребляющего леса под распашку и на топливо, перегораживающего реки многочисленными плотинами, сваливающего в источники

¹ Игнатович А. Башкирская бурзянская волость // ОГВ. 1862. № 79.

² Старица р. Малый Ик.

³ Полевые записи автора 2004 г. С. 4–15.

⁴ См.: Полевые записи автора 1982, 1986, 2000, 2004 гг.

навоз и всякие нечистоты, засоряющего воду сплавом леса и отравляющего ее мочкою льна, конопли и кож, и, наконец, неразчетливо вылавливающего маломер и нерестовую рыбу»¹. Важной причиной вымирания рыбы он считал также «порчу воды (обеднение ее кислотности) подо льдом, вызываемую обмелением озер и прудов и накоплением ила, т. е. ила, образующегося главным образом от перегнивания водной растительности». Все же среди основных причин, так или иначе способствовавших уменьшению рыбы в местных водоемах, занимает важное место в первую очередь хищническое отношение к рыбным запасам со стороны рыбаков из среды пришлого населения, в частности русских рыбопромышленников, которых редко когда интересовали охрана природы и сбережение ее богатств. Почему-то об этом умалчивают И. В. Кучин и другие исследователи, за исключением ихтиолога Л. П. Сабанеева².

Для того чтобы водилась рыба, нужны соответствующие условия: прежде всего пресная вода и естественная кормовая база. Южный Урал в этом отношении располагал великолепными возможностями: множеством водоемов, представленных в одном случае реками и речками, в другом – озерами с богатой и разнообразной растительностью. Обилие в них различной рыбы, в том числе ценной и редкой, отмечали многие исследователи, начиная с Н. К. Витсена, П. И. Рычкова и участников академических экспедиций XVIII в. и кончая учеными разных направлений, работавшими на данной территории в XIX в. и позже³.

Если же исходить из данных полевых исследований, осуществленных нами не только в Башкортостане, но и в ряде районов соседних областей, то ясно одно, что примерно с конца 60-х годов XIX века наблюдается резкое сокращение рыбных запасов в большинстве рек Башкортостана⁴, а также в озерах Зауралья⁵. Однако следует сказать, что количество рыбы в них стало уменьшаться гораздо раньше, на что мы частично указали уже в предыдущих главах. Начался этот процесс после вхождения башкир в состав Русского государства, когда хлынула сюда огромная масса русского и другого инородного населения, занятого в первое время устройством своих поселений и жилищ, а также внедрением земледелия в недостаточно освоенном крае.

Приток русских крестьян и другого инородного населения в Башкирию особенно активно происходил с XVII в. «В недавних годах на тех старинных вотчинах и во всяких угодьях (речь идет о башкирских землях. – М. М.) поселились пришлые русские люди, татары и чуваша, – читаем в «Грамоте из Приказа Казанского Дворца Уфимскому воеводе Д. Н. Головину об ограждении вотчинных прав башкир», – пришед из Казанского, из Тобольского и из Кунгурского уездов и из Соловарного городка; и те русские люди, и татары, и чуваша, и черемиса, и вотяка в тех их старинных вотчинах многие деревни поселили, пашни распахали, сено косят. Лес много

¹ Кучин И. В. Материалы по рыболовству и рыбоводству в Уральском крае // Зап. состоящего под августейшим покровительством его императорского высочества Великого князя Михаила Николаевича Уральского общества любителей естествознания. Екатеринбург, 1909. Т. XXVIII. С. 56.

² Сабанеев Л. Очерки Зауралья и степное хозяйство на башкирских землях. М., 1873. С. 33–35.

³ См.: «Введение» в данном исследовании.

⁴ См.: Полевые записи автора 1990–2005 гг.

⁵ Сабанеев Л. П. Очерки Зауралья... С. 30.

рубят, которые деревья годились было им на бортные деревья, и меченые порубили»¹. Следует особо подчеркнуть, что поселения и пашенные участки появлялись в результате истребления лесных массивов. В уничтожении лесов немалую роль играли появившиеся горные заводы, которые работали на древесном угле. Кроме того, древесина в большом количестве шла на изготовление поташа.

Судя по планам генерального межевания, производившегося с 1794 по 1841 год, лесные угодья в Уфимской губернии сократились более чем на 1 300 000 десятин². Исчезновение леса и лесных массивов приводило к обмелению рек и речек, а также к заболачиванию целого ряда озер в Зауралье. «Вообще все степные озера, не питаемые реками, при всеобщем истреблении башкирских лесов, — отмечал Л. П. Сабанеев, касаясь этого негативного явления в природных условиях лесостепной зоны, — мельчают все более, многие уже приняли вид болот, другие зарастают и недалеко от подобной участи»³. Он упоминает заросшие озера Мартыглы, Большой и Малый Кушкулмак, Карагайкуль, Серекаево, Малые Кирпичики в Куяшевской даче⁴. Далее он добавляет: «Таких озер очень много особенно в башкирских дачах». Естественно, в создавшихся условиях не только уменьшалось количество рыбы в водоемах, но она и заметно мельчала.

К резкому сокращению рыбных запасов в реках Южного Урала приводили также неправильное рыболовство в низовьях р. Волги и загрязнение воды нефтью⁵.

Несомненно, размножению и развитию рыб мешало перегораживание рек и строительство прудов при горных заводах, от этого страдали прежде всего ценные виды рыб, как таймень и хариус, изредка форель. Яркий пример тому — два притока р. Белой, в частности речки Северный и Южный Узянь. По воспоминаниям старожилов деревень Кагарманово и Узянбаш (Белорецкий р-н), до появления заводского пруда в р. Северный Узянь таймень часто встречался в ее нижнем и среднем течении, а потом его не стало, ибо заводской пруд не пропускал рыбу дальше⁶. Совершенно другую картину наблюдаем в Южном Узяне. Здесь таймень и щука являлись чуть ли не основной рыбой, если не брать во внимание хариусов, ельцов и голавлей. Потому что по этой реке не было не только заводского пруда, но и каких-либо селений, за исключением нескольких небольших поселений. Аналогичную картину мы видим и на примере р. Каны, где тайменя было много до появления здесь горнозаводского пруда.

Рыба заметно убавилась особенно после роста количества инородного, особенно русского населения, самый активный приток которого наблюдается в первой полови-

¹ МИБ. 1936. С. 82.

² *Ольшевский В. А.* Заметки о топливе в Уфимской губернии // Справочная книжка Уфимской губернии. Уфа, 1883. С. 50.

³ *Сабанеев Л. П.* Очерки Зауралья... С. 31.

⁴ Там же. С. 46.

⁵ Россия. Полное географическое описание нашего отечества. Настольная дорожная книга / Под ред. В. П. Семенова Тян-Шанского и под общим руководством В. И. Ламанского. Т. V. Урал и Приуралье. СПб., 1914. С. 269.

⁶ Полевые записи автора 1986 г. Тетр. 1. С. 27.

не XIX в.¹ Подавляющую часть пришлого населения составляли русские крестьяне из центральных и поволжских губерний. Последние какими только способами не ловили здесь рыбу: в одном случае – большими неводами и бреднями, в другом – с помощью езей и переимов*, в третьем – острогами и т. д. Одни рыбаки практиковали крючковые снасти, другие – самоловы с бабатками** и шашковые орудия без наживы, третьи – ловили рыбу вятелями и ставными сетями². Из указанных приемов рыболовства самым губительным для местной ихтиофауны был лов рыбы неводами и тройной сетью. Попробуем доказать это на конкретном примере. По общепринятым правилам запрещалось использование неводов, длина которых занимала более 2/3 ширины реки³. Как мы в этом не раз убеждались выше, длина речных неводов, которыми пользовались русские рыбаки, превышала более 150–200 м***. Еще губительнее было применение тройной сети, изготовленной для того, чтобы крупная рыба не порвала их, а мелкая же – не смогла выйти оттуда. По вышеприведенным материалам мы знаем, что башкиры при лове рыбы редко пользовались большими неводами и тем более тройной сетью. Впрочем, на это указывает и С. И. Руденко. «Сами башкиры... – замечает он, касаясь этого момента, – невода не плели, а покупали у русских»⁴.

По мнению В. И. Кучина⁵, в уменьшении количества рыбы в водоемах Урала и Приуралья немалую роль играл также замор рыбы. Данный вопрос поднимался на совещании рыбопромышленников, собранном в Тобольском губернском музее для рассмотрения нового проекта Устава рыбной промышленности⁶. Действительно, в природно-климатических условиях Урала и Сибири от замора погибала немалая часть рыбы. Однако обратим внимание на такой немаловажный момент. Подобные заморы случались и раньше, например в XVIII в. и ранее, однако рыбой кишели даже мелкие речки. Относительно нашего края выше мы приводили немало примеров по этому поводу. Что же касается Сибири, то Н. Рубакин отмечает, что «было время, когда в местных реках и озерах рыбы ловилось очень много»⁷.

В озерах, покрытых зарослями камышей, рыба избегала массового замора, поскольку через стебли этого растения в воду проникал воздух. Так, например, на

¹ См.: Кузеев Р. Г. Численность башкир и некоторые этнические процессы в Башкирии в XVI–XX вв. // АЭБ. Уфа, 1968. Т. 3. С. 349. По подсчетам Р. Г. Кузеева, общая численность населения Оренбургской губернии в 1800 г. составляла около 740 тыс. человек, а к 1863 г. она увеличилась до 1 843,4 тыс. чел., т. е. за 60 лет количество населения края возросло в 2,5 раза.

* Перегораживается кольями или плетнем часть реки или же отдельный участок озера.

** Лов рыбы с помощью поплавок.

² См.: МИБ. 1949. С. 46, 77, 90, 103 и др.

³ См.: Совещание рыбопромышленников, собранное в Тобольском губернском музее для рассмотрения нового проекта Устава рыбной промышленности // Ежегодник Тобольского губернского музея. Тобольск, 1905. С. 13.

*** См. выше.

⁴ Руденко С. И. Башкиры... 1955. С. 92.

⁵ Кучин В. И. Указ. соч. С. 56.

⁶ Совещание рыбопромышленников... С. 8–26.

⁷ Рубакин Н. Рассказы о Западной Сибири, или о губерниях Тобольской и Томской, и как там живут люди. М., 1915. С. 51.

оз. Талкас, где по берегам рос камыш, рыбе замор не угрожал¹, а на оз. Култубан, где этого растения было мало, она испытывала острый дефицит кислорода и гибла*.

В условиях Южного Урала «духовая рыба» являлась одним из объектов промысла башкир², который начинался с января и продолжался до вскрытия рек и озер. Как только наступал период замора, они караулили рыбу у полыньев ключей, а там, где их не было, делали проруби везде и всюду. Естественно, в таких местах рыба особо не страдала от отсутствия кислорода. Нет сомнения в том, что местные рыбаки в данном случае своими «действиями» так или иначе способствовали сохранению рыбы в водоемах Южного Урала и Зауралья³.

С переходом башкирских рыболовных угодий к русским купцам и крестьянам началось ужение уральской рыбы в огромных масштабах. Последние ловили рыбу крупными неводами и не от случая к случаю, а систематически, во-первых, а во-вторых, заботились лишь о том, чтобы как можно больше вылавливалась «хорошая» рыба. Рыболовы-торговцы, как правило, выбирали лишь крупные особи рыбы, а мелочь выкидывали как попало и рыба погибала. Она уничтожалась быстро оттого, что рыбе не давали даже времени размножаться. Зато некоторые из русских рыбопромышленников разбогатели. Например, купец Наседкин с 1819 г. нажил миллионы рублей⁴. Вообще рыболовов по Оренбургской губернии насчитывалось около 1 500 чел., из которых около 1 000 чел. приходилось на Челябинский уезд и более 200 – на Орский. Заработок оренбургских рыболовов исчислялся на сумму более 35 тыс. руб.⁵ Другими словами, рыбный промысел, принося огромный доход русским рыбопромышленникам из года в год, сокращал запасы уральской рыбы. Это явление сильно возмущало прогрессивную часть русской интеллигенции, в частности, известного писателя Д. Н. Мамина-Сибиряка. В своих очерках «Орда» и «Мертвое озеро» он показал, что неразумное использование природных богатств было связано порочностью социального строя. «Самый лучший на Урале заводской округ Кыштымский переживает тяжелый кризис, а его владельцы пользуются его богатствами хуже башкир», – писал он, переживая за судьбу уральской ихтиофауны.

По сведениям, полученным нами от информаторов старшего поколения, к уменьшению количества рыбы в местных водоемах привели, во-первых, сплав леса и лесных материалов по рекам и речкам**, во-вторых, мочение луба, конопли и льна. Потонувший лес, так же как и луб, конопля и лен, находящиеся на замочке почти

¹ Полевые записи автора 1997 г. Тетр. 1. С. 98.

* Зимой, когда во льду озера делали прорубь и опускали в нее ведро, оно заполнялось не водой, а полуживой рыбой (Полевые записи автора 1997 г. Тетр. 1. С. 83).

² МИБ. 1949. С. 393, 450 и др.

³ См.: Муллагулов М. Г. Традиционное природопользование башкир в XIX – начале XX в. // Археография Южного Урала: Матер. IV Межрегиональной научно-практической конференции. Уфа, 2004. С. 136–138.

⁴ Сабанеев Л. П. Очерки Зауралья... С. 33.

⁵ Россия. Полное географическое описание... С. 27.

** Не будет ошибкой, если скажем, что в Башкирии, особенно в горно-лесной зоне, не было реки и даже более или менее значительной речки, где бы не сплавлялся лес (см. Авдеев А. С. Сплав леса по рекам Башкирии. Уфа, 1960; Муллагулов М. Г. Лесные промыслы... С. 27–31).

до осени, – все они отравляли воду¹. Чтобы доказать, как отрицательно сказывался сплав леса на состоянии жизни рыб, можно привести конкретные примеры. Так, в реке Тюльмень (приток р. Инзер) водилось три вида тайменя, которых не стало в результате разработки леса в этой зоне и активного сплава бревен по реке². Яркими примерами в южной части края служат реки Южный Узянь (приток р. Белой) и Урюк (приток р. Нугуш), по которым гнали лес сравнительно реже. Из-за этого рыба здесь сохранилась лучше вплоть до 60-х годов XX века.

Естественно, с сокращением рыбных запасов в водоемах и реках исчезли крупные особи рыбы. Это так или иначе вынуждало население ловить мелочь. Из-за этого в следующем году уже не было возможности для ловли рыбы. В качестве примера могут служить речки Селеук в Ишимбайском и Бирь в Бирском районах Башкирии, а в южной зоне – Большой и Малый Ик, в которых, как и в первых, рыба стала редкой уже к концу первой половины XX в.

Немаловажную роль в исчезновении ценных видов рыб, особенно тайменя и форели, сыграло размножение и увеличение количества таких земноводных зверей, как выдра и норка³. Речная рыба являлась для них основной пищей. Нам неоднократно приходилось наблюдать за процессом охоты выдры за хариусом. Это очень ловкий зверь, способный плавать даже при сильном течении. Прозрачная речная вода выдре лишь помогала, и в омуте она очень легко ориентировалась и хватала обычно крупную рыбу. От этого чрезвычайно ловкого зверя вряд ли удастся спастись какой-либо рыбе. По словам известного охотника и рыболова Адигама Мурзагулова, жителя д. Тимирова (Бурзянский р-н), «редкая и ценная речная рыба исчезла лишь из-за того, что много стало в горных реках выдры и норки». Тем не менее следует сказать, если бы мы стали считать единственной причиной уменьшения количества рыбы в горных речках только размножение выдры и норки и их количественный рост, то это было бы несправедливо. Немало рыбы погибало здесь и зимой из-за их мало-водья, когда речки промерзали до самого дна, а вода текла не подо льдом, а поверх льда. Тогда рыбы прямо вмерзали в лед, и льдины были усеяны погибшей рыбой. Совершенно прав был вышеупомянутый исследователь Н. Рубакин, который считал обмеление рек и речек одним из факторов уменьшения рыбы⁴.

Резкому уменьшению количества рыбы, особенно ее крупной особи, способствовали ихтиоэпизоотии, вызванные природными условиями самой местности. Так, например в р. Тьюй крупная рыба исчезла после того, как в ее воде появилась масса улиток, от которых вода стала издавать «неприятный запах»⁵.

¹ См.: *Муллагулов М. Г.* Лесные промыслы... С. 27–41.

² Краткий очерк Белорецкого горного округа Верхнеуральского уезда Оренбургской губернии. М., 1896. С. 19–20.

³ Полевые записи автора 2000 г. С. 13; 2004 г. С. 70; 2005 г. Тетр. 5. С. 66.

⁴ *Рубакин Н.* Рассказы... С. 47–51.

⁵ См.: «Прошение башкир Балакчинской волости Бирского уезда д. Урмиязовой Галима Бадронova в числе трех человек господину Уфимскому Губернатору от 15 марта 1912 года» // ЦИА РБ. Ф. И-2. Оп. 1. Д. 1312.

Наряду с этим в уменьшении количества рыбы в местных водоемах немалую роль играл и демографический фактор, в частности, резкий рост населения в самой Башкирии. По меткому замечанию Н. Рубакина, «рыбы меньше там, где людей больше»¹. В самом деле, к каким только приемам не прибегали люди, чтобы ловить рыбу: одни рыбачили ловушками, другие – сетями, третьи били острогой, четвертые ловили их перетягами и т. д. Самым страшным было то, что эти способы активно пошли в ход тогда, когда рыба шла метать икру. «Рыбу люди еще хуже потребляют, – отмечал вышеупомянутый исследователь, – чем зверей». Эти слова были применимы и к Башкирии.

По словам жителя д. Уметбаева (Белорецкий р-н) Усмана Бурхановича Юсупова (77 л.), отрицательно сказались на условиях обитания местных рыб также добыча и обработка горных пород, в частности железной руды. Раньше, например, в р. Тара (приток р. Зилим) много было тайменя и хариуса. В результате мытья железной руды в воде этой реки указанные виды рыб совершенно исчезли, ибо речная вода отравлялась, стала оранжевой и даже желто-коричневой². От обработки горных пород страдали рыбы также в таких реках, как Белая, Авзян, Сев. Узянь, Кага и Кана. Например, в реке Кана таймень водился испокон веков, по крайней мере до появления Кананикольского завода. Однако его не стало уже к началу XX в. Он сохранился лишь в притоке этой реки Салаже, о чем ярко свидетельствуют полевые записи зоолога С. В. Кирикова*.

По единодушному утверждению большинства информаторов, резкое сокращение рыбы в водоемах было вызвано, с одной стороны, в результате сбросов фермами отходов животноводства в реки, а с другой – попаданием в воду химических удобрений и пестицидов из почвы.

Кроме того, после страшной засухи 1975 г. многие речки высохли, из-за чего погибла немалая часть рыбы. Наконец, на популяции рыбы отрицательно сказывается «технизация» способов рыболовства (применение нейлоновых сетей больших размеров, электрических удочек и т. д.), а также браконьерство.

Сегодня перед нами стоит задача сохранения оставшихся запасов рыбы, особенно ее редких видов. Эту проблему можно решить, лишь возродив традиционные технологии ловли рыбы не только у башкир, но и у других народов республики³.

¹ Рубакин Н. Рассказы... С. 51.

² Полевые записи автора 2004 г.

* См. выше главу 4.

³ См.: Муллагулов М. Г. Традиционное природопользование... С. 136–138.

РАЗДЕЛ III

РОЛЬ СОБИРАТЕЛЬСТВА И РЫБОЛОВСТВА В ЭКСТРЕМАЛЬНЫХ УСЛОВИЯХ

Глава I

ЗАСУХИ И ДРУГИЕ ЭПИЗООТИИ. ГОЛОД

В результате жестокой колониальной политики царизма на захваченных землях социально-экономическое положение башкир заметно ухудшилось. Резко сократилось количество домашнего скота, и некоторые семьи вообще лишились его. Об этом ярко свидетельствуют архивные источники, в частности «Грамота из Приказа Казанского Дворца Верхотурскому воеводе Э. И. Милославскому ... об ограждении башкирского сотника Уфимской волости Ишимбая Кулушева с товарищами... от всяких насилий и излишних сборов при взимании с них ясака» (документ датирован февралем 1633 г.). «...и многих задолжали великими долги... // и за тех де выбылых ясачных ясак платят они же, пашен де у них нет, – читаем мы в документе, – кормятся летом сараной, а зимой рыбой¹. Интересна и вторая «Грамота...», датируемая 20 числом июня 1665 годом «...жить де сем башкирцам голодно, – гласит этот источник, – едят, то они сарану и к зиме пасут»².

Теперь остановимся на самом голоде, свирепствовавшем на обширной территории России несколько лет подряд в разное время. Судя по литературным сведениям, обычно он повторялся через каждые 6–7 лет, лишь в ряде случаев через каждые 10 лет. Например, страшный голод наблюдался в России в середине 70-х годов XIX в., в 1881–1883, 1891–1892, 1910–1911, 1921–1922, 1931–1932, 1941–1942 и т. д.³ Остановимся на голоде 1921–1922 гг.

Ужасную картину жизни башкир западных районов видели, например, сам губернатор И. Ф. Щербатский и мировой посредник Уфимской губернии по Белебеевскому уезду П. И. Добротворский. Это ему удалось уговорить выехать в голодающие селения в это страшное время человека высокого чина и самому увидеть бедственное положение погибающего населения.

¹ МИБ. Ч. 1. М.; Л., 1936. С. 69.

² МИБ. С. 197.

³ Тарасевич Л. Голодание // Энциклопедический словарь Русского библиографического института Гранат. Т. 15. М., С. 346–351.

Губернатор побывал в нескольких деревнях, а в некоторых даже специально останавливался и интересовался жизнью башкир. Остро нуждающимся оказывал из собственного кармана материальную помощь. Даже дал деньги старосте, чтобы одеть тех башкир, кто был совершенно голым. Кстати сказать, памятник надо ставить именно таким людям, каким был И. Ф. Щербатский...

Мы позволим себе привести здесь отрывок из беседы губернатора с сельскими жителями и представителями местной власти.

«– Из чего же он испечен? – спросил Ипполит Федорович Щербатский, увидев хлеб, который принес башкир по его просьбе, чтобы показать.

– Да тут есть все: просяная мука, мука полбенная, есть и лебеда, – поясняет старшина, касаясь пищевого состава суррогатного хлеба»¹.

Тогда у башкир нередки были случаи, когда хлеб пекли или из одной лебеды, или же добавляя к такой муке порошок из корнеплодов, или даже из липового дерева. Вообще, в это тяжелое время для башкирского населения лебеда считалась роскошью. Башкиры хорошо разбирались в этом растении. Из его четырех видов предпочитали муку белой лебеды².

Кстати сказать, более яркую картину тогдашней жизни башкир отражают беседы мирового посредника со своими подопечными³.

«– Что это такое? – спрашиваю я после того, как увидел хлеб, хранящийся в сундуке в одной из башкирских семей.

– Икмек, хазрет, икмек, – отвечает бабай.

Я взял из рук старика один кружок. Кружок оказался твердым, как камень.

– Из чего это испечено? – спросил я, рассматривая каменную лепешку вершков пяти в диаметре и немного толще пальца.

– Из муки, хазрет, – отвечает староста...

Я попробовал было отгрызть кусочек, зубы не берут, на зубах хрустит, как песок, да и цветом-то лепешка похожа на грязный суглинок.

– Откуда вы такую муку берете? Сами, что ли, готовите ее, из чего? – задаю я вопрос за вопросом...

– Хасян хазрет, обработка брал, жнитво взял, так ему там муку давали, – пояснил староста.

– Как давали?

– Вместо деньга давали, – сказал он...

– Тридцать копеек пуд брал, – добавил староста...

– Отколите-ка мне кусочек, – говорю я, передавая лепешку старосте.

Староста, приказавший принести нож, приступил к исполнению моего поручения, для чего лепешка была положена им на нары. Дети просто впились своими глазенками в нее; они <были> готовы броситься на первого, даже растерзать друг друга, если только найдется такой смельчак. Отколотый кусочек передан мне... Я завернул

¹ Добротворский П. И. В глуши Башкирии... С. 163.

² Академический словарь башкирского языка. Т. 1. Под ред. Ф. Г. Хисамитдиновой. Уфа, 2011. С. 230.

³ Добротворский П. И. Указ. соч. С. 163.

его в бумагу и сунул в карман, дети, наконец, не выдержали, с плачем бросились за занавеску к матери и разрыдались таким криком, какого я не слышал»¹.

В этих условиях уцелевшее население Белебеевского уезда с нетерпением ждало наступления весны, на что обратил внимание мировой посредник, не раз побывавший в голодающих селениях, писатель, хорошо знакомый с жизнью башкир, живущих в ужасно тяжелых материальных условиях, умирающих массах, брошенных Русским правительством на произвол судьбы. «Спустя месяц, когда я ехал раздавать пособие, — отмечал П. И. Добротворский, — все башкирское население было уже на подножном корму: женщины и дети разных полов и разных возрастов, чуть не поголовно, высыпали в степь, где с раннего утра и до позднего вечера бродили толпами, разыскивая какие-то корни и собирая травы, которыми и питались»².

Жуткая картина жизни горного населения края голода 1921–1922 гг. ярко описана в статье известного писателя М. Гафури³. Чтобы убедиться в том, как было страшно в те годы в башкирских селениях, достаточно привести конкретные факты из сочинения вышеупомянутого автора. В частности, он отмечает: «Ундағы фажиғәләрҙе, әзәм балаһы күргән фажиғәләрҙе, тел менән һөйләп бөтөрлөк түгел, — ти ул. — Бөтөн-бөтөн ғаиләләр (был әле аслыҡ йылдың башындағы 21-се йылдың қышында булған хәлдәр) аслықтан қырылалар, бөтөн-бөтөн ғаиләләр һис қайҙа бара алмай яланғас көйө өйҙәрәндә бикләһәп вәһши халықтар кеүек көн күрәләр. Быларҙа оң, икмәк тигән нәмәһе телгә алған кеше лә юк. Разверстканын калған малдарын күбәһеһе ашап бөтөргәндәр инде. Шуның өстөнә һаман мәжбүри һалымдар килә. Һис кемдең ай-вайына қарамайынса һалынған разверстканы түләп бөтөргәләр. Үҙәндә булмағаны һуңғы берәр нәмәһеһе һатып, шуға әйбер алып түләй. Бик күбәһе қыш буйы ағас қайырыһы, шуның кеүек нәмәләр ашап килделәр. Күз алдарында аслық ғазабы менән яфаланып, балаларының әсе тауыштарын ишетмәс, уларҙың тыпырсынып үлеүҙәрән күрмәс өсөн ғәзиз балаларын Урал тауҙарының төпһөз урмандары араһында азаштырып ебәргән кешеләр булғыланы. Хәҙер был меҫкендәрҙең донъяла тороуҙан өмөттәре бөтөнләй өҙөлгән. Быларҙа кеше сифаты бөткән, рух тигән нәмә һүнгән. Был бисаралар хәҙер бөтөнләй хайуан дәрәжәһенә төшөп, нәмә тура килә шуны ашап, үлем көтәләр. Эш былай барһа, быларҙың қырылып бөтөүҙәре бик яқын ихтимал... быларҙың аһ-зарҙарын күргән, быларға ярҙам қулы һуҙған кеше юк. Төпһөз Урал тауҙарының қара урмандары араһында йәшәгән был халықтарҙың, ихтимал, тарих биттәрәндә исемдәре генә қалыр»⁴.

Конкретные факты о голодающем населении в 1921–1922 гг. по всей Уфимской губернии и в соседних областях приведены в исследовании известного историка Р. Давлетшина: «Ә хәл қатмарлашқандан-қатмарлаша, — ти ул. Бигерәк тә республиканың тау-урманлы кантондарында. Был яқтарҙа йәшәүселәр башлыса малсылық, урман кәсептәре менән шөғөлләнә. Игендә аз үстәрә, баксасылыҡ менән бөтөнләй булышмай тиерлек. 1918 йылдың йәйендә урмандарҙы национализациялау

¹ Добротворский П. И. Указ. соч. С. 21.

² Добротворский П. И. Указ. соч. С. 23–24.

³ Мәжит Гафури. Аслық фажиғәләре // Ватандаш. 1997. № 3. 156–159-сы бб.

⁴ Шунда ук. 158-се б.

уларзы кустарлык менән шөгөлләнеү мөмкинлегенән мәхрүм итә, ә мал-тыуарзың күп өлөшө һуғыш йылдарында ук реквизицияланған, королукло 1920 йылғы йотта ятып үлгән йә аслык башланыу менән һуып ашалған була. Улар өсөн, – ти автор, үз һүзен дауам итеп, – тоттош алабутанан, етмәһә, тиреҫ кушып бешерелгән икмәк төп азыкка әйләнә. Күптәр, ат тизгән йыйып, утта киптереп ашарға мәжбүр була. Эт, бесәй, комак, карға, бака һ. б. калмай¹.

О решающем жизненном значении съедобных трав и древесной коры в качестве пищи в голодные 1921–1922 годы писал так же Х. Мулладжалилов². «Атайым үткән көззән һакланған бер аз игән запасын иҫәпләп карай, – тип иҫкә төшөрә автор, – юк, яны уңышга тиклем, әгәр уңыш булһа әле – етмәйәсәк. Ә без бит бер-ике генә кеше түгел, ун йәнбөз. Шунлыктан, өстәмә азык булһын тип, нимәлер әзерләргә булдык. Һәм бына без атайым менән юл буйзарын, яландарзы кызырып, кырлык орлоғо йыябыз. Атайым ашарға ярарлык үлөндәрзе, тамыр-азыктарзы белә икән. Кыр йыуаһы, кузғалак, балтырған таһнак – оло кыуаныс. Эш азак ағас кабыктарын һызырыуға барып етте...».

Глава 2

ДРЕВЕСНЫЕ ПРОДУКТЫ КАК СРЕДСТВО СПАСЕНИЯ ОТ ГОЛОДНОЙ СМЕРТИ

Действительно, если исходить из этнографии народов, то лес, точнее говоря, древесное сырье, в одном случае, само дерево, в другом – кора или же его заболонь, в третьем – вкусный сок, выделяемый, например, березой ранней весной, не говоря о желудях или же смоле, используемой в разных целях, – все это имело важное значение в качестве пищи в экстремальных условиях. Не случайно у башкир бытовала поговорка *«ағас үстөргән – аска үлмәс»*, букв. «вырастивший лес – от голода не помрет».

Какое значение имел лес для башкир, в самых ярких красках охарактеризовал известный экономист В. В. Крубер³. «Урман (лес. – М. М.), – отмечал он, касаясь хозяйственно-бытового значения леса для башкирского населения, – стихия лесного башкира. Он в нем вырос, лес его кормит, дает ему заработок, средства к жизни, дает все, что нужно для домашнего обихода». Этой важной проблеме посвящены также монографические исследования автора данной книги⁴.

В засуху, повторяющуюся и второй год, запасы пищи, заготовленные населением, заканчивались уже к концу первой половины суровой зимы. В создавшихся условиях

¹ Дәүләтшин Р. 1921–1922 йылдарҙағы аслык // Ватандаш. 1997. № 3. 121-се б.

² Муллағәлилов Х. Собханғол һәм уның нәсел-нәсәбе // Ватандаш. 1997. № 3. 155-се б.

³ Крубер В. В. Оренбургская Башкирия в лесохозяйственном и лесопромышленном отношениях. СПб., 1887.

⁴ См.: Муллағәлилов М. М. Лесные промыслы у башкир. XIX – начало XX века. Уфа, 1994; Он же. Башкорттарҙа урман кәсәбе. Өфө, 2000.

единственной пищей для башкир являлась древесная кора. Судя по рассмотренным источникам и полевым записям, в качестве пищи в тяжелое время использовалась кора нескольких деревьев, чаще всего липовая (*йүкә кайыры*) и ильмовая кора (*йыла кайыры*). Употреблялась для пищи также кора вяза (*карама кайыры*), но реже. Об использовании в пищу сосновой коры (*карагай кайыры*) башкирами в голодные годы мы уже говорили. В источниках встречаются также указания на употребление в этих целях дубовой коры. Но это имело место у ряда других народов, в частности у русских¹. Касаясь дуба, уместно сказать здесь и о дубовых желудях. В голодные годы не было цены этому продукту. Повсеместно, где имелись дубовые леса, население охотно собирало желуди. Употребляли их в пищу или в жареном виде, или же делали из них муку. Последняя использовалась при хлебопечении в качестве основного продукта.

Возвращаясь к уже начатому вопросу, следует сказать, что предусмотрительные башкиры кору липы заготавливали заблаговременно еще тогда, когда в деревьях происходил активный процесс сокодвижения. В это время кора липы была сладковатой. Сушили ее в размельченном виде. Зимой при острой необходимости заготовленную сухую кору пропускали через жернова. Далее, добавив к полученному порошку немного просяной или ячменной муки, из этого суррогата пекли хлеб. Понятно, что такой хлеб по калорийности и вкусовым качествам намного уступал хлебу из муки зерновых культур. Тем не менее башкиры довольствовались им, поскольку он спасал их от гибели.

В том случае если летом не смогли заготовить липовую кору, то зимой срубали липовые палки или даже жерди, которые оттаивали в избе или в бане, чтобы можно было содрать с них съедобную кору.

Употребление липы в качестве пищи в экстремальных условиях было известно и другим народам, например, русским крестьянам. Об этом мы находим этнографические сведения в справочной литературе². К сожалению, у башкир насаждения липы имелись не везде, а только лишь местами, главным образом в лесной зоне. По сведениям архивных источников, хотя крайне скудных, известно использование в пищу также сосновой коры. Например, об этом сообщает исторический документ, отражающий жизнь башкир в период восстаний XVII–XVIII вв.: «К тому же из них, башкирцев, от голоду за неимением хлеба и скота и померли, – читаем в нем, – и употребляют в пищу сосновую кору». К сожалению, из-за истечения длительного времени теперь о технологии обработки данного сырья никто не помнит.

В период сокодвижения у деревьев башкиры использовали в пищу камбий березы, мягкую часть, расположенную между корой и древесиной (*кайын ите*). Для этого сначала с помощью топора на нужной точке сдирали бересту с дерева, а затем ножом, чаще всего тупым, соскабливали нижнюю часть древесины. Березовый камбий был

¹ См.: Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 8. М., 1981. С. 236. Так, например, в этом источнике читаем: «Идучи в острог и тянучи нарту, всякую нужду и бедность терпел, и дерево липу ел, и помирал голодною смертью».

² См.: Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 8. М., 1981. С. 236.

сладким. Таким образом, когда они не имели ни хлеба, ни других съедобных средств, камбий служил им в качестве самой сытной пищи.

Следует особо подчеркнуть, что даже в это страшное время, башкиры не забывали о природоохране. При употреблении в пищу камбия, березу они оголяли неполностью, иначе дерево погибло бы. За этим строго следили сами жители деревень, вернее, уцелевшая часть взрослого населения.

В голодные годы население поддерживало свою жизнь, хотя бы на некоторое время, с помощью жвачки (*һағыз*). Всякому приходилось видеть, как из трещин коры лиственницы или сосны сочилась жидкая смола (*сайыр*), застывающая на поверхности ствола дерева в виде капель и натеков янтарного цвета. Собирали смолу обычно осенью. В голодное время на этот промысел выходили даже зимой на лыжах*.

Иногда смола обильно скапливалась на кроне дерева в нескольких местах. В таком случае дерево срубалось. Технология обработки собранной смолы описана в специальной литературе¹.

Там, где не было хвойных пород дерева, смолу перетапливали из бересты. Читатель, интересующийся этим вопросом, может найти материал в книгах по этнографии башкир².

Теперь о том, как поддерживал полуголодный человек свою жизнь с помощью жвачки (*һағыз*). Как известно, в процессе жевания смолы активно выделяется слюна (*шайыҡ*), которая попадает в желудок, а затем в кишки. По словам информатора из д. Старомунасиново (Бурзянский р-н) Шарафетдина Кунафина: «Хотя человек был голоден, при жевании смолы он продолжал жить некоторое время». Жевание смолы (жвачки) способствовало, хотя и в какой-то мере, нормальному функционированию кишечника³. Вполне возможно, поэтому раньше башкиры, заблудившиеся в пургу (буран), редко когда искали дорогу в снегу, тут же распрягали лошадей, далее давали им закусывать удила, которые животные жевали (благодаря этому в их желудок попадала слюна), а сами же (речь идет о путниках) закапывались в сугроб под санями (человек редко замерзает под снегом). Кстати, о данном опыте упоминается в одной из статей журнала «Ватандаш» («Современник»)⁴.

Об употреблении в пищу камбия из молодой сосны, что наблюдалось раньше в жизни удмуртов⁵, из башкир никто не помнит. Вполне возможно, что это не практиковалось у башкир.

Таким образом, в критический момент, когда население голодало, его спасали от смерти только дерево и древесная кора.

* Речь идет о тех лицах, которые еще были в силах ходить.

¹ См.: Муллагулов М. Г. Лесные промыслы у башкир XIX – начала XX в. Уфа, 1994.

² Там же.

³ Полевые записи автора 1984 г.

⁴ Светлана Алибаева. Ваш сын вернется // Ватандаш. 1997. № 5. С. 193–194.

⁵ Туганбаев В. В. Народные средства выживания и лечения. Ижевск, 2005. С. 35.

БАШКИРЫ ПРИОЗЕРНОЙ ЗОНЫ В УСЛОВИЯХ ГОЛОДА

В условиях разразившегося голода не могли обойтись без собирательства и рыболовства также башкиры Курганской и Челябинской областей. Эти занятия играли здесь немаловажную роль в обеспечении населения дополнительными пищевыми продуктами растительного происхождения и разного рода сырьевым материалом. В степных лугах и на прилесных полянах они добывали различные съедобные травы и корнеплоды. Многие из них входили в состав растительности самой Башкирии. Они уже описаны в первой главе первого раздела данной книги*. Необходимо указать на такую особенность, что здесь наиболее активно использовались в пищу водные растения. Это объяснялось не столько характером географического ландшафта (в тех местностях было много озер с разного рода водной растительностью), а сколько сложившейся веками культурной традицией. Именно в этой зоне сосредоточивались основные массивы богатых крахмалом водных луковичных растений. Здесь они встречаются до сих пор. По этой причине приозерное население особенно не страдало от голода, свирепствовавшего на территории Урало-Поволжья и Западно-Сибирской низменности**.

Помимо того, жителей Зауралья выручали еще два обстоятельства: во-первых, рыба, которой были богаты многочисленные озера, окружавшие башкирские деревни. Башкиры ели рыбу не только сами, но больше торговали ею, меняя добычу в русских селениях на хлеб или картошку¹. Во-вторых, в это тяжелое время башкир, несомненно, экономически поддерживали их сношения на почве реализации белой глины, богатые залежи которой находились рядом с башкирской д. Бакеево. Потребность в этом материале ощущали почти все жители края, но особенно русские крестьяне. «За ведро глины наши предки выручали полведра муки», – рассказывал башкир Риза Мусин (63 г.), житель д. Бакеево². Судя по записям 1997 г., башкиры доставляли свой товар в русские села зимой на санках. Естественно, они не ограничивались одним только ведром глины, а стремились лучше удовлетворить потребности своих партнеров в строительном материале и получить как можно больше хлеба. Стало быть, привозили сюда не менее двух-трех ведер глины на каждом санке.

Возвращаясь к вопросу об использовании лебеды в пищу, позволю себе отметить, что обычно когда пекли хлеб на чашку лебеды добавляли горсть муки³. Стало быть, мука являлась лишь связывающим элементом зерен лебеды. Иначе говоря, хлеб был чисто из лебеды. Таким образом, как и в Башкирии, в Зауралье в условиях недостатка хлеба в питании населения определяющую роль играла лебеда. К сожалению, баш-

* См. выше.

** Речь идет о той части населения, которая тщательно подготавливалась к зиме, активно собирая съедобные травы и корни.

¹ Полевые записи автора 1997. С. 4–91.

² Там же. С. 46.

³ Хамматов Я. Йондозар нисек кабына. Офё, 1969. 36-сы б.

киры собирали ее не для себя, а чтобы сдавать государству. От каждого трудоспособного жителя требовалось собрать не менее 60 кг лебеды¹. Судя по сведениям, сбор этой травы был очень изнурителен и тяжел². С другой стороны, население вынуждено было находиться в поле в течение нескольких дней, полностью отрываясь от личного хозяйства. Ко всему сказанному следует добавить еще то, что башкиры Зауралья не меньше собирали лебеды и для личного пользования, в частности, для обеспечения себя пищей в суровое зимнее время.

Не из легких была также работа, связанная с переработкой собранного продукта³. Женщины, а иногда мужчины, даже маломощные дети, целыми сутками работали на ручных мельницах (*тирмән*), превращая хлебные семена в муку. «Как трудно ни приходилось нам тогда, мы работали⁴», – рассказывала жительница д. Бакеево (Сафакулевский р-н) Ишбика Асатуллина (96 л.), вспоминая об этих неимоверно тяжелых 1930–1935 гг. прошлого века.

Разумеется, по калорийности и другим полезным качествам семена лебеды намного уступали зернам злаковых культур, тем не менее она имела большое значение в жизни сельского населения. Не случайно башкиры называли ее «пшеницей» голода.

«Зимой, – продолжала уже упомянутая женщина, – жители занимались еще рыболовством. Для того чтобы ловить рыбу, делали прорубь во льду в виде большого котла, а затем закрывали ее на ночь сухой травой или соломой, за ночь сюда собиралось не мало рыбы. Утром, обнаружив ее там, вычерпывали рыбу особой лопатой⁵. Ели рыбу башкиры не только сами, а больше обменивали на хлеб или на картофель.

Следует отметить, что аналогичный обмен продуктами между башкирами и русскими крестьянами близлежащих селений происходил и в плодово-ягодный сезон, например, башкиры собранную вишню, иногда даже сушеную, отдавали своим торговым партнерам, в первую очередь в обмен на хлеб⁶.

Из трав и корнеплодов башкиры собирали сусак зонтичный, рогоз узколистый и широколистный, тростник обыкновенный. Отличное знание растительного мира своего края, умение ориентироваться в местном ландшафте помогали им без труда находить то или иное растение. Среди населения особой популярностью пользовался сусак зонтичный (*Butomus umbellatus* *сәскәле камыш* – по Янтуруину и Хисамову⁷, а также Мурзакаеву⁸ и *сәскәлегамыш* – по Хайретдинову)⁹; употребляли в пищу его

¹ Полевые записи автора 1997. С. 11.

² См.: Гайнан Амири. Радость жизни. Уфа, 1950. С. 29 (на башк. яз.).

³ См.: Баязит Бикбай. Избр. произведения. Уфа, 1959. С. 284 (на башк. яз.).

⁴ Полевые записи автора 1997. С. 10–11.

⁵ Там же.

⁶ Полевые записи автора 1997. С. 7–12. Здесь может возникать вопрос: «Откуда хлеб у русских крестьян в засушливые годы. Русские сеяли озимую рожь, за осень она успевала вырасти и укрепиться в корнях. Поэтому им удавалось собирать хотя бы немного урожая ржи.

⁷ Янтуруин С., Хисамов Ф. Русса-башкортса, башкортса-русса ботаника терминдары һүзлеге. Өфе, 1981. 64-се б.

⁸ Мурзакаев Ф. С. Русско-башкирский словарь сельскохозяйственных терминов. Уфа, 1987. С. 113.

⁹ Хайретдинов С. С. Русско-башкирско-латинский словарь ботанических терминов (роды растений). Уфа, 2002. С. 21.

крахмалистые и сочные корневища. На зиму их сушили на крышах навесов или же сараев, размалывали обычно в ступах, использовали как муку. По сведениям ботаника Е. Н. Клобуковой-Алисовой, по цвету и вкусу сусаковая мука напоминала необдирную пшеничную муку¹. Углеводы в ней составляли 60 %. Практическая польза от этого растения для людей была исключительно большая: во-первых, сусак можно было найти всегда и в любое время, даже в условиях затяжной засухи; во-вторых, его могли заготавливать в большом количестве. «Благодаря этому растению мы уцелели от голодной смерти», – говорил, например Салимгарей Мухаметджанов (73 г.), житель д. Аскарново Курганской области². Кстати сказать, это растение широко распространено не только в Зауралье, но и в Башкирии. Здесь оно встречалось в Аургазинском, Баймакском, Бирском, Бузовьязовском, Давлекановском, Дуванском, Иглинском, Кушнаренковском и в ряде других районов³.

Интересно заметить, что отдельные жители до сих пор собирают его и употребляют в пищу, чтобы разнообразить свое меню. Кстати, заслуживает внимание тот факт, что это растение было популярным среди тюркского населения Чулымского края⁴.

В голодные годы жизнь башкир Зауралья поддерживалась также рогозами (Турһа *екәнле камыш* – по Янтурину и Мурзакаеву, *екән* – по Хайретдинову и полевым записям). Судя по сведениям Е. В. Кучерова, в корневищах рогозов (узколистного и широколистного) обнаружено до 40% крахмала, до 11% сахара, до 24% белка⁵. Кстати сказать, об этих растениях как о пище высоко отзывалась также и Е. И. Клобукова-Алисова. «Корневище, высушенное и превращенное в муку, – отмечала она, – с примесью ржаной или пшеничной муки может употребляться для приготовления вкусных пресных лепешек»⁶. «Если не было водяных растений, мы вряд ли выжили бы», – говорили люди старшего возраста в таких деревнях, как Аскарново и Бакеево, Шарипово и Мурзабаево Курганской области⁷.

Конечно, говоря о пищевых растениях, игравших исключительно большую роль в критических условиях жизни башкир, мы не должны забывать о такой траве, как тростник обыкновенный (*Dhragmitesrommunis Trin.*), *камыш*. «Это растение, – отмечал ботаник Е. В. Кучеров, – в своих корневищах (в сухом виде) содержит до 50,8 % крахмала и до 15 % сахара. Высушенные и размолотые корневища идут для выпечки хлеба»⁸. Именно по этой причине башкиры охотно собирали его в тяжелое для них время.

¹ Клобукова-Алисова Е. Н. Дикорастущие полезные и вредные растения Башкирии. Т. I. М.; Л., 1958. С. 17.

² Полевые записи автора 1997. С. 67–68.

³ Клобукова-Алисова Е. Н. Указ. соч. С. 17.

⁴ См.: Тюрки таяжного Причулымья. Популяция и этнос. Томск, 1991. С. 51–57.

⁵ Кучеров Е. В. Ботанические экскурсии в Башкирии. Уфа, 1987. С. 139.

⁶ Клобукова-Алисова Е. Н. Указ. соч. С. 18.

⁷ Полевые записи автора 1997.

⁸ Кучеров Е. В. Указ. соч. С. 140.

Среди водных растений, известных башкирам Зауралья, стрелолист обыкновенный занимает скромное место. Однако по полезным свойствам он несколько не уступает широкоизвестному сусаку обыкновенному. Стрелолист обыкновенный (*Sagittaria sagittifolia* L.), *укъяпрак*, как съедобная трава, плохо сохранился в памяти пожилых людей. Тем не менее об этом растении ботаники хорошо отзывались. «В пищу идут сваренные или испеченные клубни, – подчеркивала, например, Е. К. Клобукова-Алисова, – вкусом напоминающие каштаны; в сыром виде они напоминают орехи. В вареном виде клубни делаются более мучнистыми, рассыпчатыми, теряют горечь, и их употребляют для получения муки и приготовления различных блюд. По сравнению с клубнями картофеля клубни стрелолиста содержат в 1,5 раза больше крахмала и в 5 раз богаче белком».

Таким образом, если в тяжелые годы жизни для населения Башкирии надежной опорой служили бубенчик лилиелистный (*әтлек*) и сарана (*һарына*), а также лебеда, то для башкир Зауралья определяющее значение имели водные растения.

Несомненно, как мы уже указали на это, в поддержании жизни последних не малую роль играла и рыба, которой были богаты местные озера. Об этом сказано в нашей книге достаточно подробно¹.

В тяжелые годы войны благодаря собирательству многие жители сельской местности уцелели от голодной смерти, а их дети смогли продолжить учебу в школах, получить образование. Так, многодетная башкирка Сара Валидова-Валеева (Белорецкий р-н), несмотря на страшные житейские условия, любыми путями поддерживала своих детей, не позволяла им бросать школу. А последние, получив образование, впоследствии стали различными специалистами и известными учеными².

Таких матерей-одиночек было немало по всей Башкирии. Их трудовой подвиг и энтузиазм заслуживают самой высокой оценки со стороны властей и в наши дни.

¹ Муллагулов М. Г. Собирательство и рыболовство у башкир. Уфа, 2007 (см. II раздел).

² Кильмөхәмәтова Нурия. Минәң кәзерләрем // Агизел. 2013. № 11. 139–189-се бб.

ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ

Перед автором данной книги стояла скромная задача – познакомить читателя с традициями собирательства и рыбной ловли башкир. Это было вызвано двумя причинами: во-первых, крайне слабой разработанностью данной проблемы в башкирской историографии, во-вторых, существованием различных оценок роли этих занятий в системе традиционного хозяйства башкир. Если одни исследователи (А. П. Чулошников, Р. Г. Кузеев, Х. Ф. Усманов) считали рыболовство одной из важных отраслей экономики башкир, то другие (например, Р. З. Янгузин) вообще отрицали его роль в системе жизнеобеспечения башкир в XVII–XIX вв.

Поэтому при изучении рыболовства у башкир мы старались обратить внимание прежде всего на его архаичные способы и связанные с этим обряды и приметы. Кстати сказать, бытование в хозяйственной сфере подобного рода явлений само по себе свидетельствует, с одной стороны, о древности того или иного занятия, с другой – об исключительной стойкости традиций в области хозяйственной жизни¹.

Так, например, ранней весной, как только появляется первая трава, женщины и дети спешат в горы и на поляны за зеленью. В ягодную пору женщины, оставив домашние занятия, отправляются на ягодники. Ловят рыбу сетью в основном мужчины, и изредка женщины. Распределяет рыбу старший по возрасту, раздавая ее мужчинам и даже мальчикам – кому-то побольше, кому-то поменьше. Женщинам и девушкам рыбу не дают: «Так положено. Рыбная ловля – это наше дело, – говорили информаторы. – Что касается женщин, то пусть они собирают травы и корнеплоды».

У башкир было выявлено бытование тщательно разработанной терминологии рыб с учетом их возраста. Например, башкиры-усергене (преимущественно жители Зианчуринского и Зилаирского р-нов Башкортостана) хариуса четырех-пятилетнего возраста называют *күк ял*, среднего – *бәрзе*, а годовалую рыбешку – *бәрсәк/бәрзесәк*. Дробная классификация хариуса в зависимости от возраста характерна и для башкир других родов, например, кугарчинцев, бурзянцев, тамьянцев, кипчаков и катайцев Инзерского бассейна, вообще жителей горной части республики, которые совершенно забыли первоначальное название рыбы. Можно сказать, что аналогичная классификация существует у большинства коренных жителей и для щуки. Так, рыба старше 5 лет называется *суртан*, 3 – 4 лет – *сурагай*, а одногодка – *калам*. Старая щука в преданиях и легендах башкир фигурирует под термином *оло*

¹ De Mortellet A. Survivance usuelle de la pierre // Revué anthropologique. Paris, 1911. № 3. P. 82.

суртан. Подобного рода классификация имеется у ряда жителей для тайменя, крупная особь которого называется *кызыл балык*, а рыба среднего возраста – *кызылса* и т. д. Подобных примеров можно привести еще немало, но даже сказанное нами позволяет сделать вывод, что, во-первых, корни подобной классификации уходят в глубь тысячелетий; во-вторых, это свидетельствует о хорошем знании башкирами морфологии и биологии рыб. Следовательно, в древности традиций рыболовства у башкир сомневаться не приходится.

Хотя скотоводство обеспечивало их основными жизненными средствами и давало мясо и молоко, строительный материал и т. д., башкиры не могли обходиться без собирательства и рыбной ловли¹. Продукты собирательства – съедобные травы и корнеплоды – заменяли башкирам овощи, а рыболовство предоставляло им быстроусвояемое организмом мясо. Рыбьей кожей башкиры обтягивали окна изб (И. Г. Георги, Ф. Лобысевич). Из чешуи и костей рыб они изготавливали клей (с помощью него, кстати, скреплялись друг с другом составные части конского седла, боевого и охотничьего лука).

Конечно, собирательство и рыболовство, за исключением нижнего и среднего течения р. Белой и приозерной части Зауралья, не были доминирующими отраслями башкирского хозяйства. Однако и здесь мы обнаруживаем такие самобытные способы, как глубинный лов крупной рыбы с помощью скрещенных шестов, соединенных на концах небольшой сетью (*кур ултырыу*), ловля шук в озерах петлей на самца шуки в период нереста или же лов хариусов ловушкой с порогом (*һеүән*). Уникальной, характерной только для башкир, является технология ловли рыб с лошади, часто практиковавшаяся у катайцев. Поэтому мы не можем не согласиться, с одной стороны, с В. Флоринским, увидевшим в башкирах «большую склонность к такого рода занятиям, где требуется не одна механическая и рутинная привычка, а разнообразие приемов и личное соображение»², а с другой – с М. Круковским, назвавшим башкир большими выдумщиками и изобретателями³. Хотя у башкир и существовали оригинальные способы ловли рыбы, отсутствующие у других народов Южного Урала, все же они были частью общих культурных достижений человечества.

Привлекает внимание и другой немаловажный момент – особое отношение башкир к дарам природы. За свою многовековую историю башкиры накопили обширные экологические знания. Они выработали целый комплекс норм и правил, которыми руководствовались в процессе жизнедеятельности. Благодаря этому обеспечивался естественный баланс фауны и флоры, а также взаимодействие природы и социума. Так, башкиры в одно время года занимались собирательством,

¹ В годы эпизоотий и засухи, а также в других экстремальных случаях, например, массовый падеж скота из-за затяжных буранов, башкиры могли рассчитывать только на эти занятия, иначе говоря, благодаря им они уцелели.

² Флоринский В. Башкирия и башкиры. Путевые заметки // Вестник Европы. 1874. Кн. 12. С. 743.

³ Круковский М. Южный Урал: путевые очерки. М., 1909. С. 73–74.

а в другое – рыболовством, или же одновременно и тем и другим. Это зависело в одном случае от хозяйственной необходимости, а в другом – от сезона. При этом действия башкир никогда не приводили к природному дисбалансу. Например, при сборе дикого лука (*оҫкон, талғыр йыуа*) и другой съедобной травы люди старались не повредить корни этих растений. Особенно бережно относились башкиры к редким растениям, в частности к чернике и бруснике. Категорически запрещалось при сборе плодов ломать кустарники.

Бережное отношение башкир к природе проявлялось и в рыболовстве. Широкое распространение у них получила ловля рыбы руками «на ощупь» под камнями или в водорослях, в речных ямках. В отличие от пришлого населения башкиры ловили рыбу в основном только для разового питания, не делая запасов впрок. По-видимому, башкиры предпочитали употреблять в пищу только свежую рыбу. Информаторы также сообщали, что хариус, форель и таймень – «ценные породы рыб, зачем нам ловить их много?». При ловле рыб сетями выбирали только крупных особей, а мелочь выпускали обратно в воду. Во многом благодаря таким нормам традиционного природопользования в регионе сохранились такие уникальные виды рыб, как *хариус* и *форель*, хотя и редко *таймень*.

Необходимо вести активную работу по разведению лучших видов рыбы как по вкусовым качествам, так и по их калорийности. Вроде бы такая работа в республике началась еще в 60-е годы XX века. Так, например, судя по сведениям начальника отдела охраняемых природных территорий и сохранения биоразнообразия ОГУПР МПР РБ и РБ* Ф. Абдуллина, в 1959 г. в озеро Аслы-куль был интродуцирован *сиг*, а в 1962 году – *рипус*¹. Кстати сказать, эти же виды рыб были запущены в ряде озер Курганской и Челябинской областей². Важно подчеркнуть, что подобная работа очень перспективна в обеспечении населения рыбной пищей в будущем. Достаточно сказать, что, по словам начальника государственной инспекции рыбоохраны по Республике Башкортостан Ш. С. Аюпова, только на материковых озерах Зауралья по самым скромным подсчетам можно вырастить свыше 1000 т ценнейшей рыбы (*сиг, рипус*)³.

Как мы уже упоминали выше, в настоящее время по данному направлению активно трудятся специалисты и работники ООО «Кармановского рыбхоза»⁴. Тем не менее по рыболовству, особенно по разведению лучших видов рыбы в местных водоемах, мы по-прежнему отстаем от соседних республик и областей.

К сожалению, в последнее время многовековой опыт взаимодействия природы и общества игнорируется, сбор трав и корней, в равной мере ягод и плодов, лов

* ОГУПР МПР РФ – Объединенное Главное Управление природных ресурсов и охраны окружающей среды Министерства природных ресурсов Российской Федерации по Республике Башкортостан.

¹ Абдуллин Ф. Башкирское море Аслы-куль // Табигат (Природа). 2003. № 18–20. С. 30–31.

² Полевые записи автора 1971 и 1997 гг.

³ Аюпов Ш. С. Не ловите рабу в мутной воде // Табигат. 2004. № 7. С. 24.

⁴ См. подробнее об этом: Тиненева В. Осетрина первой свежести // РБ. 2005. 19 окт.

рыбы, осуществляются без учета особенностей данной местности. Мы обращаемся с природой беспощадно: ломаем и топчем, безжалостно выдергиваем их корни, а лов рыбы принял хищнический характер, в результате чего получило распространение браконьерство¹. По материалам, имеющимся в официальных документах, против этого нездорового явления в нашей жизни ведется активная борьба усилиями республиканской власти², но этого не достаточно.

Для того чтобы сохранить уникальность башкирской природы, особенно редкие виды флоры и ихтиофауны, необходимо возродить традиционные способы собирательства и рыболовства.

У читателя непременно возникнет вопрос: существуют ли эти виды занятий у башкир в настоящее время? Можно ответить положительно. Например, работа по сбору дикорастущих лечебных трав и корней, плодов и ягод в последние годы приобрела исключительную актуальность. Удивительно и то, что разного рода грибы башкиры наравне с русскими активно употребляют в пищу, консервируют на зиму.

Похвально и то, что приобретает некоторую актуальность среди населения работа по интродукции и акклиматизации дикорастущих видов известного ученого Н. И. Вавилова, изучавшего растительность мира.

Большинство информаторов, особенно лица пожилого возраста, основную причину распространения тяжело излечимых болезней как сердечный приступ, диабет и рак видели в питании, т. к. сегодня особую актуальность приобретают продукты неестественного происхождения.

А как мы относимся теперь к собирательству? Не то что не ценим многовековой опыт наших предков, а просто пренебрежительно относимся к достигнутому агрокультурой в период многолетней жизни человека. Результат нашего отношения к природе, в частности к пище растительного происхождения, ясен. Стало быть, перед нами в настоящее время одна дилемма – защищать природу, животных и растительный мир и, активно пользуясь ее благами, не нарушать естественную закономерность.

*Рекомендации по сохранению плодово-ягодной и растительной флоры,
а также ихтиофауны в Республике Башкортостан*

1. Запретить сбор дикого лука, особенно таких видов, как *талгыр йыуа* (пойма верхнего течения р. Белой) и *оскон*.
2. Прекратить выпас скота в местах произрастания черники, брусники и клюквы. Обязать егерей следить в период созревания ягод за соблюдением правил их сбора.

¹ См.: Незнакомов А. Под носом у работников Рыбнадзора // Сов. Башкирия. 1967. 6 авг.; Мавлеева Г. Китайский километр: как на Кандрыкуле браконьеров ловили // РБ. 2006. 24 мая.

² Аюпов Ш. С. Не ловите рыбу в мутной воде... С. 24–25.

3. Вести мониторинг действий рыбаков-любителей как в период нереста, так и в обычное время.
4. Запретить продажу полимерных сетей, особенно трехслойных неводов и бредней корейского, китайского и вьетнамского производств.
5. Ввести запрет на использование электрических орудий лова рыбы.
6. Егерям выявлять и пресекать нарушения правил пользования природными ресурсами.
7. При органах местного самоуправления создавать комиссии, осуществляющие мониторинг действий населения и егерей по охране природы.

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	3
ВВЕДЕНИЕ	5

Раздел I

СОБИРАТЕЛЬСТВО КАК ОТРАСЛЬ ТРАДИЦИОННОГО ХОЗЯЙСТВА У БАШКИР И ЕГО ЗНАЧЕНИЕ В ЖИЗНЕОБЕСПЕЧЕНИИ НАСЕЛЕНИЯ

Глава 1. Сбор съедобных трав и корнеплодов	25
Глава 2. Сбор диких ягод и плодов	44

Раздел II

РЫБОЛОВСТВО

Глава 1. Историческая справка	63
Глава 2. Водоемы и их промысловые обитатели	73
Глава 3. Архаичные способы рыболовства	82
Глава 4. Технология ловли рыбы. Ужение.	98
Глава 5. Ловля рыбы на перекатах	123
Глава 6. Почему исчезает южноуральская рыба?	153

Раздел III

РОЛЬ СОБИРАТЕЛЬСТВА И РЫБОЛОВСТВА В ЭКСТРЕМАЛЬНЫХ УСЛОВИЯХ

Глава 1. Засухи и другие эпизоотии. Голод.	160
Глава 2. Древесные продукты как средство спасения от голодной смерти.	163
Глава 3. Башкиры приозерной зоны в условиях голода.	166
ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ	170

В книге использованы фотографии из архива автора

Научное издание

МУЛЛАГУЛОВ Мирза Гизитдинович

**АРХАИЧНЫЕ СПОСОБЫ ХОЗЯЙСТВА У БАШКИР:
ТРАДИЦИИ И НОВАЦИИ**

Редактор *В. С. Усманова*

Художник *М. Л. Ахмадуллин*

Художественный редактор *А. Р. Мухтаруллин*

Технический редактор *В. Р. Абдрахманова*

Корректоры *Г. Ф. Закирова, О. В. Савичева, А. М. Черепкова*

Компьютерная обработка *Ю. М. Абсалямова*

Подписано в печать 18.11.14. Формат 70х90^{1/16}.

Бумага офсетная. Гарнитура Таймс. Печать офсетная.

Усл. печ. л. 12,87+1,17 вкл. Усл. кр.-отт. 18,73. Уч.-изд. л. 13,13+1,05 вкл.

Тираж 2000 экз. Заказ 141190.

Государственное унитарное предприятие Республики Башкортостан

Башкирское издательство «Китап» имени Зайнаб Бишшевой.

450001, Уфа, пр. Октября, 2

Отпечатано с предоставленных файлов.

Государственное унитарное предприятие Республики Башкортостан

«Издательство «Белая река».

450078, Уфа, пр. С. Юлаева, 55

